

ТОМ МАРТИН

КРЫЛО ЛЮЦИФЕРА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ТОМ МАРТИН

КРЫЛО ЛЮЦИФЕРА

ЭКСМО

Москва
«ДОМИНО»
Санкт-Петербург
2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
М 29

Tom Martin

PYRAMID

© 2007 by Tom Martin

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергей Шикина*

Оригинал-макет подготовлен
Издательским домом «Домино»

Мартин Т.

М 29 Крыло Люцифера : роман / Том Мартин ; [пер. с англ. А. Крышан]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 368 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-36479-4

Профессор экологии Оксфордского университета найден мертвым в горах Перу. Кэтрин Донован, его ученица, дает клятву разобраться в причинах смерти учителя. В ее руки попадает зашифрованное послание, из которого становится ясно, что наша Земля стоит на грани мировой катастрофы...

Роман тайн, действие которого перемещается из одной точки планеты в другую, где загадки древних цивилизаций сплетаются в единую цепь, а из звеньев этой цепи складывается судьба человечества.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-36479-4

© А. Крышан, перевод, 2009
© ООО «ИД «Домино», оформление, 2009
© ООО «Издательство «Эксмо»,
издание на русском языке, 2009

Джей

ПРОЛОГ

Профессор Кент бросил последний взгляд на залитый призрачным лунным светом таинственный пейзаж древних руин Мачу-Пикчу, вытянувшихся в ста ярдах внизу по краю высокогорной долины Анд. Каких-то десять минут назад он крепко спал в теплой постели отеля «Руинас», что неподалеку от знаменитого объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО, как вдруг был грубо разбужен двумя чужаками.

Он не успел позвать на помощь — рот ему заткнули кляпом и вытащили из кровати. Затем, ни слова не говоря, вывели босым из номера в коридор и далее, через дверь пожарного выхода, — в холод ночи.

«Спустя столько лет они все-таки нашли меня».

Жутко это осознавать. Последние несколько месяцев он уже было начал сомневаться в собственном здравомыслии, однако это ночное похищение доказывало, что сделанные им открытия являются — как он и предполагал — фундаментальными...

Много лет профессор Кент подозревал, что если будет следовать далее по пути своих достижений, то выманит из теней силы зла. Каждое из этих открытий должно становиться для них все большим искушением — до тех пор, пока они наконец не поставят вопрос о целесообразности его пребывания на земле.

«Куда они меня ведут?»

Ночь была холодна, и его охватила дрожь. Спотыкаясь, он ковылял по крутой узкой тропе, взбирающейся куда-то к глухим уголкам горного склона. Он выглядел таким жалким рядом с кряжистой фигурой головореза,

подталкивающего его в спину. Белая борода профессора растрепалась, редкие волосы спутались и прилипли к голове, а бледное, без кровинки лицо напоминало лик призрака. Но даже в эти мгновения он находил утешение в том, что видел вокруг: обласканный одним лишь лунным светом, горный ландшафт был торжественно красив.

Все трое выбрались на небольшое плато, и похититель пониже ростом, шедший всю дорогу впереди, развернулся, вытащил из кармана куртки маленькую коробочку и раскрыл ее. В темноте профессору Кенту было не разглядеть, что лежит внутри. Здоровяк, державший руки профессора за спиной, внезапно усилил захват и заставил несчастного старика опуститься на колени.

В слепой панике профессор попробовал было сопротивляться, но бандит просто надавил чуть сильнее и прижал его щекой к каменистой земле, а затем вытаскивал кляп.

И только когда профессор заметил, что второй похититель присел рядом на корточки со шприцем в руке, он начал кричать. Медленно — по крайней мере, казалось, будто невообразимо медленно, — человек поднес шприц к лицу профессора. Похожая в лунном свете на ртуть, на кончике иглы блеснула капля. Затем коротышка подал голос — будто само зло зашептало в ухо профессора:

— Ну, старик, есть что добавить к той брехне, что ты наплел?

В речи его слышался акцент, но какой — непонятно. Профессор Кент повернул голову, насколько смог, краешком глаза ему удалось увидеть лицо задавшего вопрос. С большим трудом он прохрипел:

— Если это «брехня», зачем же тогда вы пришли за мной?

Мрачный незнакомец презрительно рассмеялся, затем протянул руку и провел кончиком иглы поперек шеи профессора. Кент едва ощутил царапину, но он знал,

что и ее достаточно. Легкие сразу же стали наливаться свинцом.

Чувствуя, как кровь разносит по телу яд, он вдруг ощутил, будто свалил с себя тяжелейшее бремя. Единственное, чего сейчас хотелось, — чтобы дали спокойно умереть, но палач продолжил его муки.

— Ты дьявол, профессор Кент. А дьяволам место в аду.

— В моей философии нет дьяволов, как нет и ада...

— Ну хватит! — взвизгнул коротышка. Его сообщник с силой вдавил профессора лицом в листья, и тот почувствовал, что сознание покидает его.

— Не собираюсь слушать твои очередные вранья. Неужто тебе никогда не приходило в голову, что прошлое и будущее суть частная собственность и никоим образом тебе принадлежать не могут, а, профессор Кент? А принадлежат они людям более значительным. — Сейчас в голосе мучителя не было ни капли гнева. — Думал, удасться обвести нас вокруг пальца? Думал, тебе позволят обнародовать то, что ты нарыл?

При этих словах что-то блеснуло в его руке. Лезвие бритвы.

«Что он собирается делать? — Профессор вяло посмотрел в его сторону. — Ведь он уже исполнил смертный приговор, отравив меня».

Коротышка продолжил речь, полную сарказма:

— Мы великодушны. Мы тебе, как греческому философу Сократу, которому предложили шанс самому распорядиться своей жизнью, тоже делаем достойное предложение... Умереть не ужасной смертью. Зачем будоражить следствие, возбуждать интерес к твоим туманным так называемым теориям. Самоубийство вызовет куда меньше шума — не правда ли, профессор?

С этими словами громила ослабил хватку. Инстинктивно профессор сделал попытку пошевелиться, но тело не послушалось. Его парализовало.

Почти без усилия коротышка перекатил профессора на спину, потянулся к его правой руке и полоснул брит-

вой вдоль запястья. Кровь ударила струей, а затем ровным потоком стала вытекать из раны на землю. Он дал руке безвольно упасть на землю, а затем вложил лезвие в пальцы левой и сжал их — эту руку он аккуратно опустил на землю.

— Мы предоставим Господу придумать тебе кару за богохульства. Твое время на Земле вышло, старик.

Профессор собрал всю волю в попытке разжать пальцы и дать лезвию выпасть, но ничего не вышло. Так он и остался лежать неподвижно — сам себе палач.

— Не существует того библейского Бога, что мог бы наказать меня. Мои доказательства все равно найдут... — Голос профессора угас: яд подействовал на мышцы гор-
тани.

Коротышка проворчал своему спутнику:

— Вот же упертый! Откуда у него такая нездоровая вера? Он неистребим — прямо как таракан.

С этими словами он нагнулся и провел по шее профессора комочком ваты.

— Подумать только: рядовой ученый, и столько из-за него осложнений... Так, теперь возвращаемся в отель и общаем его номер. Улик оставлять нельзя.

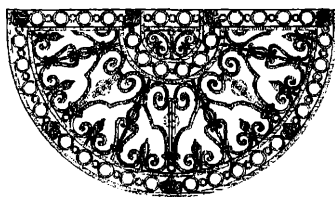
Несколько секунд они смотрели на неподвижное тело, а затем неслышно растворились в ночи.

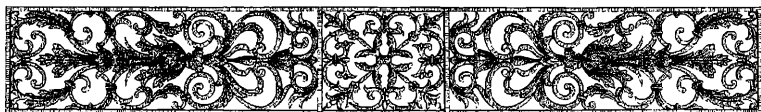
Взгляд парализованного профессора Кента был устремлен вверх — к звездам. Долгие годы он исследовал таинственные небеса как область своего похода за великой правдой, и даже сейчас, когда силы оставили его, сознание привычно отметило все знакомые паутинки созвездий. Финальным проблеском угасающего рас-
судка была мысль о недавнем открытии.

«Что ж, интуиция меня не обманула. Я раскрыл последнюю тайну. Но это значит, что мир на краю страшной катастрофы. А карты — карты в безопасности? И когда меня не станет, поймет ли кто, в чем их смысл?»

Затем — тьма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

За пять минут до полудня солнечного и не по сезону теплого мартовского вторника Кэтрин Донован, выпускница Оксфорда и, в свои двадцать девять, самый молодой за всю историю университета ученый стипендиат, прошла через небольшую дверь в массивных деревянных воротах и очутилась в уютной тиши приветливого квадратного кампуса колледжа Олл-Соулз*. Солнце заливало лужайку и согревало каменные стены Котсволда, а колокола университета рассыпались звоном, предвещая наступление полудня.

Олл-Соулз самый престижный и самым закрытый из всех пяти колледжей Оксфорда. Здесь нет студентов как таковых, в то время как в большинстве колледжей обучается по двести, а то и по четыреста человек. Все очень просто: Олл-Соулз — обитель избранных ученых мирового класса, посвятивших себя углублению познаний человечества в широчайшем спектре — от ядерной физики до искусства ислама.

* Олл-Соулз — научно-исследовательский колледж в Оксфордском университете. Основан в 1438 г. королем Генрихом VI и архиепископом Кентерберийским Г. Чичеле. В его состав входят ректор и 60 членов совета колледжа. Студенты в колледж не зачисляются. Звание члена совета является почетным и присваивается выпускникам Оксфордского университета после сдачи особых экзаменов, а также видным ученым Оксфордского и других университетов.

Стать членом этого элитного клуба ученых любой страны мог лишь в результате скрупулезного отбора. Но те, кому это удавалось, никогда не жалели. Обращались с исследователями поистине как с членами королевской семьи. Винный погреб колледжа был одним из лучших в университете, а тех ученых, которые жили в предоставленных колледжем квартирах, как в старину, будил по утрам привратник, приносивший чай, тосты и утреннюю газету — все это на серебряном подносе. Но самое важное — ни один член ученого совета не был связан обязательством преподавать: каждый мог посвящать все свое время поиску истин, разрушающих каноны, в области, избранной им самим.

Пребывание в Олл-Соулз Кэтрин — красивой молодой женщины, к тому же еще и американки, — могло, наверное, кому-то показаться странным. Однако другие научные сотрудники, привыкшие здесь к разного рода странностям и чудачествам, просто уважали ее и без особого удивления относились как к белой вороне среди белых ворон. Они радушно приняли Кэтрин, удовлетворенные знанием о том, что она уже является мировым лидером в избранной ею области — астрономии.

Кэтрин Донован бросила взгляд на свои часы. «У меня всего пять минут».

Она метнулась к ящичку для корреспонденции и схватила лежащую там утреннюю почту: пара неинтересных коммюнике с факультета астрономии и большой коричневый конверт, явно из-за рубежа. В спешке осмотрев его, она тут же узнала почерк профессора Кента. Меньше всего ей сейчас хотелось бы опоздать на свою последнюю в этом семестре лекцию. Поэтому она сунула конверт в портфель и, стремительным шагом обойдя по периметру квадратный дворик, направилась к аудитории.

Как и всегда на лекциях доктора Донован, красивое старинное помещение в сердце колледжа наполнилось студентами со всего университета. Лекции ее, несомненно, были самыми популярными на факультете. Кэтрин проводила их по своей инициативе, потому что ей нравился контакт со студентами. Те же были ей преданы, и число слушателей неуклонно росло. Только вчера во время кофе-брейка в профессорской один из ее приятелей-коллег озорно поддразнивал: мол, слышал, как двое студентов говорили о ней как о самом привлекательном преподавателе в университете.

Темные волосы до плеч, изящные черты лица с высокими скулами, спортивная грация — где бы она ни появлялась, всюду притягивала взгляды, прекрасно сознавая это.

Однако этим утром Кэтрин немного волновалась. По заведенной традиции, целью последней лекции семестра было наполнить студентов вдохновением перед долгими каникулами.

Сегодня она собиралась поразить их воображение рассказом об одной из самых странных и необъяснимых загадок космоса — тайне, грозящей поистине страшными последствиями всему человечеству. Студенты были из разряда блестящих, и все же все они были молоды, и важно было напомнить им о слабости человеческого знания перед лицом неизведанного.

С высоты подиума Кэтрин обвела взглядом море лиц, обращенных к ней. Прочистив горло, начала:

— Всем добрый день. Большое спасибо, что пришли. Сегодня для начала мне хочется узнать, в состоянии ли кто-нибудь из вас разгадать одну из величайших загадок всех времен.

Негромкий, но дружный гул восхищения прокатился по залу, и она почувствовала на себе десятки горящих нетерпением взглядов.

— Как всем нам известно, самая яркая звезда на ночном небосводе — Сириус. Существуют, правда, одна-две звезды, расположенные чуть ближе к нашей Солнечной системе, но ни одна из них не светит так ярко. Возможно, поэтому Сириус занимает центральную позицию почти во всех мифологиях Древнего мира.

Кэтрин подняла глаза на море лиц.

«Отлично — такие у всех мордахи смышленные...»

И, сменив вдруг тон на заговорщический, продолжила:

— Но давайте предположим — только лишь предположим, — что на это существуют и другие причины...

Она вновь сделала паузу, на этот раз — чтобы глотнуть воды из стакана, стоящего на столе. Затем посмотрела на свой лэптоп и кликнула мышкой. В то же мгновение на огромном белом экране, висающем на стене за ее спиной, появился слайд.

Слайд делил экран на две фотографии, расположенные бок о бок. На левом фото была диаграмма, нацарапанная то ли на песчанике, то ли на ровной, выжженной солнцем земле.

Второе изображение было явно сделано с помощью новейшей астрономической компьютерной программы. Это была графическая иллюстрация величественного движения отдаленного космического объекта по своей древней орбите. Виден был также и второй объект, поменьше. Его курс спиралью обвивал линию движения своего крупного соседа, словно в попытке ускользнуть от его притяжения.

Кэтрин подняла голову взглянуть, четко ли отображены два снимка на большом белом полотне экрана.

— Поскольку расстояниям между звездами свойственно меняться, в настоящее время Сириус виртуально наш ближайший сосед. Кто-нибудь может сказать, каково расстояние до него?

Она еще раз внимательно оглядела аудиторию. Лохматый паренек в третьем ряду поднял руку. Кэтрин ободряюще улыбнулась, но стоило ласковому взгляду ее красивых зеленых глаз остановиться на его лице — и юноша потерял дар речи. Улыбаясь благожелательно, но чуть-чуть подпустив нетерпения в интонацию, она мягко убедила его начать говорить:

— Слушаю вас.

Юноша залился ярким румянцем и, запинаясь, стал отвечать:

— ...Это... В общем... До него две целых шестьдесят семь сотых парсека... Или восемь целых семь десятых световых лет, или же пятьдесят два триллиона миль.

Ответ его впечатлил Кэтрин.

— Верно! Отлично. Благодарю вас. Итак, в тысяча восемьсот сорок четвертом году Фридрих Бессель, немецкий астроном, высказал предположение, что у Сириуса имеется невидимый близнец. Бессель долгое время посвятил скрупулезным вычислениям медленного движения Сириуса и заметил небольшое отклонение от курса при следовании звезды по орбите. Бессель подумал, что это может быть вызвано только одним — гравитационным воздействием невидимого «соседа», однако доказать этого не смог. В то время людям было не под силу создать телескоп, в который можно было бы разглядеть объекты звездной системы Сириуса. Тем не менее в тысяча восемьсот шестьдесят втором году американский астроном Элван Кларк с помощью телескопа, который сам спроектировал и построил, впервые в истории человечества разглядел едва видимый спутник Сириуса, тем самым доказав правоту предположения Бесселя. Но был ли он первым?

И вновь после риторического вопроса Кэтрин снова возбужденный шумок прокатился по рядам, и лектор сделала драматическую паузу.

— Сегодня с помощью наших мощных телескопов мы, конечно же, в состоянии видеть оба этих объекта во всех деталях. Большую звезду, тот Сириус, что виден невооруженным глазом, мы называем Сириус-А, а его звезду-компаньона, тяжелый, невидимый Сириус, — Сириус-В... Итак, вопрос, который я вам сегодня припасла, очень прост, но если кому-нибудь из вас удастся на него ответить правильно, то очень может быть, что НАСА назначит ответившего главой своего исследовательского центра.

Глубоко вздохнув, Кэтрин начала медленно рассказывать о своей тайне:

— Если Сириус-В невооруженным глазом увидеть невозможно, тогда каким образом африканское племя ведет полные и точные записи астрономических наблюдений за ним в течение последних двух тысяч лет?

Переполненный зал ахнул.

— Племя, о котором идет речь, — догоны. Живут они на территории современного Мали в Западной Африке. Согласно их древнему устному преданию, яркую звезду Сириус сопровождает сверхтяжелый, очень темный объект под названием По. Надо здесь отметить, что Сириус-В на самом деле является «белым карликом»: он имеет такую же массу, как наше Солнце, но по сравнению с ним просто крошечный — чайная ложка его вещества имеет массу едва ли не четверть тонны. Выходит так, что догоны знали не только о существовании Сириуса-В, что уже само по себе довольно странно, но знали они также и о том, что это тип звезды высокой плотности... И более того, им было ведомо, что один оборот вокруг своего более крупного собрата он совершает каждые пятьдесят лет.

Видя изумленные лица слушателей, Кэтрин улыбнулась.

— Впервые миру о верованиях догонов — если это подходящее слово для их астрономии, — в тысяча девятьсот сороковом году поведал французский антрополог, но нам точно известно, что их теориям по меньшей мере тысяча восемьсот лет, а скорее всего, намного больше. Догоны использовали песочные диаграммы для отображения траекторий небесных светил. На этой лекции я расскажу вам, каким образом удалось их сохранить. Взгляните: в левой части экрана — снимок диаграммы догонов пересекающихся орбит Сириуса и его темного компаньона. А справа — современные астрономические записи движения Сириусов А и В.

Аудитория снова ахнула.

— Нетрудно заметить: совпадение полное. Теперь, как нам известно, орбитальный цикл Сириуса В, или По, в точности сорок девять и одна десятая года. Так что, согласитесь, пятьдесят лет — очень неплохая догадка для племени эпохи неолита! Но этим космические познания догонов не ограничиваются. Они, например, также утверждали, что у Юпитера четыре луны, а у Сатурна есть кольца. Выходит, как и с Сириусом-В: и кольца Сатурна, и луны Юпитера можно увидеть только в телескоп, причем телескоп сильный. Так как объяснить, откуда догонам было все это известно?

В переполненной аудитории стало очень тихо. Сама-то Кэтрин была уверена, что в один прекрасный день ученые обязательно найдут рациональное объяснение тайны знаний догонов о Сириусе. Ведь это уму непостижимо: в глубине примитивного прошлого человечество могло обладать высокими технологиями, позволяющими разглядеть меньшую звезду. Тем не менее это оставалось одной из любимых ею загадок космоса и всегда давало желаемый эффект. Раскрыв рты, с распахнутыми глазами, студенты на первых двух рядах повернули голо-

вы назад: не нашлось ли у кого из сидящих сзади ответа. Ответа не было ни у кого.

В этот самый момент, будто по сигналу, дверь в дальнем конце лектория со щелчком отворилась. Все в аудитории обернулось.

Это был один из привратников общежития колледжа. Он выглядел слегка обеспокоенным и смущенно кашлянул, прежде чем поднять руку в извиняющемся жесте.

Кэтрин быстро обвела взглядом слушателей.

— Прошу меня извинить.

Нервно расправив рукой юбку, она спустилась с кафедры и, чувствуя легкое смущение, направилась через весь зал к привратнику. Тот поспешил ей навстречу, и они встретились на полпути.

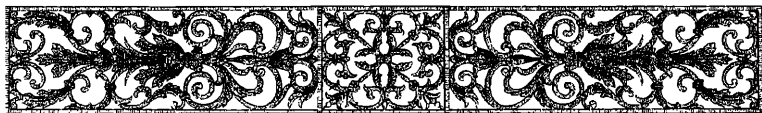
— Простите ради бога, что прервал вас, мэм. Ректор просит вас срочно прийти.

— Вот как? Это не может подождать полчаса?

— Он сказал, нет, мэм. Он сказал, у него очень плохие новости.

Сердце Кэтрин екнуло. Обернувшись, она вновь обратилась ко всей аудитории:

— Прошу меня извинить. Боюсь, произошло нечто серьезное, меня срочно вызывают. Мне очень жаль вот так прощаться с вами. Надеюсь, что эта загадка — поверьте, это настоящая загадка, — будет питать ваше вдохновение в ближайшие недели. Уверена, каждую минуту своих каникул вы посвятите чтению программной литературы следующего семестра, но если все же удастся улучшить момент — попытайте счастья, вдруг вам удастся разгадать головоломку Сириуса догонов? Удачи! Тому, кто преуспеет, засчитаю весенний семестр.

Квартира ректора колледжа Олл-Соулз представляла собой несколько больших, отделанных дубовыми панелями комнат. Окна смотрели в роскошный сад колледжа с безукоризненной многовековой лужайкой из мха, обрамленной по периметру клумбами из многолетних цветов. В свои шестьдесят пять ректор был ветераном университетской жизни: энергичный седовласый мужчина с крупным носом и кустистыми бровями, его манера держаться с первого взгляда внушала уважение. Являясь главой администрации колледжа, он также был выдающимся философом и логиком.

Однако сегодня ректор оказался в печальной роли вестника ужасных событий. Офицер отделения полиции Тэмз-Вэлли только что сообщил ему, что профессор Кент, его блестящий коллега и добрый друг, был найден мертвым в горах Перу, в Мачу-Пикчу. Причина смерти — сердечный приступ, причиной которого, скорее всего, послужила попытка самоубийства. Офицер тем не менее заявил, что на таком раннем этапе следствия вдаваться в детали не стоит. Офицер по связям отдела уголовного розыска в Лиме находится в прямом контакте с перуанской полицией.

Сидя за огромным дубовым столом с опущенными плечами и склоненной головой, ректор подпирал лоб левой ладонью и медленно массировал бровь. Глубоко

вздохнув, он почувствовал: впервые в жизни он не знает, что делать.

«Какие слова я скажу Кэтрин? Профессор был ей как второй отец».

В это мгновение в дверь постучали.

— Войдите.

Кэтрин, как всегда, была ослепительно хороша; при виде ее, такой юной, ректор вновь почувствовал острый укол жалости: ну почему именно он должен нести ей такие страшные новости? На лице молодой женщины можно было без труда заметить озабоченность и тревогу.

— Прошу вас, ректор... Что случилось?

— Девочка моя, мне очень жаль, но профессор Кент умер.

С мертвенно бледным лицом Кэтрин рухнула на ближайший стул. Затем собралась с силами:

— Как это произошло? Когда?

— На самом деле он скончался две ночи назад в Перу — в Мачу-Пикчу... Неподалеку от развалин города инков... Полиция приезжала — только что ушли. Я сразу же послал за вами.

Взгляд Кэтрин застыл — настолько сильно потрясли ее слова ректора.

— Нет, я не верю... То есть скажите, что произошло? Может, это ошибка? Профессор сказал мне, что собирается в Мехико, он должен был вернуться еще вчера вечером...

Ректор изо всех сил попытался быть деликатным:

— Мы еще не знаем всех подробностей... Однако полиция Перу считает, что это было самоубийство...

В одно мгновение состояние Кэтрин переменялось — от шока к неверию. Она резко выпрямилась на стуле:

— Нет! Быть того не может! Это какая-то ошибка.

Ректор поднялся и обошел стол. Не зная, что еще придумать, он наполнил стакан водой и понес его Кэтрин.

— Моя дорогая, мне так жаль... Полиция держит все под контролем... Попробуйте все же хоть немножко успокоиться.

Кэтрин покачала головой. Когда ректор подошел, она подняла на него глаза:

— У профессора Кента никого не было. Его единственная сестра умерла три года назад. Некому даже рассказать о его смерти, некому позаботиться о похоронах. Какой ужас... Но я хочу знать все. Ручаюсь, здесь какая-то ошибка. Профессор просто не мог покончить с собой... Я хочу сама поговорить с полицией.

Ректор мягко улыбнулся ей:

— Кэтрин, милая, я понимаю вас. Но давайтеждемся полного отчета из Перу. Уверен, представитель британской полиции в Лиме держит все под контролем. Если пожелаете, как только рапорт будет готов, я поеду в полицию вместе с вами. Много сегодня сделать не успею, днем у меня несколько важных встреч, отменить которые я уже не в силах — как бы ни хотел...

На лице Кэтрин мелькнуло выражение решимости.

— Нет, не стоит. Я понимаю. Спасибо, что рассказали мне все и сразу. Вы правильно поступили. Я должна думать, что все делается правильно. Он был моим самым близким другом, по крайней мере в этой стране. Вы же знаете, что... Я сейчас поеду домой, мне надо решить, что предпринять...

— Да, конечно, милая. Ужасный день. Просто ужасный... Профессор Кент был блестящим ученым и, что более важно, прекрасной души человеком. Всем сердцем вам сочувствую...

Кэтрин поднялась со стула, взяла свой портфель и пошла к выходу. Когда ее пальцы коснулись ручки двери, ректор вновь заговорил:

— И последнее...

Она повернулась и взглянула на него. Ей показалось, что интонация его голоса чуточку изменилась... Хотя, возможно, она была слишком расстроена.

— Когда вы в последний раз виделись с профессором — не говорил ли он вам что-нибудь? Или, может быть, передавал?

Где-то глубоко в подсознании Кэтрин ворохнулась тревога:

— Простите, ректор, что конкретно вы имеете в виду? Старик смотрел ей прямо в глаза.

— Ну, может, говорил что-то о том, над чем он работал, или же передал вам какой-либо материал? Я мог бы рассказать об этом полиции... Возможно, это помогло бы поискам.

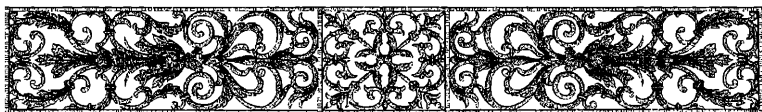
Не теряя самообладания, Кэтрин выдержала прямой взгляд ректора:

— Нет. Ничего такого... Последний раз я видела профессора десять дней назад, мы с ним пили чай на его ферме в Котсволде. Никаких подарков или чего-то подобного. И могу вас заверить, он, как и всегда, был в отличном настроении.

Когда Кэтрин открыла дверь и ступила за порог, она услышала за спиной голос ректора:

— Что творится — просто ужас какой-то...

Кэтрин решительно закрыла дверь. Сердце бешено колотилось. Убедившись, что в коридоре ни души, она открыла портфель: письмо из Перу было все еще там.

3

Кэтрин сразу же пошла на квартиру профессора Кента при колледже. У нее был свой ключ — она часто пользовалась кабинетом и богатой библиотекой профессора, когда тот бывал в отъезде. В действительности, даже будучи в Англии, он предпочитал работать в своем доме на уединенной ферме в Оксфордшире, считая его идеальным местом для своих исследований. Дом этот был милым классическим зданием Котсволда — с живописным садом, окруженным каменными стенами сухой кладки, за которыми, покрытые полями, разбегались вдаль пологие холмы. Сколько счастливых часов провела она там, и вот, думала Кэтрин, дом стоит пустой и уже не встретит своего хозяина никогда.

Выйдя на двор, Кэтрин направилась к средневековой галерее, выходящей к лестнице у квартиры профессора. Пока она обходила квадратную травяную лужайку, вновь нахлынули воспоминания. Трагические новости были просто невыносимыми...

— Могу ли чем-то помочь, голубушка?

Это был голос привратника колледжа. Кэтрин почувствовала заботливое прикосновение руки к своему плечу и, очнувшись, увидела, что стоит во дворе, а по щекам катятся слезы.

— Простите, Фред. Просто немного расстроена. — Она попыталась улыбнуться и вытереть слезы.

— Может, вам принести что-нибудь?

— Нет, Фред, спасибо, простите, я... Сейчас все пройдет... Я просто поднимусь к профессору и немного там посижу.

Минутой позже Кэтрин вошла в полную книгу профессорскую квартиру. В растерянности, не зная, чем заняться, она опустилась в свое любимое кресло у камина и попыталась осмыслить происходящее. Вот сидит она в тиши и покое уютного оксфордского кабинета профессора, в то время как в тысячах миль отсюда, где-то в горах, его постигла ужасная смерть... Это никак не могло быть самоубийством... О чем они вообще твердят?... Да это даже вообразить страшно... Чувствуй, чувствуй... Мысли ее металлись, и она все силилась вспомнить: когда они виделись в последний раз, могло ли что-то в его словах дать намек на случившееся впоследствии.

Никаких намеков не было. Всего две недели назад она приезжала к нему на ферму. Профессор был приветлив, оживлен и красноречив — как обычно. Говорили о делах колледжа. Профессор показывал ей редкую орхидею, которую ему прислал друг, — он посадил куст под окно кухни, надеясь, что орхидея будет цвести и разрастаться. Он говорил Кэтрин, что будет с удовольствием ждать своего возвращения, чтобы встретиться вновь, что хочет познакомить ее со своим старым другом, который интересуется областью ее исследований. Затем они расстались...

Она подняла портфель, положила себе на колени, достала конверт и еще раз внимательно рассмотрела его. Да, это почерк профессора — вне всяких сомнений. Но почему же она не сказала об этом ректору? Что остановило ее?

Кэтрин нервно разорвала конверт и достала прозрачный пластиковый чехол, в котором лежала связка карт. Сверху на карты был приклеен бумажный квадратик размером с почтовую открытку. На нем была какая-то надпись.

Взволнованно Кэтрин сунула руку в пластиковый кармашек, вытянула листок бумаги и перевернула его. Увидев надпись, она похолодела:

«На случай, если я не вернусь.

Эврика

40 10 4 400 30 9 30 70 100 5 200 30 10 40 1 80 5 100 400
40 10 50 10 200 300 100 8 70 9 1 50 300 10 20 800 10 300
10 200 0051172543672».

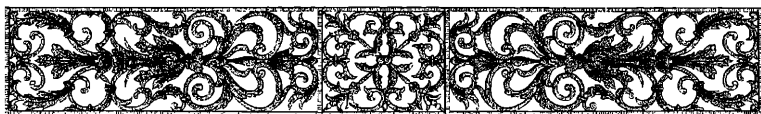
«Что происходит? И что это все означает?!»

Кэтрин поднялась на ноги и быстро подошла к письменному столу. Сдвинув все документы профессора в сторону, она положила на освободившееся место коллекцию карт. Всего их было семь. «Мое счастливое число», — с грустью подумала Кэтрин. Развернув карты, она принялась внимательно их разглядывать. Три были изготовлены на компьютере — такие можно увидеть на последних страницах атласов. Оставшиеся четыре представляли собой копии более ранних документов — скорее всего, очень старых карт, по всей видимости средневековых, и отображали они различные участки земного шара.

Ни на одной карте ей не удалось сразу распознать изображенную местность, но она обратила внимание, что карты изготовлены на совесть — это были не просто творческие иллюстрации: с нанесенными береговыми линиями, речными системами, горными хребтами и островами. Качество бумаги оставляло желать лучшего, как и качество копий.

Когда Кэтрин еще раз перечитала записку и с непониманием остановила взгляд на загадочных картах, в душе ее стала расти паника.

«Но что же изображено на этих картах? И в чем смысл записки профессора?»

Джеймс Рутерфорд взглянул на часы в углу экрана лэптопа. 12.55. В спешке он смахнул книги со стола в портфель и закрыл компьютер. Надо срочно убираться из библиотеки, чтобы успеть на встречу с профессором Кентом, одним из ведущих умов университета, пропустить которую он совсем не хотел.

С профессором он познакомился всего две недели назад. Один из коллег Рутерфорда пригласил профессора на обед, и по чистой случайности Рутерфорда за столом посадили рядом. Они сразу же окунулись в увлеченную беседу: старого ученого интересовала древняя мифология, хоть эта область не имела никакого отношения к области его исследований — так, во всяком случае, подумалось Рутерфорду, — но что удивило Джеймса, так это широта познаний профессора Кента. Целых три часа они говорили об этом и ни о чем другом.

Джеймс Рутерфорд был одним из ведущих экспертов университета в области мифологии. Все в Оксфорде знали, что старый профессор Кент полиглот, хотя основным его делом была экология. Но экология казалась такой далекой от древних текстов мира Рутерфорда и его исследований удивительных и загадочных мифов и легенд... Это-то его и озадачило.

А через два дня после их разговора за обедом профессор позвонил, очень его этим удивив, и попросил о встрече. Рутерфорд только что вернулся после десятимильной пробежки по университетским паркам в свою просторную квартиру в Северном Оксфорде, самом «академическом» пригороде города. Переступив порог, он увидел уборщицу Энни, усердно пылесосящую пол.

Джеймс без сил рухнул в большое кресло. В свои тридцать восемь он был стройным, носил короткую спортивную стрижку и поддерживал хорошую физическую форму. Он внимательно относился к своей диете, и все говорили, что он выглядит гораздо моложе своих лет, однако десять миль есть десять миль...

— К вам приходили.

Рутерфорд оживился.

— Только, к сожалению, не молодая леди.

По мнению Энни, Джеймсу пора было остепениться: жениться и завести детей, вместо того чтобы впустую тратить время на «изучение старых книжек», как она называла его занятия.

— Ну, надежда умирает последней... Так кто же это был, если не женщина моей мечты?

— Профессор Кент из Олл-Соулз.

Со стола на кухне она взяла конверт и протянула Рутерфорду.

— Он просил передать вам.

Вскочив с кресла, Джеймс взял у Энни конверт и вышел на широкий балкон с видом на игровые площадки колледжа и покатые спины холмов за ними. Уединившись, он начал читать.

«Уважаемый доктор Рутерфорд!

Наш с Вами разговор на недавнем обеде произвел на меня большое впечатление. Рискуя злоупотребить Ва-

шим терпением, я хотел бы продолжить нашу беседу о древних мифах.

Думается, я стою на пороге грандиозного открытия. Я считаю, что обнаружил скрытое в разрозненных и несопоставимых мифах и религиозных культах человечества устрашающее послание из прошлого, которое мне посчастливилось расшифровать. Это предостережение от давно исчезнувшей с лица Земли цивилизации людей, ставящее своей целью уберечь нас от природного катаклизма, погубившего их самих.

Для спасения нашей цивилизации жизненно важно донести до всего человечества это сообщение, иначе такой же катаклизм обрушится на нас и на нашу планету. Древние знали, что человечество возродится из руин и настанет день, когда оно обретет возможность постичь смысл послания из прошлого. Однако есть силы, препятствующие обнародованию послания древних, и, полагая, я открыл, по какой причине они это делают.

Я буду очень рад, если на следующей неделе Вы сможете улучшить минутку и заглянуть ко мне на служебную квартиру выпить чашечку кофе. Как насчет часа дня во вторник? Если Вам это удобно — буду с нетерпением ждать нашей встречи.

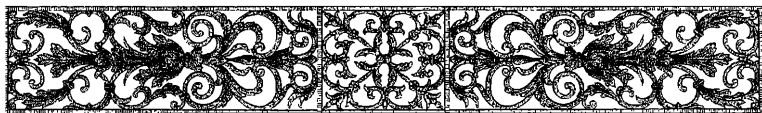
С самыми добрыми пожеланиями,

проф. Кент».

Рутерфорд не верил своим глазам. Утверждения профессора Кента были ошеломляющими. Подумать только: ведущий академик, блестящий ученый и к тому же осмотрительный человек заявляет, что открыл факты, не только разрушающие давно сложившиеся мнения об истории развития человечества, но также и доказывающие, что человечеству грозит смертельная опасность.

Все это звучало до крайности странно, но Рутерфорд годами воспитывал в себе восприимчивый и открытый ум, взяв на вооружение девиз Королевского общества*: «Nullius In Verba» — «Слова — ничто».

* Учреждено в 1660 г. Ведущий научный центр, выполняющий функции национальной академии наук, самое старое научное общество Великобритании, членство в котором считается наиболее почетным званием для ученого.

Кэтрин сидела в оцепенении. Что же делать? Она обвела взглядом кабинет профессора, знакомые книжные полки и мебель, и глаза вновь стали наполняться слезами. Все здесь напоминало о том, что она больше никогда не увидит старинного друга.

Ей припомнилось, как много лет назад она впервые приехала к профессору на ферму. В ту пору она была выпускницей Йеля и получала стипендию Родоса, а профессор Кент приходился ее родителям близким другом и пообещал им присмотреть за девушкой во время ее пребывания в Англии. Уже в те годы он щеголял своей фирменной белой бородой.

— О, мой образ жизни научного отшельника нравится далеко не всем, — со смехом сказал ей профессор. Они шли по саду, полному цветов и низких кустарников, с маленьким прудом посередине, а затем — через залитые солнцем поля направились к краю одного из обширных лесов, примыкающих к владениям профессора. Ландшафт был просто восхитителен¹ — изящный и очень английский, и Кэтрин поняла, отчего именно здесь любил он черпать вдохновение.

— Разумеется, все тридцать пять акров мне ни к чему. Я не принадлежу к кругу землевладельцев. Купить столько земли меня побудила грустная эволюция дерев-

ни, в которой я жил последние десять лет и наблюдал, как она, еще живая, уничтожалась: деревню просто снесли с лица земли, словно там пронеслась орда Чингисхана. Ее сердце было вырвано, когда снесли почту и паб, следом — сельскую школу. А люди большого бизнеса прибрали к рукам и дивные ее окрестности. Когда я впервые приехал сюда, гордостью местных жителей считались поля и луга с ярко-красными маками и небесными васильками, растущими бок о бок посреди золотого моря пшеницы. Летним днем под бирюзовым небом не было, наверное, более трепетного и блистательного пейзажа на этой стороне Юпитера! Но давным-давно канули в прошлое и луга, и дикие цветы, а там, где росли они, нынче раскинулись эти вот «покосы» высокоурожайной травы и бездушные бизнес-парки.

Профессор всегда говорил так — элегически, подумала Кэтрин. Он рассказывал о древних узлах, связывавших людей, их землю и времена года, и о горькой потере этих узлов, и оттого кое-кто из научных сотрудников посмеивался над ним. Когда он привлек в Оксфорд последователей зеленого движения, которые время от времени приезжали повидаться с ним, руководитель научной группы называл его местным гуру и потешался по этому поводу за «высоким столом»*. Но Кэтрин всегда считала профессора очень миролюбивым и необычайно добрым человеком.

Кэтрин вспомнила, как они спустились к речке и сели на берегу, слушая негромкое журчание воды. Профессор скинул туфли. Ей показалось едва ли не комичным наблюдать, как видный ученый болтает ногами в воде.

— Вы взгляните: повсюду на планете перспектива одна и та же. Леса вырубают, болота осушают. Загрязне-

* «Высокий стол» в столовой колледжа для профессоров и членов совета, как правило, находится на небольшом возвышении.

ние среды носит характер пандемии. Ежедневно исчезают сотни видов, магнитное поле Земли меняют в полном неведении, к каким последствиям это может привести. Озоновый слой, защищающий все живое от солнечного ультрафиолета, стремительно истончается; и в самом воздухе, которым мы дышим, все меньше и меньше кислорода и больше углекислого газа — яда, отравляющего нас и подогревающего планету. Почему мы делаем это? Потому, что приговорены к идее экономического прогресса, а наши социальные учреждения абсолютно не способны даже распознать проблему, не то что решить ее. Просто надо иметь достаточно воображения и уметь жертвовать многим. Ты попробуй водичку, доченька, так здорово — не передать!

И Кэтрин, улыбаясь, скинула обувь, сняла носки и опустила босые ноги в воду. Он был прав: так приятно вода ласкала кожу. Да, она, конечно, приезжая, американка, сказала она, поэтому очень важно учитывать и местные обычаи.

— Вот именно! Вы сами убедитесь, насколько это важно! Такой чудный жаркий выдался денек, вы должны насладиться им сполна! — воскликнул профессор.

— Однако чтобы ответить на все эти вопросы, — продолжил он, вновь став серьезным, — мы должны понять, что наше индустриальное общество, с могущественными как никогда учреждениями, с его неизменной тягой к росту и новым технологиям, все более и более упускает из виду, какими должны быть истинные цели жизни. Необходимо очнуться и осознать: именно сама структура нашего общества позволяет возникать всем этим скоплениям силы — агломерациям, отнимающим жизнь у самих себя, которые есть нечто большее, чем сумма своих составляющих. Нашим стремлением сегодня, в двадцать первом веке, должна быть неизменная уверенность в том,

что сила рассредоточена и что деструктивным вихрям этой силы не будет дозволено разгуляться. Поскольку в противном случае эти вихри затянут всех нас и уничтожат. Однако я не оптимистичен, у силы есть свое рациональное объяснение и она знает, как взывать к самым темным аспектам человеческой натуры...

Кэтрин, сидя с ногами, опущенными в ласкающую прохладой воду и вглядываясь в убегавшие за горизонт поля, поняла, о чем он.

— Ну, я, наверное, наскучил вам, — вздохнул профессор. — И нам пора попить чайку. Какой ужас: заманить новенькую студентку к себе в жилище, а затем трещать без умолку, даже не предложив передохнуть!

Так, не обуваясь, они пошли через высокую траву по краю луга и вернулись в сад, смеющиеся и беззаботные.

— Я ожидала совсем другого, когда мне объявили, что еду в Оксфорд. Спасибо вам, профессор.

Внезапно Кэтрин будто выдернули из ее светлых воспоминаний в страшную реальность сегодняшнего дня: в дверь кабинета кто-то громко постучал...

В панике Кэтрин спрятала записку в портфель, а карты сложила в стопку и сунула под пачку документов на столе. Затем, глубоко вздохнув, подошла к двери и открыла ее. У порога терпеливо дожидался высокий темноволосый симпатичный молодой мужчина. Он улыбнулся ей и протянул руку. Голос его был мягким и доверительным:

— Здравствуйте, я доктор Джеймс Рутерфорд — мы с вами как-то раз встречались на коктейле у ректора. Я преподаю классицизм в колледже Брэйсноуз.

Кэтрин немного растерялась. Лицо его явно было ей знакомо: не много в университете таких лихих молодых педагогов, — хотя, возможно, она все еще пребывала в состоянии шока и была не готова к нормальному дружескому общению. Так и не придумав, что делать дальше, она распахнула дверь, и Рутерфорд шагнул в комнату. Он выглядел обеспокоенным и, прежде чем Кэтрин успела что-то сказать, проговорил:

— Мне только что рассказал привратник, я очень сочувствую вам. Просто не верится...

От его слов напряженность Кэтрин чуть спала, она вздохнула и помотала головой. На мгновение она забыла о картах и записке.

— И не говорите... Ужас какой. Я...

Оба помолчали секунду, затем Рутерфорд объяснил цель своего прихода.

— Простите. Я совсем не хотел вторгаться. Привратник сказал, что вы здесь, и я просто хотел спросить, может, вам известно чуть больше о случившемся. Могу ли я вам чем-то помочь?

Кэтрин вернулась к столу. Заметив, что уголок карты чуть торчит из-под бумаг, она постаралась встать так, чтобы гость ничего не заметил.

— Нет, спасибо... Это страшный удар, и даже несмотря на то, что я была его самым близким другом, знаю не больше вашего. Для меня все случившееся загадка. Притом лишенная всякого смысла.

Рутерфорд по-прежнему неловко мялся у самой двери.

— Он пригласил меня, мы на днях договорились о встрече. С профессором я едва знаком, то есть видел его по телевизору, конечно, читал его книги, но виделись мы только раз. Мне было очень лестно получить от него записку с предложением встретиться... Еще он написал, что очень хочет послушать мое мнение кое о чем... Знаете, я, пожалуй, пойду, извините меня. Просто все так странно, мне он показался счастливым человеком...

Он повернулся было уходить.

Кэтрин размышляла: «А может, Рутерфорд все-таки сможет помочь. Может, ему удастся распознать древние карты. Ведь он же ведущий классикист».

Рассудок ее, страстно ищущий разгадку тайны, ухватился за первый же шанс. Попытка не пытка — что она теряет?

— Пойдите... Вообще-то вы можете мне помочь.

— О да, конечно... Я попробую... Что надо сделать? Может, мне позвонить его друзьям на факультете и сообщить им?

Она медлила в нерешительности.

«Могу я ему доверять? Совпадение ли, что именно на сегодняшнее утро профессор назначил ему встречу, или это какая-то зловещая игра?»

Прежде чем показать Рутерфорду карты и записку, надо узнать, с какой целью профессор назначил ему встречу сегодня.

— Могу ли я спросить у вас, что именно профессор хотел обсудить с вами?

Задавая вопрос, Кэтрин изучала лицо гостя, пытаясь найти в нем что-то, что могло бы рассказать об этом человеке. Рутерфорд пожал плечами.

— Что вы, конечно, я покажу вам записку, которую он мне оставил.

Покопавшись во внутреннем кармане пиджака, Рутерфорд вынул записку профессора, которую передала ему Энни, и протянул ее Кэтрин. Она быстро пробежала текст — мрачное неодобрение промелькнуло на ее лице.

Она подняла глаза.

— Совсем не характерные для профессора смелые заявления. Вам что-то еще о них известно? Вам приходилось обсуждать с ним эту тему раньше?

Рутерфорд попытался припомнить.

— Начнем с того, что обсуждение было всего одно. Но я всегда восхищался профессором. И полностью с ним согласен в том, что своей деятельностью мы губим сами себя... Но знакомы мы не были — нас совершенно случайно усадили рядом за одним столом на обеде в Бэллиоле. Как только он узнал, что мой главный интерес — классическая мифология, мы проговорили с ним до самого конца обеда. Ну а точнее — профессор задавал вопросы, а я пытался на них отвечать.

— Какого плана были вопросы?

— Больше всего профессора интересовали легенды о древнем катаклизме. Он явно считал, что они имеют определенное отношение к его исследованию. Например, библейская история о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Всемирный потоп он рассматривал как насто-

ящую экологическую катастрофу, разразившуюся в доисторические времена.

— О чем вы? Разве где-то еще на свете существуют легенды о потопе, подтверждающие эту гипотезу?

— Разумеется. — Рутерфорд не удержался и иронично рассмеялся. — Их насчитывается около семисот.

— Ничего себе! Выходит, история Ноя не уникальна?

— Это очень сильное преуменьшение. В какую бы часть света вы ни отправились — повсюду сыщутся подобные легенды.

— Повсюду?

Рутерфорд, благодарный возможности быть полезным, с энтузиазмом стал рассказывать:

— Да. Возьмем, к примеру, Китай — там существует миф о потопе, почти в точности повторяющий библейский. В нем рассказывается, как люди стали самонадеянными и потеряли почтение к богам и как боги отомстили им: перевернули Вселенную вверх тормашками и стали трясти ее, как детскую игрушку, — так, что все звезды, и планеты, и Земля полетели кувыркком сквозь небеса. Дождь лил без конца, и всю Землю залило.

Глаза Кэтрин удивленно распахнулись, но, прежде чем ей удалось выудить из Рутерфорда подробности, он начал новый рассказ.

— Поближе к нам, в Европе, у греков, есть предание о великом потопе, и даже свой Ной у них имеется — человек по имени Девкалион*. Аналогичные предания у кельтов и викингов, да что там — даже у индусов. Позвольте мне рассказать вам их версию. Ману, главный герой легенды, видит в луже близ своего дома маленькую рыбку. На самом деле рыбка непростая — это бог Вишну. Он заговаривает с Ману и обращается к нему с

Прародитель людей, сын Прометея.

просьбой, посулив Ману, что, если тот выполнит просьбу, получит щедрую награду. Ману достает ее и выпускает в пруд, но на следующий день рыбка так выросла, что Ману пересаживает ее в озеро. Очень скоро рыбе и в озере становится тесно. В конце концов Ману пришлось выпустить рыбу в море. В благодарность Вишну предостерегает Ману о надвигающемся потопе и велит ему построить надежную лодку, собрать семена всех растений мира и по паре каждого животного, а затем забраться в лодку самому. Когда разражается потоп, Ману спасен и Вишну буксирует лодку по океанам к горе на севере. Ману, Девкалион, Ной — один и тот же человек, или, я б сказал, мистический персонаж... Хотите еще примеры?

Кэтрин улыбнулась в молчаливом одобрении. Рассказ произвел на нее впечатление.

Рутерфорд вновь заговорил, на этот раз с глубокой печалью в голосе:

— Мне показалось, что профессор Кент верил: все эти легенды основываются на реальном событии, и видел их предназначение в том, чтобы передать потомкам тайное послание — именно тайное послание, — и что наши предки посредством этих легенд через бездну времен предупреждают нас о нависшей катастрофе.

— Вот почему в своей записке он сообщает, будто бы расшифровал тайное послание древних.

— Полагаю — да. И сам я очень хотел бы выяснить это. Настоящие открытия частенько достаются новичкам в области исследования, а это обещало быть самым крупным открытием за все времена. Я очень надеялся, что профессор окажется таким же, как Генрих Шлиман...

— Кто это?

— Шлиман был археологом-дилетантом. В тысяча восемьсот семьдесят первом году он обнаружил место

древней Трои. В науке он был любителем. Преуспевающий бизнесмен, он к пятидесяти годам нажил приличное состояние. Решив, что работать больше не будет, он вновь взялся за учебу в университете и получил степень по классицизму в парижской Сорбонне. Там он изучал «Илиаду», в которой рассказывается о Трое. Шлиман считал, что в какой-то степени это была не просто сказка, что поэт Гомер описал реальный город и реальную войну и что Ахиллес и Елена Троянская были реальными людьми, а не просто поэтическим вымыслом. Нет нужды говорить, что никто не верил ему, в научных кругах его поднимали на смех. Однако он приступил к исследованиям на побережье Эгейского моря, спустя три года нашел развалины Трои и доказал, как они все ошибались... Мне думалось, профессор Кент мог бы стать вторым Шлиманом... Так сказать, новичком в области, делающим настоящее открытие, потому что новичок не стеснен общепризнанными предрассудками, это человек, который следует своей интуиции.

Кэтрин погрузилась в размышления. Ее интуиция подсказывала, что эзотерическое исследование профессора имеет какое-то отношение к загадочным картам и что Джеймс Рутерфорд заслуживает доверия, но сомнения все же оставались. Кэтрин заглянула ему глубоко в глаза и медленно вздохнула. И приняла решение. Карты она покажет, но записку пока утаит.

— Хочу показать вам нечто важное. Возможно, мой вопрос покажется вам странным, однако он имеет отношение к случившемуся сегодня: вы классицист — знаете ли вы что-либо о древних картах?

Рутерфорд опешил.

— Ну да... Кое-что...

Кэтрин повернулась к столу и вытащила карты из-под бумаг. Глядя на них сейчас, она еще больше склонялась к мысли, что на картах — реальные места.

— Взгляните, пожалуйста, на эти карты и скажите мне, знакомы ли они вам или значат ли хоть что-то для вас. Как бы странно ни звучала моя просьба — это очень важно. Их прислал мне профессор Кент перед смертью.

Рутерфорд подошел к столу и принялся дотошно рассматривать каждую карту. Примерно через минуту он поднял на Кэтрин глаза — взгляд их был серьезен.

— Боюсь, тут я вам ничем не помогу.

Сердце Кэтрин упало.

Неожиданно Рутерфорд улыбнулся:

— Но я знаю, кто поможет! Доктор фон Дехенд, профессор географии в Эмеритусе. Я был на нескольких его лекциях — он блестящий знаток.

Глаза Кэтрин загорелись:

— Господи, ну конечно! Фон Дехенд — как же я о нем-то не подумала? Тем более он сейчас здесь, в Олл-Соулз.

Рутерфорд удивился:

— Вы его знаете?

— И неплохо знаю, просто как-то выскочило из головы. О работе мы с ним никогда не говорили, но частенько общаемся в преподавательской.

Рутерфорд помрачнел. Ему так не хотелось, чтобы на этом закончилась встреча с красивой и загадочной Кэтрин Донован. Все складывалось замечательно и было так далеко от повседневной академической рутины...

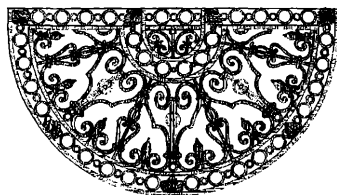
— Хотите, я пойду с вами? Может, все-таки пригужусь — хотя на данный момент я сделал так мало...

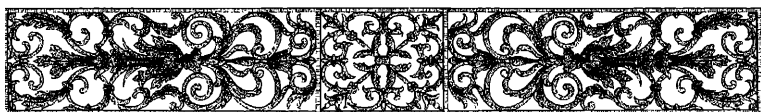
Кэтрин не знала, что и сказать. Господи, во что она ввязывается? Ничего не подозревая, проводила свою последнюю в семестре лекцию, а через мгновение уже силсилась осознать трагическую смерть дорогого друга и тот факт, что он явно занимался каким-то очень странным исследованием. Ну а сейчас она, похоже, собирается сделать шаг по его стопам в темноту...

Кэтрин взглянула на Джеймса. Она была благодарна Рутерфорду за его спокойное, ободряющее присутствие и поддержку: решившись встретиться лицом к лицу с мрачной загадкой смерти профессора в одиночку, она почувствовала, как зашевелился и стал разрастаться в душе страх. Но одновременно со страхом она ощутила уверенность — впервые с того момента, как оставила лекцию. Кэтрин приняла решение:

— Да, очень хочу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Недремлющим стражем высится на пересечении 46-й улицы и 1-й авеню Нью-Йорка, на самом берегу Ист-Ривер, знаменитое здание Генеральной Ассамблеи ООН, и с него открывается замечательный вид на весь Манхэттен. С верхних этажей здания на западе виден Центральный парк, а на востоке — беспорядочно разрастающиеся предместья Квинса и Бруклина и вязь мостов, соединяющих остров Манхэттен с восточным берегом. Здание было спроектировано после Второй мировой, и конструкция в тридцать девять этажей была окончена в 1962-м. Всемирно известный зал заседаний Генеральной Ассамблеи, в котором отведено место для одного представителя от каждой нации на Земле, располагается на третьем этаже, в самом сердце здания.

Не всем известен тот факт, что здание ООН мало того что возносится к небесам, оно еще и уходит глубоко под землю. Целых одиннадцать подвальных этажей бетона, усиленного сталью, вгрызлись в илистый грунт острова Манхэттен. Трехуровневый гараж в состоянии принять много дипломатических автомобилей, курсирующих неизменными маршрутами между различными иностранными посольствами и штаб-квартирой ООН. Один из этажей разместил водопроводно-канализационные комплексы и системы кондиционирования воздуха, необходимые для обеспечения строения такого масштаба. Но под все-

ми этими техническими этажами существуют этажи другие — те, что были дальновидно спроектированы в дни, предшествовавшие Карибскому кризису, с целью приютить всю Ассамблею на случай массовой ракетной атаки на Нью-Йорк. Доступные через отдельную систему лифтов, расположенную в северо-восточном крыле здания, все жизненно важные устройства дублируются внизу, так же как и аварийное оборудование в комплексах ФБР или МО: здесь имеются и большая столовая, и три этажа офисных помещений, и даже целый этаж, отведенный для жилья. Но, что наиболее важно, есть там точная копия знаменитого зала заседаний Генеральной Ассамблеи ООН — на случай непредвиденного всемирного катаклизма.

Этот резервный зал, расположенный на седьмом подвальном этаже, никогда не использовался для заседаний Генеральной Ассамблеи. Сразу же после атак 11 сентября 2001 года Генеральный секретарь ООН действительно поначалу откликнулся на идею, но все же заключил, что она будет неправильно воспринята миром в целом. В конечном итоге все резервные помещения по-прежнему должны содержаться в должном порядке — и оставаться надежно запертыми на ключ.

В последний вторник марта, в 7 часов утра североамериканского восточного времени, два вместительных лифта шли вниз — к подземным этажам: последние два часа лифты трудились без перерыва. С шести утра почти непрерывной вереницей лимузины и «БМВ» причаливали, чуть не доезжая фронтон здания ООН, и высаживали пассажиров на внешнем дворе. Все прибывали по одному — это были мужчины в дорогих деловых костюмах. Большинство — белокожие, но создавалось впечатление,

что представлены все расы планеты. Не глядя по сторонам, они направлялись прямоком к усиленному кордону безопасности, выставленному перед главным входом здание сразу после событий 11 сентября, и, быстро предъявив удостоверения личности, проходили через огромные вращающиеся стеклянные двери и растворялись в преломленных солнечных лучах.

За стеклянными дверями и нешироким атриумом располагался коридор, ведущий к северо-восточному крылу здания и к лифтам вниз. Ни одна душа из обслуживающего персонала или охраны и бровью не повела при виде потока хорошо одетых гостей. Здание ООН принимает в год больше посетителей, чем любое другое общественное заведение в мире, и тем не менее каждый из сегодняшних ранних гостей был тщательно досмотрен службой безопасности. Мужчинами средних лет в стильных костюмах, энергично шагающими по одетым в мрамор коридорам власти, это воспринималось как должное.

Все прибывшие знали в точности, куда идти, и каждому был выдан магнитный ключ для лифтов северо-восточного крыла; к 7.15 утра седьмой подземный этаж гудел как улей. Девственно чистый резервный зал заседаний Генеральной Ассамблеи принимал участников чрезвычайного и невероятно мрачного собрания. К 7.30 аудитория была полна: почти 300 человек удобно расселись в креслах подковообразного ярусного зала. Собрание Корпорации вот-вот должно было начаться.

Впереди, за столом спикера, где обычно должен находиться Секретарь ООН, терпеливо сидел шестидесятилетний темноволосый мужчина с лицом землистого цвета: сложив на столе руки, он обводил сидящих в зале внимательным взглядом.

Это был секретарь Миллер, и в обязанности его как главы Корпорации в редких случаях, когда возникала необходимость, входило созывать собрание глобального руководящего Совета. Сегодня был именно такой случай.

Ровно в 7.40 он оттолкнул свой стул от стола и поднялся. Ростом он был около 5 футов 7 дюймов и, как и большинство мужчин в этом зале, видом своим напоминал преуспевающего банкира с Уолл-стрит или же влиятельного адвоката. Необычными в его внешности были лишь темные, с тяжелыми веками глаза, сквозь толстые линзы очков сканирующие зал ничего не упускающим взглядом.

Секретарь Миллер казался взволнованным. В нормальной ситуации он стал бы обмениваться любезностями с прибывающими гостями и «терся в толпе», но сегодня он был явно выбит из колеи. Миллер выскользнул из зала и принялся медленно расхаживать перед лифтами с маской мрачной сосредоточенности на лице.

Просьба сверхсекретного правления Корпорации о созыве собрания глобального руководящего Совета показалась ему довольно странной. Подобного собрания не проводилось с момента распада Советского Союза. Что все это значит? Какое заявление намеревается сделать Совет? Кого они сделают представителем?

Но прежде чем Миллер смог продолжить размышления, тишину коридора нарушил звоночек лифта. Прибыл представитель правления. Как только расползлись двери лифта, кровь секретаря Миллера застыла в жилах. Будто в кладбищенском склепе, в лифте стоял сенатор Куртц.

Миллеру с трудом удалось скрыть изумление. Сенатор Куртц был выдающимся и очень известным политиком. Он считался добрым другом многих из ближнего

круга президента и в качестве такового частенько появлялся в телевизионных ток-шоу. Крепкая поддержка религиозного сообщества его южного избирательного округа означала наличие влиятельных сторонников его подъема к солидным политическим высотам. Его личные интересы в государственной безопасности и военной индустрии ни для кого не являлись секретом, как и тот факт, что многие прочили его на должность будущего Секретаря Совета Безопасности.

Хотя Корпорация могла гордиться наличием в своих рядах парой дюжин отставных сенаторов и конгрессменов — в дополнение к политическим деятелям каждого идеологического оттенка со всего света, — беспрецедентным фактом было то, что далеко не рядовой член действующей администрации является еще и активным членом правления Корпорации.

Самого секретаря Миллера можно было назвать прекрасным примером типа людей, составляющих костяк Корпорации. Это был финансист, который в сфере своей деятельности обладал такой властью, какой позавидовал бы римский император. От отца он унаследовал контроль над «GrirpenAG», швейцарским частным банком, в дополнение к многочисленным и солидным долям в компаниях по добыче и разработке полезных ископаемых, в которые он нанимал тысячи рабочих рук по всему миру. Но слыл он серым кардиналом — человеком, избегавшим находиться в центре внимания.

Миллер преданно служил Корпорации, и его лояльность тысячи раз вознаграждалась, однако он не был посвящен в глубинные секреты власти и ее систему на уровне правления. Он не ведал, ни как избираются члены правления, ни каково их количество. Зато он твердо знал, что если сюда в открытую заявила такая фигура, как действующий сенатор Куртц, значит, случилось нечто из

ряда вон. Кстати, многие из собственной администрации Куртца — да и сам президент США — были бы шокированы, прознай они об истинной силе и власти Корпорации.

Сделав шаг вперед, секретарь Миллер проглотил комок в горле.

— Добро пожаловать, сенатор. Очень рад видеть вас здесь сегодня.

Сенатор вышел из лифта. Высокий, 6 футов 1 дюйм ростом, в жизни он выглядел таким же подтянутым и энергичным, как на экране. В юности он был успешным спортсменом и сейчас явно продолжал поддерживать форму. Его когда-то черные волосы слегка серебрились на висках, однако седина делала его еще более привлекательным. Сенатор протянул руку:

— Секретарь Миллер, не так ли?

— Совершенно верно, сэр. Добро пожаловать. Признаться, для меня настоящая честь...

Темные глаза сенатора просканировали коридор. Теплохранители из его службы безопасности остались на первом этаже. Исключений здесь не делалось никому, даже действующим членам Сената Соединенных Штатов.

По голосу секретаря Миллера чувствовалось, как он нервничает:

— Всё готово. Я созвал управляющий совет согласно директиве правления.

Опустив любезности, сенатор Куртц вновь заговорил — со стальной ноткой в голосе:

— Вы твердо уверены, что здесь обеспечена полная конфиденциальность нашего собрания?

Он огляделся по сторонам и затем неприветливо продолжил:

— Есть некая ирония в использовании штаб-квартиры ООН в качестве стартовой площадки для нашего финального восхождения к власти, тем более нам было бы крайне неудобно привлекать внимание к себе именно на этой, последней стадии.

Секретарь, выглядящий немного сконфуженным, повел рукой в сторону зала заседаний, обращаясь к сенатору, будто паж к королю:

— Место проведения мероприятия подбиралось не шутки ради. Здание ООН обеспечивает надежное укрытие для приходящих и уходящих. Земля эта принадлежит портовым властям города Нью-Йорк, которые у нас под контролем. Ну и, согласно правилам, это наше первое и последнее совещание в данном конкретном месте.

Сенатор немного расслабился и тепло улыбнулся:

— Хорошо. Отличная работа. Очень скоро нам все это не понадобится. — Он сделал широкий взмах левой рукой. — Позволим нашему суперправительству просуществовать в особо легальных условиях последние несколько дней. В понедельник утром, на рассвете дня весеннего равноденствия, мы разом покончим с этим фарсом. — Он помедлил и затем отрывисто обратился к секретарю, будто ожидая в ответ лжи: — А как с профессором?

Глаза Миллера едва заметно сузились. Под пристальным, испытующим взглядом сенатора ему было неудобно. Каждый нерв его тела сообщал ему о том, что здесь что-то не так: отчего сейчас, когда они уже почти на вершине успеха, сенатор так озабочен судьбой профессора и уничтожением результатов его работы? Какую угрозу могла представлять коллекция старых карт? Секретарь Миллер мог только догадываться, что у правления имеются свои, скрытые причины, — для него весь бизнес был

непрозрачным. Он взглянул сенатору прямо в глаза и вновь проглотил комок.

— Сделано, — кивнул секретарь.

Сенатор Куртц одобрительно хмыкнул и следом, нахмурившись, проговорил:

— Да, непросто все, секретарь, ох как непросто... Как там в народе говорят? «Приходится идти, когда черт гонит».

Затем он неожиданно повернулся и с улыбкой хлопнул Миллера по спине.

— Да не корите вы себя, секретарь. Мы на войне, и профессор был прямой угрозой интересам Корпорации. Война — дело сложное и хлопотное, без потерь — никак.

Едва уловимая тень извиняющейся улыбки мелькнула в уголках сенаторского рта и тут же исчезла, уступив выражению мрачного недоверия. Тяжелый взгляд вновь сфокусировался на секретаре. Опять сменился и тон его голоса: с шутливо-одобряющего на холодно-подозрительный.

— Позвольте вам напомнить, секретарь, нечто крайне важное. Нет на свете ничего опаснее для нашего дела, чем личная инициатива. Ни-че-го. Профессор — именно такой случай. Одним из благ нашей Конституции является то, что мы предоставляем людям определенную свободу действий, некую «порцию свободы». Кому-то может даже показаться, что слишком большую порцию...

Секретарь стоял не шелохнувшись.

— ...И это, несомненно, правильно, — продолжил Куртц. — Проблема, однако, в том, что в головы людям приходят идеи. А приходят они потому, что люди не в состоянии видеть картину в целом — это доступно только нам. Мы же, как это ни печально, рисковать не имеем права. И если в связи с этим кого-то надо заставить

замолчать, значит, мы должны заплатить такую цену. Война без потерь есть неизбежное поражение... Корпорации надо дать завершить дело по спасению человечества. Что хорошо для Корпорации — хорошо для Америки. Господь отдал природные ресурсы в наше распоряжение, и мы должны использовать их, прежде чем это сделает кто-либо другой.

Они оба пошли от лифта к залу заседаний. Сенатор Куртц положил руку секретарю на плечо — как тренер покидающему поле игроку.

— Если люди узнают, сколько запасов осталось им на ближайшее будущее, наше правительство моментально потеряет контроль. Катастрофа в Новом Орлеане* покажется в сравнении с этим пикником, и все наши усилия пропадут в одночасье. Я не преувеличиваю. Начнутся стихийные бунты, цивилизация рухнет. Придут насилие и анархия. В наших силах предотвратить хаос.

Соглашаясь, секретарь что-то пробормотал. Они подошли к дверям главного зала заседаний. Сенатор вновь остановился, будто застигнутый врасплох неприятной мыслью.

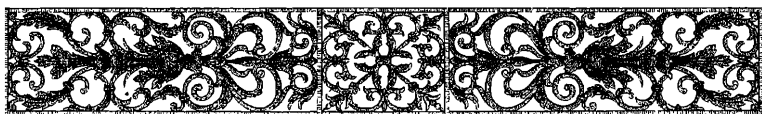
— Правление настаивает, — вновь заговорил он, — на том, чтобы вы продолжили тщательное наблюдение за бывшими партнерами профессора. Сейчас первым делом необходимо обнаружить и уничтожить оставшиеся карты. А также любого, кто хотя бы находился в одном помещении с ними. Надеюсь, компетентные агенты проинформированы об этом и направлены в колледж? Я правильно понял — вы сожгли ту карту, что попала нам в руки в Перу?

— Да, сенатор. Конечно — согласно вашему приказу.

* В 2005 году ураган Катрина стал причиной страшного наводнения в Новом Орлеане.

Сенатор Куртц подтянул галстук и глубоко вздохнул, прежде чем последний раз наедине обратиться к секретарю:

— Хорошо. Все идет по плану. То, что делает Корпорация, — в интересах народа, однако все это должно оставаться за закрытыми дверями... Только так, не иначе. А сейчас — представьте меня собравшимся. Пришло время удивить их добрыми вестями. Всего шесть суток отделяют нас от дня весеннего равноденствия — дня, когда наконец пробьет наш час.

Преодолев последние ступени, они очутились на верхней площадке лестницы номер двенадцать здания колледжа Олл-Соулз. Кэтрин, чуть запыхавшись, с облегчением выдохнула:

— Уф, он здесь... — Единственная деревянная дверь на площадке была открыта настежь. — И явно готов к приему.

Рутерфорд нахмурился:

— В смысле?

— Есть у нас в колледже традиция. В служебных квартирах двойные дубовые входные двери — и если внешняя распахнута настежь, значит, вы в настроении принимать визитеров. Пойдемте.

Рутерфорд, не отрывая руки от перил, помедлил на верху ступеней и посмотрел на Кэтрин.

— Вы считаете, нам следует рассказать о смерти профессора Кента, если он еще не знает?

К этому моменту Кэтрин уже была полна решимости, от былой растерянности не осталось и следа.

— Нет, думаю, не следует... Если он еще не в курсе, рассказывать не будем. Мы пришли только спросить о картах. — Она уверенно постучала.

Спустя томительную минуту дубовая дверь скрипнула петлями и распахнулась, явив маленькую темную прихожую, а в ней — низенькую пухлую фигуру. Док-

тору фон Дехенду было шестьдесят с небольшим, у него были седеющие волосы и пышные тускло-рыжие усы. Одет он был в отличную, чуть поношенную твидовую тройку «в елочку». Подавшись вперед, ученый впился взглядом в вошедших через толстые стекла очков. Комната наполнилась ароматным дымком трубочного табака. Через секунду-другую лицо доктора просияло.

— Кэтрин! Какой приятный сюрприз! Ну, входи, входи же, выпей чайку. А кто это с тобой? Новый дружок?

Кэтрин почувствовала, что краснеет.

— Нет, это мой коллега из колледжа Брэйсноуз — Джеймс Рутерфорд. Джеймс — классик и эксперт по Древнему миру.

Доктор фон Дехенд провел гостей в уютный кабинет, чувствуя, что пришли они не по служебной необходимости: Кэтрин выглядела необычайно напряженной. Как только с обменом любезностями было покончено и все удобно устроились в кожаных креслах вокруг спящего камина, хозяин спросил напрямик:

— Итак, чем вы обеспокоены?

Кэтрин смущенно глянула на Рутерфорда и заговорила:

— Мы принесли несколько карт, мы думали, возможно, вы, взглянув на них... Может, они покажутся вам знакомыми... — Она аккуратно положила на стол конверт.

Фон Дехенд закурил трубку, сменил очки с толстыми стеклами на очки для чтения и стал осторожно вынимать документы из конверта, бережно расправляя их на столе. Он видел, что двое молодых людей сгорают от нетерпения, охваченные чувством, далеко выходящим за пределы привычного любопытства ученого. «Очень надеюсь, удастся понять, что они мне принесли, иначе эти двое будут крайне разочарованы...»

Направив свет настольной лампы на первую карту, доктор фон Дехенд принялся изучать лежащий перед ним документ.

— Хм... Очень интересно... Весьма интересно...

Он взглянул на Кэтрин поверх очков.

— А где вы взяли эти карты, позвольте поинтересоваться?

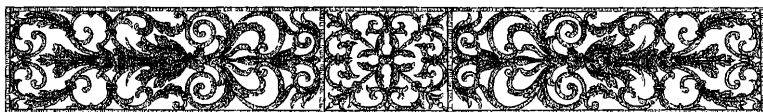
Какое-то мгновение Кэтрин колебалась. Она быстро глянула на Рутерфорда — тот поднял брови, словно давая понять: решать ей.

— У профессора Кента.

— Да-а? У Кента? Чего ради ему вздумалось вдруг интересоваться этими картами?

— Может, если вы немного расскажете о них, нам удастся ответить вам.

— Отлично. Ну, тогда приготовьтесь. Это не просто карты. Эти карты смело можно назвать подрывающими каноны истории.

Секретарь Миллер поднялся и постучал пальцем по микрофону на столе. Шум голосов огромного зала постепенно стих. Прочистив горло, он начал:

— Джентльмены, слово предоставляется сенатору Куртцу.

Он почтительно установил микрофон перед сенатором и вновь сел на место. По залу прокатился негромкий гул одобрения, когда со своего стула поднялся сенатор Куртц. Крепко зажав микрофон в руке, он начал речь.

— Благодарю вас, секретарь Миллер, и вас, джентльмены, за то, что вы здесь. Я все еще верю, что даже в видеоконференций ничто не заменит живой встречи лицом к лицу — или, например, совместной пары пива. Надеюсь, секретарь не будет возражать, если чуть позже мы позволим себе и это.

Волна одобрительного смеха прокатилась по залу. Сенатор опустил взгляд на секретаря и одарил его покровительственной улыбкой, прежде чем продолжить.

— Итак, кое-кто из вас, друзья, приехал на нашу встречу издалека, поэтому я хочу сразу же заверить вас: потраченные на долгий путь усилия не пропадут даром. Ибо сегодня нам предстоит преодолеть рубеж необратимости.

Аудитория восхищенно внимала ему.

— В понедельник, в восемь ноль пять утра, начнут разворачиваться события, итогом которых будет полное

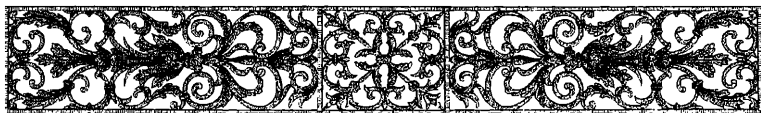
разрушение глобального статус-кво и наше восхождение к всемирной власти. Я сейчас говорю о финальном *сoup de grâces*...*

Ропот предвкушения прошелестел по рядам. Секретарь Миллер внимательно взгляделся в слушателей — сенатор уже сделал их ручными. Блестящий оратор. Нетрудно представить, каков он по телевизору: попеременно запугивающий, вселяющий ужас в сердца аудитории в масштабе всей страны, и тут же, следом, — всепрощающий и великодушный.

Секретарь взглянул на свои часы и, тихонько выскользнув из кресла, прокрался к двери. Никто не обратил на это внимания. Все с замиранием сердца вслушивались в речь сенатора, разворачивающего свой план. Когда Миллер приблизился к двери, здоровенный охранник открыл перед ним дверь, и он вышел в коридор.

Несмотря на свои сомнения по поводу преследования профессора и его коллег, приказ надо было выполнять. Карты профессора по-прежнему не были найдены, и, возможно, кто-то и где-то в данный момент разыскивает их. Пора задействовать агентов в Англии.

* Последний, смертельный удар (*фр.*), которым добивают раненого, чтобы прекратить его страдания.

Доктор фон Дехенд указал на одну из разложенных на столе карт. Кэтрин и Рутерфорд беспомощно глядели на нее — такую истертую, что береговые линии, очертания островов и редкие нити рек были едва различимы.

— Эмпирическое познание Запада походит на огромную плотину, сложенную из великого множества индивидуальных кирпичиков познания, — начал пожилой ученый. — Порой исследователи наталкиваются на такой вот кирпичик, который элементарно не входит, не вписывается в предназначенное ему место. Карта Пири Рейса* — та, что сейчас перед нами, — отличный тому пример. Никто — повторяю: никто! — не ведает, как объяснить странные формы «кирпичика», который представляет собой карта Пири Рейса.

Доктор фон Дехенд поправил очки и продолжил:

— Она была изготовлена в Константинополе в тысяча пятьсот тринадцатом году Пири Рейсом, адмиралом турецкого флота, и начертана на коже газели. На ней изображены Южная Америка, Африка и северное побережье Антарктиды того периода, когда Антарктида представляла собой тропический рай, то есть до того, как по-

* Географические карты, принадлежавшие турецкому адмиралу Пири Рейсу, найденные в начале XVIII столетия и содержащие точное изображение бассейна Средиземного моря и менее точное изображение всех континентов, в том числе Антарктиды.

крылась льдом. Разумеется, Пири Рейс лично не являлся составителем карты, утверждая, что источником ему послужило множество различных карт из архивов Оттоманской империи.

Теперь-то мы можем быть твердо уверены, что антарктическое побережье не было покрыто льдом в период с четырнадцати тысяч лет примерно по четырехтысячный год до нашей эры. А до того был ледниковый период, и Антарктида была вся погребена под миллиардами тонн льда, как сейчас. Так что сами видите, какие вопросы поднимает карта. Очертания берега просто невозможно было зарисовать ни в какое время после четырехтысячного года до нашей эры — потому что с тех пор и до настоящего времени он покрыт льдом, — а также в период до четырехтысячного года, то есть до периода, известного нам как каменный век... Вкратце: эта простенькая карта может взорвать основы мировой истории, известные человечеству.

— Но это же просто невероятно, — сказала Кэтрин, коротко глянув на Рутерфорда, который выглядел просто испуганным.

— Именно так. Вот поэтому я рассматриваю сию карту как самую «возмутительную» карту всех времен. В коридорах этого университета и, уж конечно же, во всех университетах западного мира, — доктор фон Дехенд помахал рукой в сторону задней комнаты, — началом нашей цивилизации принято считать Шумерское царство примерно четырехтысячного года до нашей эры. Последний ледниковый период закончился, по сути, приблизительно к восьмимысячному году до нашей эры, и по мере отступления льдов в атмосферу попадало большое количество влаги и на Землю возвращалась жизнь. Охотники эпохи неолита, пережившие долгую суровую зиму ледникового периода, неожиданно для себя стали заме-

чать, что жить стало немного проще, и это привело — в Шумерском государстве и землях «плодородного полумесяца»*, где территория современного Ирака, — к появлению и расцвету первых земледельческих общин. А до того, согласно общепринятой истории, до четвертого тысячелетия до нашей эры, человечество было «отсталым», то есть, вне всяких сомнений, не способным к точному картированию окружающего мира. С тех самых пор «цивилизация», и слово это, заметьте, я произнес с большой иронией, развилась до сегодняшнего дня, со всеми ее атрибутами в виде атомных бомб, космических кораблей и мировых войн.

«Явно не фанатик прогресса, — подумал Рутерфорд. — Однако новости просто удивительные. Как профессор раздобыл эти карты? И что собирался с ними делать?»

— Ну что ж, — подвел черту фон Дехенд, — как вы сами видите, нет никакой возможности хоть как-то увязать карты Пири Рейса с нашей историей, а посему их просто оставили без внимания.

— Но почему до сих пор доминирует консервативная версия истории? — спросил Рутерфорд. — Почему не рассказать людям об этой карте?

Доктор фон Дехенд быстро взглянул на него.

— Сынок, известнейший в мире физик Макс Планк произнес однажды следующие слова, — доктор фон Дехенд театрально прочистил горло: — «Научная истина торжествует по мере того, как вымирают ее противники».

«Что ж, если это так, — решила Кэтрин, — значит, прошлое было смыто вместе с давно забытыми истина-

* Полоса плодородных земель в Передней Азии; месторасположение древнейших земледельческих поселений и колыбель ассирийской, вавилонской, финикийской и шумерской цивилизаций.

ми. И в равной степени конкретных людей можно уничтожать во имя торжества мировоззрения убийц».

Этот вывод напугал Кэтрин, и ее мысли вернулись к профессору. «Но разве людей убивают за идеи?» В сильном волнении она заставила себя прислушаться к тому, что говорит фон Дехенд, который в это время как раз поднялся из кресла.

— Раз уж мы затронули такую необычную тему, позвольте мне показать вам очень интересный документ. Где же он... Минуточку... Это письмо, которое подполковник ВВС США Ольмейер написал профессору Чарльзу Хэпгуду из Кин-колледжа, Нью-Гемпшир, исследователю и знатоку древних карт. Профессор Хэпгуд попросил его сравнить карту Пири Рейса с результатами аэрофотосъемки Антарктиды ВВС США — задание, выполнять которое еще не приходилось никому. Ответ Ольмейера говорит сам за себя.

Фон Дехенд, прихрамывая, подошел к книжной полке и, пробежав по ней взглядом, вытащил папку с подшивкой писем. Вернувшись к столу, он раскрыл ее, доставив своим гостям прочитать:

«ВВС США
Военно-воздушная база Вестовер

Уважаемый профессор Хэпгуд!

Ваш запрос об оценке определенного рода необычных особенностей карты Пири Рейса, датированной 1513 годом, был рассмотрен. Утверждение о том, что нижняя часть карты отображает Берег Принцессы Марты, часть Земли Королевы Мод в Антарктике, а также полуостров Палмер, — имеет под собой основания. Мы нашли это объяснение наиболее логичным и, возможно, корректным. Географические детали в нижней части карты хорошо согласуются с данными сейсморазведки, выполнен-

ной сквозь толщу ледяной шапки шведско-британской экспедицией 1949 года. Из этого следует, что картографическая съемка береговой линии была выполнена до оледенения. В настоящее время толщина ледового покрова в этом регионе достигает одной мили. Мы не представляем, каким образом можно согласовать данные этой карты с предполагаемым уровнем географической науки в 1513 году.

Хэрольд Олмейер, подполковник ВВС США».

Рутерфорд уже был не в силах сдерживаться:

— Но ведь это уму непостижимо! Как так получилось, что мы даже не слышали об этой карте? Почему о ней известно лишь в узких кругах?

Охваченный волнением, он поднялся на ноги и принялся рассказывать по комнате. Кэтрин обратила внимание на его широкие сильные плечи, на то, как аккуратно его волосы спускаются на воротник. Фон Дехенд глубокомысленно кивнул и продолжил:

— Видите ли, вот что еще странно: когда Хэпгуд сделал это открытие — с любезного позволения ВВС США, — он связался с Альбертом Эйнштейном. Видно, решил: коли искать поддержки — так уж заручиться ею у самого отца современной физики.

— Эйнштейн? Ого! Хэпгуд не терял времени даром... — проговорил Рутерфорд.

— Отнюдь не терял. И сделал самый правильный выбор. Эйнштейн, как все истинно великие мыслители, всегда был восприимчив к новым идеям, даже если те шли вразрез с мышлением научного истеблишмента того времени. Вот, полюбуйтесь-ка! Это отрывок из предисловия, которое Эйнштейн написал к одной из книг Хэпгуда. — Фон Дехенд достал с полки книгу, раскрыл ее на нужной странице и подтолкнул по столу к ним.

«Я часто получаю сообщения от людей, желающих проконсультироваться со мной относительно их неопубликованных идей. Само собой разумеется, что эти идеи крайне редко наделены научной обоснованностью. Однако первое же сообщение, полученное мной от г. Хэпгуда, буквально наэлектризовало меня. Его идея оригинальна, невероятно проста и — в случае, если будет доказана, — обещает стать жизненно важной во всем, что связано с историей земной поверхности...

А. Эйнштейн».

Кэтрин и Джеймс переглянулись. А доктор фон Де-хенд, похоже, вошел в раж. Он сидел, откинувшись на спинку кресла и плотно сомкнув веки.

— Наш профессор Хэпгуд, — продолжал он, — интересовался картой Пири Рейса, ибо полагал, что она могла доказать его гипотезу о подвижках земной коры. Суть гипотезы в том, что время от времени вся земная кора в целом смещается. Вы, наверное, знакомы с идеей о самопроизвольных подвижках тектонических пластов?

Оба ученых кивнули:

— В местах их встречи или соединения, как правило, наблюдается повышенная вулканическая активность, — добавила Кэтрин.

— Совершенно верно. Линия геологического разлома Сан-Андреас, идущая вдоль Калифорнии, — пример такой вот зоны соединения двух пластов. В итоге Калифорния страдает от регулярных землетрясений. Так вот, Хэпгуд предположил, что не только отдельные пласты сталкиваются и трутся друг о друга, но что иногда происходило одновременное перемещение всех пластов разом. Вообразите земную кору, литосферу, в виде гигантского куриного яйца. В некоторых точках толщина

литосферы всего лишь тридцать миль. Под ней — настоящий коктейль из расплавленной породы, металлов, газов и жидкостей всех видов. Теоретически нет причин не признать правоту Хэпгуда. Он утверждал: Антарктида прежде была «разморожена», потому что находилась абсолютно в другом месте — примерно в тридцати градусах севернее. Интересно, не правда ли? Более того: Эйнштейн соглашался с ним — он тоже верил, что карта Пири Рейса реальна. Однако Эйнштейн не сделал попытки объяснить, кто был способен произвести картирование в период до четвертого тысячелетия до нашей эры... Это остается тайной.

Кэтрин и Рутерфорд наблюдали за тем, как доктор фон Дехенд изучал остальные карты. Наконец, удивленно пробормотав что-то себе под нос, он важно кивнул и отступил на шаг.

— Он собрал их все! — с изумлением произнес профессор географии.

— О чем вы? — быстро переспросила Кэтрин.

— Кент умудрился собрать вместе копии самых странных карт в мире. Смотрите!

Фон Дехенд в возбуждении ковылял взад и вперед перед столом, попеременно вглядываясь в одну карту за другой.

— Вот карта, составленная Меркатором*, одним из самых прославленных картографов всех времен: на ней Антарктида тоже представлена в том виде, какой была до обледенения, карта аккуратно воспроизводит ее географические особенности. А здесь вот знаменитая карта Боша**. Она поистине необъяснима! Бош опубликовал

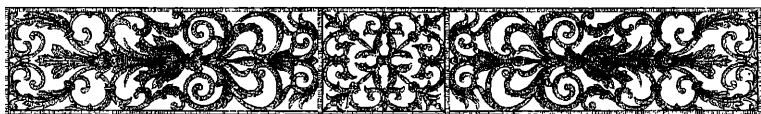
* Герхард Меркатор (1512–1594) — латинизированное имя Герхарда Кремера, фламандского картографа и географа.

** Филипп Бош (1700–1773) — французский картограф.

эту карту в тысяча семьсот тридцать седьмом, заявив, что пользовался многими древними картами, давным-давно утраченными. На ней свободная от льда Антарктида представлена двумя континентами, разделенными проливом. И вновь повторю: достоверность ее была доказана лишь в двадцатом веке в результате масштабных исследований.

Кэтрин и Рутерфорд ошеломленно смотрели друг на друга. Оба были чрезвычайно заинтригованы: настолько был значителен скрытый смысл карт. Как догоны, о тайне которых она рассказывала студентам буквально пару часов назад, карты будто ставили вопросы, ответов на которые не было, — с той лишь разницей, что сейчас это была не просто педагогическая игра. Невероятная коллекция карт была их единственной ниточкой к разгадке смерти профессора.

В дверь постучали, и доктор фон Дехенд резко обернулся. Горничная — миниатюрная молоденькая филиппинка — внесла поднос с большим чайником, кувшинчиком с молоком и тремя чашками с блюдцами.

— А, Молли. Чай. Замечательно!

Фон Дехенд проворно шагнул к столу и сдвинул карты на край. Горничная оставила чай и удалилась.

— Лапсанг Сушонг*. Желающие?

Кэтрин и Рутерфорд оба кивнули и поблагодарили, когда он налил им.

Отхлебнув чая и сразу взбодрившись, Рутерфорд почувствовал, что ему следует по крайней мере ввязаться в борьбу — как поборнику традиционного взгляда на историю.

— Но может статься, эти земли были нанесены на карту доисторическими, мигрировавшими народами? Может, за время своего путешествия вокруг земного шара в пятом или шестом тысячелетиях до нашей эры они фиксировали то, что видели? — предположил он.

Фон Дехенд озорно посмотрел на него:

* Лапсанг Сушонг — один из самых известных сортов китайского чая.

— Ну да, я как сейчас вижу их! Плынут себе на челнах, обитых воловьей шкурой, а вокруг плещутся пятидесятифутовые волны Южной Атлантики. Как наяву передо мной — вот они роются в поисках компасов, ручек и бумаги. Бог ты мой! Совсем запамятовал: ручки, бумага и компасы еще не изобретены. Ну, тогда они, может, использовали кору, или ракушки, или каменные пластины — и выпцарапывали на них карты... Но прежде всего скажите мне, каким образом они определяли свое местонахождение? Ведь с точки зрения современной концепции истории мы говорим о примитивных людях — людях каменного века с нулевой технологией и такими же знаниями. Как посреди жуткого океана они определяли свои координаты?!

— Простите — не понял...

— Что вам известно о таких понятиях, как широта и долгота? — спросил фон Дехенд.

— Самая малость, — признался Рутерфорд.

Кэтрин, чьи знания в астрономии делали ее достаточно подкованной в этой области, не могла понять, для чего они обсуждают это.

— Мне — известно, только не вижу связи, — сказала она.

— Что ж, может, тогда объясните своему другу, что есть широта и долгота. Уверяю, для него очень важно знать это.

Кэтрин взглянула поочередно на обоих мужчин, выдохнула и начала:

— Хорошо. Представьте себе рыболовную сеть, которой покрыт весь земной шар. Горизонтальные нити, идущие с востока на запад, называются параллелями, а вертикальные, от севера к югу, — меридианами. На них отложены широта и долгота. Пока понятно?

— Понятно. Я видел, такие нарисованы на картах мира, — проговорил Рутерфорд.

— А теперь вообразите, что я хочу сообщить вам, в какой точке мира нахожусь, и сообщила свои координаты на этой сетке, так что вы сможете точно определить мое местонахождение.

— И это понятно.

— Прежде всего нам понадобится нулевой меридиан — нулевой градус, от которого пойдет отсчет. Таким может считаться любая линия долготы, бегущая от севера к югу, главное, чтобы мы оба приняли за точку отсчета одну и ту же долготу. Так вышло, что благодаря Британии, когда-то царице морей, линия долготы, проходящая от севера на юг через Королевскую обсерваторию Гринвич — это в Лондоне, — принята за нулевой меридиан. Так что если вы в Нью-Йорке, значит, вы на семьдесят четвертом градусе к западу от Гринвича, а если в Гонконге — то на сотом градусе к востоку от Гринвича. Вникаете?

— Вникаю. Пока что яснее ясного. — Рутерфорд улыбнулся ей.

— А вот теперь начинаются хитрости. Я не буду даже пытаться объяснить вам почему, поскольку это очень сложно, да и времени нет, но для того, чтобы во время плавания определять свою долготу, необходимо постоянно вести отсчет времени, которое идет в порту отправления, а также учет времени в течение всего плавания, причем записи должны быть предельно аккуратными. Задача может показаться совсем простой, но на самом деле это не так. Вплоть до восемнадцатого столетия хронометры отставали на минуту за час, а погрешность даже в несколько минут была чревата ошибкой в капитанских расчетах на десятки миль: моряки могли элементарно

«промахнуться» мимо цели плавания. И представьте себе, на сколько они могли промахнуться за несколько дней, не говоря уж о нескольких месяцах. Поскольку в большинстве хронометров имелся маятник, в море они, естественно, работали не идеально — из-за качки. Я уж не говорю об изменениях в скорости работы хронометра в связи с колебаниями температуры воздуха и влажности. На протяжении истории человечества моряки мечтали о таком устройстве отсчета времени, которое не зависело бы от этих факторов. В конце концов, после гибели двух тысяч моряков в грандиозном кораблекрушении, Географическая комиссия, входящая в состав Британского правительства, объявила награду в двадцать тысяч фунтов стерлингов тому, кто сумеет изобрести навигационный хронометр, способный поддерживать точность до тридцати морских миль за период шестинедельного плавания в Вест-Индию. За дело взялся человек по имени Джон Харрисон. Ему потребовалось сорок лет, чтобы собрать удачную модель хронометра, но когда это ему наконец удалось, он его разбил! — рассказала Кэтрин.

— Вот так история. И когда это было?

— Приблизительно в тысяча семьсот шестидесятом.

Кэтрин взглянула на доктора фон Дехенда. Он одобительно кивнул.

— В общем, по-моему, доктор фон Дехенд хочет подчеркнуть, что до этого изобретения никто — ни римляне, ни древние китайцы, ни шумеры, и уж тем более какая другая цивилизация...

— ...известная нам, — вставил доктор фон Дехенд.

Кэтрин подняла брови и продолжала:

— ...известная нам, — не имели никакой возможности определить долготу.

Фон Дехенд сделал глоточек чая и вновь озорно посмотрел на них.

— Как же тогда, скажите на милость, можем мы объяснить тот факт, что географические особенности, с такой скрупулезностью нанесенные на картах Кента, были помещены на «правильные» долготы и широты?

Кэтрин вновь испытала чувство благоговейного страха.

«О нет! Не надо больше развенчивания исторических догм».

Но доктор фон Дехенд, похоже, веселился вовсю.

— Да, отличный вопрос, скажу я вам. На лежащих перед нами картах земли изображены довольно точно. Даже карта Зино, датируемая тысяча триста восьмидесятым годом, на которой нанесены Гренландия и окружающие воды Исландии, отобразила крохотные островки, затерянные на задворках арктических морей, на их истинных широтах и долготах. Как такое стало возможным?

Доктор с важным видом рассказывал по комнате, его буквально распирало от воодушевления, навеянного работами средневековых картографов.

— Вы, наверное, видели много разных карт мира. На некоторых из них страны выглядят сплюснутыми, на других — более вытянутыми. Все карты имеют форму сферы — либо части сферы — на плоском листе бумаги. В этом и кроется трудность. Без глубокого знания математики невозможно изготовить ни карты, ни один из хитроумных приборов учета времени, о котором нам поведала Кэтрин. Традиционная история свидетельствует: в то время, когда эти карты были изготовлены — а произошло это после даты тринадцать тысяч лет до нашей эры и до даты четыре тысячи лет до нашей эры, — на Земле не существовало цивилизаций, которым по уровню развития и накопленному опыту было под силу

что-либо подобное. Хэпгуд, желая кое-что в этом вопросе уточнить, связался с профессором Страчаном из МТИ*.

Доктор фон Дехенд повернулся к молодым людям и напряженно вгляделся в их лица.

— Страчан заявил: точность и эффективность карт означают, что они могли быть составлены только высоко развитой цивилизацией, обладающей знаниями сферической тригонометрии, а также инструментами для точного определения широты и долготы. А как еще иначе можно объяснить эти подробные, точные карты, дошедшие до нас сквозь тьму веков? Подлинность неоспоримая. Было это в отдаленные времена, до зарождения каких-либо известных нам культур и развитой цивилизации. Более того, если и существовала таковая цивилизация — она загадочным образом исчезла...

Кэтрин ошеломленно воскликнула:

— Но это невозможно! Должны же были сохраниться хоть какие-то останки той цивилизации.

Фон Дехенд пожал плечами:

— Не знаю. Я просто разъясняю вам то, что кроется за этими картами. Я всего лишь скромный географ.

Все помолчали. Затем фон Дехенд вновь заговорил:

— Представьте себе, что эта цивилизация была настолько передовой, что не нуждалась в добыче металлов и нефти... Представьте, что она использовала силу ветра и возобновляемую энергию дерева. Представьте, что она сознательно решила не наносить вред природе, как это делаем мы. И что в итоге останется? По-моему, самая малость.

Кэтрин потрясенно молчала.

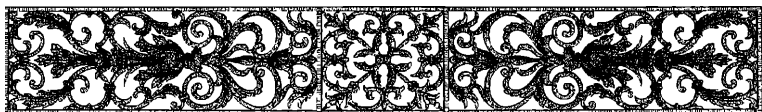
* Массачусетский технологический институт.

«Я всего лишь хотела выяснить, зачем профессору эти карты, и столкнулась с чем-то совершенно необъяснимым и пугающим».

Ей очень нужен был по крайней мере один практический ответ:

— Но почему профессор Кент придавал такое значение этим картам?

— А вот это для меня загадка еще более темная — боюсь, мне не удастся пролить на нее хоть лучик света.

Крепко сжимая в руке конверт с картами, Кэтрин вышла с лестницы доктора фон Дехенда на залитый солнцем двор колледжа. Ее едва не трясло от страха: мир вокруг рушился. Рутерфорд вышел за ней следом — голова шла кругом от всего услышанного. Объяснение, которое дал доктор фон Дехенд картам, необычайно взволновало его: никак не шла из головы записка, которую прислал ему профессор. Получалось, что вывод только один — к заявлению профессора карты имели прямое отношение.

Если на самом деле существовало послание из далекого прошлого, логично было заключить, что в глубокой древности, до первых исторических записей, существовала и великая цивилизация, сгинувшая во тьме веков. И вероятно, карты являются твердым доказательством этого.

«Возможно, профессор на самом деле расшифровал послание, пришедшее через тьму веков, — предостережение гиперцивилизованного народа детям будущего о том, что их вот-вот должна постигнуть та же страшная судьба».

Однако все это казалось странным и даже нелепым.

Кэтрин тяжело вздохнула, не зная, что делать. Она все еще не могла решиться рассказать Рутерфорду о том, что профессор отлично знал о грозившей ему опасности.

Не потому, что не доверяла Джеймсу, — просто боялась стать лицом к лицу со сложностями: ведь если она покажет ему записку и поделится с своими подозрениями, если вообще кому-то расскажет, — пути назад уже не будет.

С трудом скрывая отчаяние, она все же заговорила:

— Джеймс, у меня к вам еще один странный вопрос. Ведь вы классицист — можете объяснить мне толкование слова «эврика»?

Рутерфорд опешил.

«Кэтрин что-то от меня скрывает».

Искренне желая помочь ей, он сочувственно улыбнулся:

— «Эврика», вы сказали? Полагаю, мне нет смысла интересоваться, зачем вы спрашиваете это?

Кэтрин виновато проговорила:

— Нет... Но, прошу вас, доверьтесь мне. Это важно.

Рутерфорд рассмеялся и покачал головой, а Кэтрин продолжила:

— Насколько мне известно, первым это слово произнес Архимед. Он сел в ванну, и его вдруг осенило, что масса тела вытесняет пропорциональное количество воды, в которую помещено. И тогда он воскликнул: «Эврика!», что означает: «Нашел!», выпрыгнул из ванны и помчался голый по улице, визжа от радости.

Рутерфорд задумчиво посмотрел на нее.

— Подозреваю, вы сейчас рассказали мне заимствованную версию.

— В смысле?

— Первым крикнул: «Эврика» не Архимед, а Пифагор, открывший зависимость квадрата гипотенузы в прямоугольном треугольнике от суммы квадратов катетов. Версия с голым Архимедом и ванной с водой появилась позднее и всегда очень нравилась школьным учителям.

— А вы откуда знаете, что это был Пифагор, а не Архимед?

— Крикнуть: «Эврика» мог только Пифагор, потому что Пифагор обладал чувством юмора.

Кэтрин смутилась. «Причем здесь вообще чувство юмора?»

— Не поняла...

— Пифагор увлекался гематрией* — раскрытием зашифрованных литературных посланий.

«Гематрия? — повторила про себя Кэтрин, будто пробуя словно на вкус. — Никогда об этом не слышала».

— Как можно зашифровать послание в одном слове? Наверное, очень короткое послание.

— Конечно, но в данном случае это скорее игра слов. Сейчас объясню. Нужны ручка и бумага.

— Хорошо. Только, если не возражаете, я бы хотела выйти с территории колледжа, а то здесь у меня начинаются приступы клаустрофобии, — попросила Кэтрин. — Мы можем пойти к вам?

Рутерфорд помедлил, но одного взгляда в огромные искренние глаза Кэтрин достаточно было, чтобы понять: его объяснение было крайне важно для нее. Он решительно кивнул.

* Гематрия — один из трех каббалистических методов раскрытия тайного смысла слова.

Высокий стройный мужчина лет сорока с небольшим в черной фетровой шляпе и темно-синем кашемировом пальто поверх элегантно серого костюма стоял в вестибюле колледжа Олл-Соулз, наполовину скрытом мрачными тенями.

Его звали Иван Безумов. Уже полчаса он стоял так, почти не двигаясь и едва дыша, в терпеливом ожидании, словно хищная птица: взгляд его темных глаз цепко провожал каждого, кто пересекал двор.

По мере приближения Кэтрин и Рутерфорда Безумов напряг слух в надежде услышать их разговор.

«Ну наконец-то. Это она. На ошибку права нет. Эта женщина — единственная ниточка к исследованию профессора».

Когда до них оставалось метров пять, Безумов вздохнул и вышел во двор. Стараясь выглядеть расслабленным и дружелюбным, он широко улыбнулся и снял шляпу.

— Здравствуйте. Меня зовут Иван Безумов. А вы, наверное, Кэтрин Донован...

Полностью игнорируя Рутерфорда, Безумов сердечно пожал руку Кэтрин и продолжил:

— Я столько слышал о вас от профессора...

Его русский акцент было трудно не заметить. Кэтрин выглядела смущенной. Рутерфорд шагнул вперед и протянул руку:

— Джеймс Рутерфорд.

— А, да, хорошо. — Безумов повернулся к Кэтрин. — Я был коллегой покойного профессора... Ужасная трагедия, и я искренне сочувствую вам... Я ждал вас в вестибюле, думал, вдруг случайно пройдете мимо. Понимаю, не совсем подходящее время, но мне очень надо поговорить с вами. Разрешите предложить вам чашечку кофе?

«Кто этот странный человек? — думала Кэтрин. — Уверена, его проблема не настолько важна, чтоб не дожидаться окончания похорон профессора Кента. Помогите, неучтиво так бесцеремонно просить меня о разговоре сейчас».

— Боюсь, вы правы, мистер Безумов, момент и впрямь неподходящий. Однако, думаю, примерно через неделю... Вы в Оксфорде ненадолго?

Безумов изобразил сильное расстройство. Он резко сунул руку во внутренний карман кашемирового пальто. Инстинктивно Кэтрин и Рутерфорд отступили на шаг.

— Вот... Это рекомендательное письмо профессора.

Он сунул Кэтрин под нос листок бумаги с короткой запиской, набросанной зелеными чернилами рукой профессора. Не беря записки из руки Безумова, Кэтрин с недоверием прочла:

«Дорогая Кэтрин!

Мой коллега Иван Безумов едет из Санкт-Петербурга в Оксфорд. Не так давно мы с ним начали работу над проектом — пожалуйста, окажи ему посильную поддержку, пока он будет в Оксфорде, и обеспечь его всем необходимым.

Спасибо.

Кент».

«Странно, — подумала она. — Как-то отчужденно и формально. Совсем не в духе профессора».

Не дав ей времени на размышление, русский вновь подал голос:

— Доктор Донован, я тут подумал... Вы еще не ходили на квартиру к профессору? Понимаете, мы с профессором перед его смертью работали над одним серьезным проектом...

Безумов опустил глаза на конверт с картами в правой руке Кэтрин.

— ...и я хотел посмотреть, может, найду кое-какие записи...

Кэтрин инстинктивно прижала к себе конверт. Безумов заметил ее реакцию и, продолжая говорить, не смог удержаться — и снова взглянул на конверт.

— Повторяю, мне очень неловко беспокоить вас в такое время, но не оставил он чего-либо? Документы, записи? Папку либо подшивку?

Губы Безумова вновь разлепились, сотворив тонкую просительную улыбку. Его взгляд был сосредоточен на конверте, который держала Кэтрин. Этот человек своими манерами начинал пугать ее. Она подумала о записке, что показал ей Безумов.

«Профессор в общении со мной никогда не называл себя “Кент”. Может, его, — горло Кэтрин перехватило, — заставили написать это? И он ли вообще писал?»

После странных событий этого утра она бы не удивилась, узнав, что Безумов подделал записку. Голова ее шла кругом. Кэтрин вдруг почувствовала страшную усталость.

— Знаете что: я думаю, вам лучше подняться к ректору. Уверена, он будет рад помочь вам. А я с удовольствием поговорю с вами через несколько дней.

Мечтая поскорее отделаться от него и обводя взглядом двор, Кэтрин с испугом заметила ректора, который наблюдал за ними из окна своей библиотеки на втором

этаже. Прежде чем она успела осмыслить этот факт, голова ректора скрылась.

Безумова, похоже, начало охватывать отчаяние.

— Доктор Донован, прошу вас, поверьте мне, я искренен с вами. Мне очень нужны документы... Это намного важнее, чем вы можете себе представить... Я убедительно прошу вас оказать мне помощь.

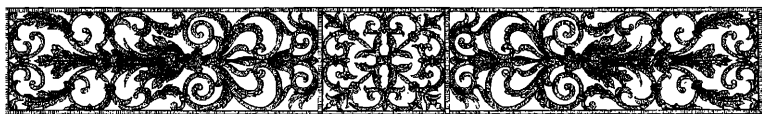
Рутерфорд вновь шагнул вперед, сильной атлетической фигурой заслонив Кэтрин:

— Мистер Безумов, доктор Донован ничего не знает о документах, о которых вы твердите. Рекомендую вам прислушаться к ее совету и поговорить с ректором... И вообще вам следовало бы относиться с большим сочувствием к людям, только что потерявшим близкого человека.

С этими словами он, взяв Кэтрин за руку, стал обходить пришедшего в ярость русского. В последней попытке Безумов порылся в кармане пиджака и достал визитку:

— Постойте! Извините! — Достав авторучку и сняв с нее колпачок, он что-то нацарапал на карточке. — Вот номер моего мобильного. Звоните. Я могу быть вам полезен. И, доктор Донован, прошу вас, если у вас и вправду есть документы, берегите их. Другие тоже будут просить их у вас. И они окажутся не такими любезными, как я, но они придут.

Обходя русского, Кэтрин взяла визитку, опустила себе в карман и, не глядя на Безумова, они вместе с Рутерфордом пригнулись на пороге низкой двери жилого корпуса и вышли на Хай-стрит. С выражением неподдельной муки глядел им вслед Безумов, смяв в руках поля фетровой шляпы. Придется испробовать другой подход.

Когда сенатор Куртц вышел из лифта и энергичной походкой направился через мраморный вестибюль к выходу из здания ООН, он оглянулся через плечо на секретаря Миллера:

— Вам понравилась моя речь, секретарь?

Секретарь нахмурился.

— Да, сенатор, она весьма своевременна. Но позволите спросить, следовало ли обнародовать детали плана до того, как мы приведем его в действие? Еще только утро вторника. Можем ли мы доверять всем иностранным делегатам? До утра понедельника еще целых шесть дней.

Сенатор саркастически рассмеялся:

— Секретарь, это не имеет никакого значения. Нас никто не в силах остановить — даже если я сообщил им правду.

Секретарь тяжело сглотнул. Сенатор загадочно улыбнулся и задержался перед огромными стеклянными дверями главного входа, повернувшись лицом к секретарю, будто желая подчеркнуть сказанное. Равномерный людской поток входящих и выходящих через двери огибал их с обеих сторон.

— Ваше основное задание теперь — проинструктировать делегатов об их индивидуальных обязанностях и координировать их действия.

Сенатор помедлил и, чуть сузив глаза, продолжил:

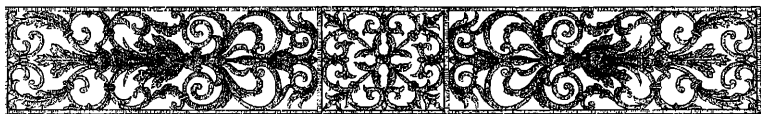
— Однако будьте предельно осторожны. Наш час близится. — Он посмотрел через стеклянные двери на просыпающийся город. — Теперь мы встретимся в Каире, в воскресенье днем, но перед встречей еще переговорим. А пока займитесь тем, чтобы исключить появления каких-либо отголосков открытий профессора.

С этими словами он повернулся, сопровождаемый телохранителями, — шагнул к двери и растворился в суете наступающего дня. Секретарь, топтавшийся рядом и не находивший слов, тоже проследовал через дверь. Как только перед ними замер лимузин, сенатор задрал голову к небу и улыбнулся.

— Близится конец, секретарь... Советую приготовить свою душу.

Секретарь с изумлением наблюдал за тем, как сенатор скользнул на заднее сиденье лимузина. Автомобиль сорвался с места и растворился в потоке транспорта на площади ООН. И только теперь секретарь Миллер почувствовал, как разливается в животе холод. Мысли о мертвом профессоре сверлили мозг. Какую опасность мог представлять старик с какими-то картами? И почему сенатор посоветовал ему готовить душу? Довольно странные слова для главы могущественнейшего в мире светского братства. Странные и абсолютно неуместные. Кто он на самом деле, этот сенатор? Миллеру начало казаться, что он вконец перестал понимать происходящее.

Единственное, в чем он по-прежнему сохранял уверенность, было то, что через шесть дней — к утру понедельника — мир изменится навсегда, а сам он, во всяком случае, собирался занять сторону победителей.

Дверь квартиры Рутерфорда распахнулась настежь, и он предложил Кэтрин первой ступить за порог.

— Прошу вас...

— Благодарю... Как у вас уютно, — смущенно сказала Кэтрин, исподволь пытаясь определить социальный статус хозяина квартиры. — О, а книг-то у вас даже больше, чем у меня!

— Ну да... Просто, по-моему, чем больше у тебя книг, тем более управляемыми становятся студенты! Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Э-э... Да, стаканчик воды было бы просто замечательно.

Рутерфорд метнулся мимо нее на кухню. Кэтрин удобно устроилась на диване, рассматривая нескончаемые вереницы корешков книг, половина из которых была, кажется, на латыни, греческом и других древних языках. Она вытянула сборник стихов Катулла в переводе и принялась листать, не вчитываясь, когда вернулся Рутерфорд. Он сел рядом с Кэтрин и поставил стакан с водой на столик перед ними.

— Так о чем я? Гематрия. Хм... — Рутерфорд поскреб в голове, немного подумал, а затем начал серьезным тоном: — Гематрия во многом напоминает игру. Игру невероятно умную и хитрую. Более того — чертовски серьезную. Это шифр, который использовался пророками Древнего мира, и считалось, что он наделен волшебными

свойствами. Но прежде чем мы перейдем к магии шифра, позвольте мне объяснить вам его литературный базис.

В отличие от нас философы Древнего мира не разделяли знание на дисциплины, поскольку считали, что в глубине своей все дисциплины и сферы познания связаны секретными формулами, на которых базируется мироздание. Они, наверное, пришли бы в ужас от того, как мы преподаем различные предметы в отдельных помещениях, потому что одной из главных целей образования считали доказательство единства множества знаний. Исследуя природу, они обратили внимание на периодическое повторение определенных чисел — в нотах на нотном стане и в движениях планет по орбитам: горстка одних и тех же чисел и формул является основой всего. Выяснив, какие числа и какие формулы являются критичными, можно получить доступ к законам мироздания и следом представить их в простом и доступном виде. Также нередко приводились аргументы за то, что числа и соотношения, выражающие скрытые механизмы Вселенной, были зашифрованы в письменности разных народов. Каждая буква в древнегреческом алфавите, как и в древнееврейском, и арабском, обладала собственным числовым значением. Истории и легенды, поэмы и религиозные тексты были составлены из букв и слов определенных номиналов. Следовательно, то, что на первый взгляд кажется простенькой сказкой, на деле является вместилищем более глубокого знания формулы, которая в свою очередь открывает путь к познанию Вселенной.

Кэтрин слушала как зачарованная.

— По-вашему, в самих словах, из которых составлены тексты древних книг, зашифрованы тайные послания? — спросила она.

— Совершенно верно. Именно это я и хотел сказать.

— А я знаю какую-нибудь из таких книг? Можете привести пример?

Рутерфорд не удержал улыбки.

— Вы когда-нибудь слышали о Библии?

— Библия! Правда?

— Конечно. Изначально Библия была написана на греческом. Многие не сознавали этого, но все эпизоды составлены с использованием гематрии, позволяя тем, кто разбирается, разглядеть истинное сообщение, скрытое за самим рассказом. Например, исторически достоверно, что составители Евангелий подбирали имена персонажей и ключевые фразы так, чтобы гематрическое числовое значение обладало соответствующим смыслом. Так они передавали знания в закодированной форме.

— Выходит... Вы утверждаете, что история жизни Иисуса, смерти и воскресения не просто его жизнь, смерть и воскресение?

— Ну, если упростить до предела, то — да.

Кэтрин не верила своим ушам:

— Но если это правда — значит, Библия наполнена словами, имеющими куда более глубокий смысл.

— Так оно и есть. Могу привести несколько примеров. Но для начала давайте вернемся к примеру вашему — первому: восклицанию Пифагора: «Эврика», или «ευρηκα» по-гречески. На самом деле скрытое значение этого слова «сопрягается» со сторонами прямоугольного треугольника, равными 5, 3 и 4, которые он использовал для доказательства своей теоремы. — Рутерфорд быстро набросал на листе греческий алфавит с цифрой под каждой буквой:

α	β	γ	δ	ε	ζ	η	θ	ι	κ	λ	μ	ν
1	2	3	4	5	7	8	9	10	20	30	40	50
ξ	ο	π	ρ	σς	τ	υ	φ	χ	ψ	ω		
60	70	80	100	200	300	400	500	600	700	800		

— Если придать числовые значения буквам, которые я написал, и сложить их, в сумме получится, что «εϋρηκα» на греческом означает пятьсот тридцать четыре. Совпадение? Не думаю.

Рутерфорд усмехнулся, видя изумление на лице Кэтрин.

— Понимаете, Пифагор всего лишь хотел продемонстрировать свое знание простым запоминающимся способом, а заодно скаламбурить! И это очень типично для образованных людей того времени. История мира была бы совершенно иной, если бы люди перестали воспринимать легенды и религиозные предания буквально, а вместо этого нашли бы скрытые значения, — рассказывая, Рутерфорд что-то увлеченно и быстро писал. — Вот вам еще пример: Иисус «Ιησους», восемьсот восемьдесят восемь, плюс Мария «Μαριαμ», сто девяносто два, равно одна тысяча восемьдесят — «Πνευμα Αγιον», то есть «св. дух». А число одна тысяча восемьдесят есть точный радиус Луны в милях. Это, согласитесь, никакое не совпадение. Луна нарождается каждые двадцать семь дней и поэтому является идеальным символом воскрешения. Так же точно и Деву Марию отождествляют с Луной и возрождением. Я могу продолжать.

Кэтрин была словно наэлектризована от волнения.

— То есть вы утверждаете, что библейскую историю составили для того, чтобы «подогнать» определенные числа?

— Что вы, нет! — воскликнул Рутерфорд. — Я сам регулярно посещаю церковь колледжа. Евангелия учат любви и добру, и в учениях этих бездна пророческой мудрости. Я имею в виду только то, что составители Евангелий, вероятно, выбрали имена главных действующих лиц, а также подобрали определенные фразы в соответствии с гематрической схемой. И таким образом они так

же передают скрытые послания о природе Вселенной и системе счисления, управляющей ей.

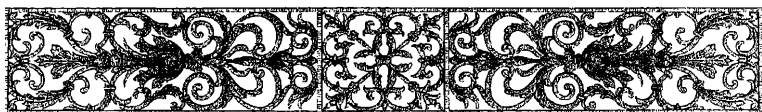
— Но зачем надо было шифровать, скрывать послания?

— Ну, допуская, что эти наши предки обладали высоким интеллектом, а так оно, наверное, и было, они наверняка предвидели, что спустя много лет некоторые не в меру старательные поклонники идей Иисуса могут намеренно «перестать видеть» правду. Поэтому они приняли меры предосторожности, скрыв ее в самом тексте так, чтобы истинное послание смогло дойти до потомков — в зашифрованном виде.

У Кэтрин голова шла кругом. Она смотрела на листки с причудливыми словами и цифрами, написанными аккуратным почерком Джеймса.

Но не было времени размышлять о выводах Рутерфорда сейчас — что-то подсказывало Кэтрин: надо торопиться.

Она была уверена: гематрия — это ключ к расшифровке странной записки профессора Кента.

Кэтрин решительно вздохнула — и взглянула Рутерфорду прямо в глаза.

— Джеймс, я хочу показать вам нечто значительное. То, что на самом деле явилось причиной моего обращения к вам за помощью.

Она достала из портфеля записку профессора Кента и выложила на стол.

— Происходит что-то ужасное. Профессора Кента я знаю с ранней юности. Мои родители преподавали в Йеле, и профессор был их другом. По сути он являлся членом нашей семьи, и мы были очень близки... Джеймс, ректор сказал, что это самоубийство. Вот только причин для самоубийства не было. Подобный акт для него был равносильен анафеме. И потом, когда я открыла конверт с картами, я нашла в нем записку. Вот — смотрите.

Она передала записку Рутерфорду.

«На случай, если я не вернусь.

Эврика

40 10 4 400 30 9 30 70 100 5 200 30 10 40 1 80 5 100 400
40 10 50 10 200 300 100 8 70 9 1 50 300 10 20 800 10 300
10 200 0051172543672».

— Я рассказываю вам все это, потому что он, как я поняла, вам доверял... Я тоже вам доверяю.

Когда Рутерфорд прочитал записку, первая мысль его была о том, что по крайней мере теперь понятно, почему Кэтрин так вдруг заинтересовалась гематрией. Но взгляд его все время возвращался к первому предложению: «Если я не вернусь».

Рутерфорд нервно сглотнул. Он не находил в себе и тени уверенности, что стоит связываться во все это. То, что несколько мгновений назад казалось увлекательным интеллектуальным приключением, внезапно приняло пугающий и зловещий оборот.

«Открытия, приглашение от профессора, таинственные карты, а теперь вот эта зашифрованная записка, из которой явствует, что профессор знал о грозящей ему опасности. Кэтрин нужна помощь — она обратилась ко мне. И возможно, профессор что-то обнаружил: нечто важное для всего человечества. Но тогда все очень, очень скверно».

Остановив пристальный взгляд на записке, прокручивая в уме события сегодняшнего утра, Рутерфорд внезапно догадался, о чем думает Кэтрин. Ни слова не говоря, он выложил на столе рядом с запиской гематрический код и начал расставлять в тексте цифры профессора Кента в обратном порядке.

Как только Джеймс подставил первые цифры в таблицу перевода, оба тут же поняли: интуиция их не подвела. Шифр выдал имя: «Мигель Флорес».

В крайнем возбуждении Кэтрин схватила ручку и перевела оставшиеся цифры в слова: «Мигель Флорес Лима Перу Министерство памятников древности 0051172543672».

Рутерфорд наблюдал с возрастающим изумлением.

«Господи — все получается! Профессор общается с нами из могилы».

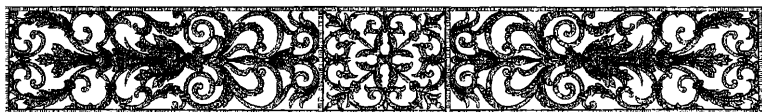

Кэтрин распрямилась и выдохнула. Подняв голову и глядя прямо перед собой, она терялась в догадках.

— Но что это значит? И почему не расшифровывается конец послания? Какая-то тарабарщина...

Рутерфорд заговорил — выражение лица выдавало, как ему страшно:

— Это номер... Телефонный номер в Перу. Думаю, он хотел, чтобы мы позвонили по нему.

Оба какое-то время глядели на стоящий на столе телефон, прежде чем Рутерфорд включил динамик и набрал номер. Раздался щелчок — звук соединения через тысячи миль.

— Holá. Buenos días.

Кэтрин, немного знавшая испанский, резко подалась вперед.

— Holá! ¿Habla inglés?*

— Да, я говорю по-английски... Кто это?

— Доброе утро, сеньор Флорес, говорит доктор Кэтрин Донован, я звоню из Оксфорда, из Англии. Рядом со мной мой коллега Джеймс Рутерфорд. Простите за неожиданный звонок — я хотела бы поговорить с вами о профессоре Кенте.

Последовала долгая пауза, а затем с явным подозрением в голосе на том конце спросили:

— Кто сообщил вам мое имя?

— Э-э... мы нашли его... Мы друзья профессора Кента.

— Что происходит? Кто вы? Где профессор Кент?

Рутерфорд и Кэтрин удивленно переглянулись. Не зная, что предпринять, Кэтрин проговорила:

— Сеньор Флорес, профессор Кент мертв...

Долгая жуткая пауза.

* Здравствуйте! Вы говорите по-английски? (исп.)

— Сеньор Флорес, пожалуйста, помогите — нам очень надо поговорить с вами о профессоре Кенте. Вы с ним работали над чем-то?

Ответа не последовало.

— Сеньор Флорес, вы здесь?

— Вы сказали, вас зовут Кэтрин?

— Да, верно.

— Бог мой, профессор говорил, что вы когда-нибудь можете позвонить.

Повисла еще одна пауза. Наконец перуанец заговорил — теперь в голосе его явно слышался страх:

— ...По телефону нельзя. Это касается слишком опасных вещей. Работу мы еще не завершили...

— Мы можем встретиться?

— Приезжайте в Лиму. Позвоните, когда будете здесь. Пожалуйста, не рассказывайте никому обо мне.

В трубке щелкнуло — на том конце дали отбой.

Рутерфорд посмотрел на Кэтрин.

— Весьма странный разговор.

— Слышали, как он напуган? Вот и мне с каждым часом все страшнее... — Кэтрин покачала головой и вновь заговорила. Голос ее дрожал, но чувствовалось, что решимость ее не оставила: — Я точно поеду. Но поеду одна. Я пойму, если вы не захотите во все это ввязываться. У вас, наверное, свои планы на каникулы.

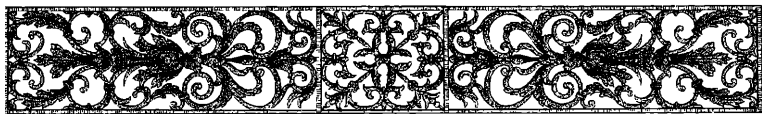
Джеймс размышлял о том, что в реальной жизни он занятой человек, преподаватель с кучей неотложных дел.

«Но Кэтрин нуждается в помощи — я не могу допустить, чтобы она на свой страх и риск отправилась на край света и сгинула. Если она нашла в себе смелость, то я не в силах вот так просто бросить ее». — Он скрипнул зубами.

— Когда летим? — спросил Рутерфорд, не до конца сознавая, что говорит. — Всю жизнь мечтал отдохнуть в Южной Америке: семестр был очень напряженный, да и за границей я не был уже два года.

Лицо Кэтрин осветилось улыбкой.

— Сейчас закажу билеты и доложу. Шагом марш паковать вещи, боец!

Глубоко в недрах здания ООН секретарь Миллер быстрым шагом возвращался к залу совещаний Генеральной Ассамблеи. Когда он уже подходил к дверям, с другого конца коридора его окликнул элегантно одетый молодой человек:

— Сэр, вас просят срочно подойти к телефону.

Секретарь крутнулся на каблуках и пошел за молодым человеком в просторный офис свободной планировки*: десятки пустых столов с незанятыми компьютерными терминалами. На одной стене размещались четыре плазменные панели — очевидно, для видеоконференций, — на другой расprostерлась огромная карта мира. Над верхним краем гигантской карты были выведены украшенные геральдическими символами слова: «Резервный узел связи штаб-квартиры ООН».

В дальнем углу за стеклянной выгородкой располагался кабинет с огромным столом для переговоров. Секретарь Миллер, закрыв за собой дверь, быстрым шагом приблизился к столу и взял трубку. Ассистент мгновенно перевел на него звонок. Миллер нетерпеливо рывкнул в трубку:

— Да?

* Планировка помещений в доме или учреждении с передвижными стенами и перегородками, изменяемым уровнем пола и потолка. Одно из нововведений архитектора Ф. Л. Райта.

Ему ответил ректор колледжа Олл-Соулз.

— Простите, что побеспокоил вас, секретарь, но поступил я так лишь потому, что вы велели мне звонить в случае, если обнаружу хоть что-то подозрительное.

Растущее раздражение исказило лицо секретаря:

— Хорошо. Ближе к делу.

— У профессора был друг. Близкий друг. Женщина. Научный сотрудник нашего колледжа.

— И что?

— Интуиция подсказывает мне, что она подозревает.

— Людям свойственно подозревать. Она обладает какой-то информацией?

— Этого я пока не знаю. Но один из ваших агентов только что проинформировал меня, что она забронировала себе и своему компаньону билеты на самолет в Перу. По-видимому, она собирается привезти сюда тело профессора и, вероятно, заодно побеседовать с полицией: она очень расстроена. Просто я хотел, чтобы вы на всякий случай знали. Мало ли что...

Ректор замолчал. Молчал и секретарь, разглядывая громадную карту мира, украшающую стену. У него куча дел — столько всего надо приготовить... Дурацкая возня с этими учеными уже начинала выводить из себя. Но тут в памяти всплыл наказ сенатора Куртца: «В нашем деле нет ничего опаснее личной инициативы».

Страдальческое выражение появилось на лице секретаря. Он почесал бровь свободной рукой и напряженно вгляделся в участок карты, изображающий Южную Америку. Как может кто-то, не важно, из каких побуждений, разрушить планы правления по переделке мира?

Несмотря на то что секретарь все меньше и меньше доверял сенатору Куртцу, он был вынужден подчиниться его приказу: «Нам необходимо подчистить за собой все в Перу. Без права на ошибку».

Нетерпеливо вздохнув, секретарь вернул свое внимание телефонному звонку:

— Убедитесь, что, пока эта женщина не сядет в самолет, с нее глаз не будут спускать. Отслеживать каждого, с кем она заговорит. Свяжетесь со мной, если что-то привлечет ваше внимание.

— Непременно, секретарь.

Но секретарь уже повесил трубку.

Не только судьба ученых занимала мысли секретаря.

Чем больше он размышлял о том, что сенатор сказал ему при выходе из здания, тем делался более подозрительным. Что же все-таки должно произойти в понедельник?

Захват власти всегда сопровождается жестокостью и кровопролитием — это, увы, неизбежно, но вовсе не означает конец света. Напротив: предназначение переворота — дать начало новой эре. Прежние коррумпированные, демагогические формы власти будут уничтожены, и восторжествует прямое правление Корпорации. Таким, по крайней мере, всегда был план.

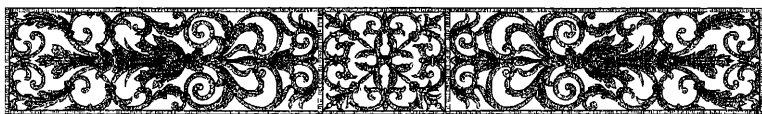
И все же в его душе росла уверенность: что-то идет принципиально неправильно и ему необходимо принять решение. Может, сенатор Куртц действует по какому-то личному плану? Может, ему следует попробовать связаться с правлением за спиной Куртца? Нет. Это будет весьма недальновидно — он не доживет и до конца дня, не говоря уж о следующем понедельнике.

Тем не менее существовал еще один путь, пока еще свободный. В своем разговоре с сенатором секретарь был не до конца искренен...

Медленно-медленно Миллер поднял глаза от стола и повернулся, чтобы взглянуть в угол. Там стоял тиковый

шкаф, и за закрытыми дверцами этого шкафа прятался уродливый приземистый личный сейф секретаря. Нет, сказал про себя Миллер. Еще не время. Слишком рискованно. Пусть это останется его последней надеждой. Сначала он попытается узнать о сенаторе как можно больше — выяснить, что на самом деле им движет.

Кэтрин еще только просыпалась, когда самолет про-
рвался сквозь высокий облачный фронт над Перу. Гул
двигателей на мгновение смутил ее. Она повела головой
влево, затем вправо, не до конца пробудившись и гадая,
где же она и что с ней. Но затем до ее слуха донеслись
голоса возбужденных британских бэкпекеров*, сидев-
ших позади, и на волне адреналина она внезапно выныр-
нула из полубессознательного состояния. Что-то хруст-
нуло в динамиках трансляции, и раздался голос капи-
тана: лайнер незначительно отклонился от курса на юг,
дабы избежать турбулентности на севере Перу, но сей-
час они вновь взяли курс на север и находятся над тер-
риторией Перу, в тридцати милях от побережья; при-
мерно через час пойдут на посадку.

Кэтрин вздохнула. Ей снился профессор Кент. Она
вновь прикрыла глаза и попыталась абстрагироваться
от шума самолета и его пассажиров, чтобы память выпа-
рапала воспоминания о сне, пока те окончательно не рас-
творились.

Приснилось ей, что она в доме на ферме профессора.
Они вдвоем сидят на кухне, беседуя и смеясь, — все, как
прежде. На нем — «камуфляжные» брюки и большие
зеленые сапоги «Веллингтон» — такой была его свое-
образная униформа для загородного дома.

* Бэкпекер (*англ.*) — «рюкзачник», пеший турист.

Кэтрин приехала навестить его: регулярно раз в неделю он приглашал ее на ланч. Аромат жареного цыпленка струился от плиты, хозяин только что откупорил бутылку красного вина и поставил на крепкий дубовый стол, готовясь к пиршеству. В то утро профессор был особенно оживлен, а Кэтрин, как всегда, с радостью разделяла его компанию. Одной из величайших удовольствий ее дружбы с ним было то, что она всегда чувствовала: когда бы они ни встретились, она всегда чему-нибудь у него научится. Однако в его тоне не было назидательности — просто каждым мгновением, что дарил ему жизнь, он наслаждался сполна.

В своем сне Кэтрин вспомнила их давний разговор об облегчающих труд устройствах и инструментах. Профессор, как всегда талантливо, объяснил ей истинное значение этих так называемых технических приспособлений.

— Платон, — рассказывал профессор Кент, — прародитель западных культурных традиций, говорил, что рука — это «organon», что в переводе означает «инструмент». Называть руку органом — значит элементарно подразумевать, что это инструмент хозяина. Платон говорил, что рука есть органон, молоток — органон и стук молотком — тоже органон. Однако электросоковыжималка, которую сегодня можно найти во многих кухнях, — это нечто злое. Она маскируется под органон, однако представляет собой нечто совершенно иное — одно из множества проявлений гигантской системы, разрушающей наш мир.

Кэтрин симитировала неверие, потому что иногда ей нравилось играть роль адвоката дьявола:

— Да ладно вам! Это ж абсолютно безвредное устройство, предназначенное для ускорения скучного занятия и экономии времени и в результате выдающее полезный

для здоровья напитков — что ж теперь, не покупать соковыжималки?

Профессор улыбнулся девушке. Она любила обсуждать с ним какие угодно темы. Его манера вести спор была деликатной, но он был совсем не против, если его вынуждали отстаивать свою точку зрения. Ему очень нравилось убеждать людей, и он делал это, пользуясь обоснованными аргументами, всегда верный холистическому* мировоззрению, отказаться от которого его никто не мог заставить.

— Понимаешь, Кэтрин, — отвечал он, — нравится нам это или нет, эра орудий труда, или инструментов, миновала, нынче на дворе эра устройств и систем. Давай представим это так: ты давишь сок из апельсинов и делаешь восхитительный и полезный напиток. Замечательно! Но приглядиись повнимательнее к соковыжималке — и сразу заметишь некие тревожные аспекты. Электричество, приводящее в действие соковыжималку, поступает через сеть кабелей и линий электропередачи, питание к которым подводится от силовых станций, находящихся в зависимости от давления воды, или от нефтепроводов, железнодорожных цистерн или танкеров, которым, в свою очередь, требуются плотины, морские буровые платформы и буровые установки в дальних странах. Вся эта цепочка гарантирует точную и немедленную доставку — при условии, что каждое из ее звеньев укомплектовано армиями инженеров, проектировщиков, финансовых экспертов, которым требуется поддержка администраций, университетов и едва ли не всех областей промышленности — порой даже военной, как мы это не раз уже видели. Все, кто считает, что они пользуются одной лишь соковыжи-

* То есть такому, в котором акцент делается на целостности личности, а не на ее составных частях.

малкой, ошибаются. Соковыжималка есть всего лишь прикрытие, маскировка; она является вовсе не простым орудием труда, а конечным суставом миллионов и миллионов щупальцев гигантской системы, обвившейся вокруг земного шара и каждый день все сильнее сжимающей хватку.

— Господи, — вырвалось у Кэтрин, совершенно забывшей, что собиралась изображать адвоката дьявола. — Жуть какая...

Профессор покачал головой и грустно улыбнулся.

— Жуть... И то же самое с такой хитрой личиной, как блендер, стиральная машина, автомобиль и так далее, — щупальца вползают в наши повседневные жизни и заставляют нас служить системе, а это в один прекрасный день в не таком уж далеком будущем уничтожит нас. Возможность выйти из игры давно упущена. А системам свойственно разрастаться и самостоятельно выстраивать свою жизнь, в конечном счете добиваясь своих целей, в корне отличных от тех, служить которым они были призваны изначально. Возьмем, к примеру, организованные религии. Это обширные глобальные системы с амбициями, которые на данном этапе весьма далеки от мудрых добрых слов их пророков. Задача современной системы — принуждать все большее и большее количество людей к зависимости от энергии, которую она вырабатывает. Используя систему, мы выписываем ей чек без указания суммы. — Профессор подошел к столу и наполнил два бокала вином. — И помни: природа — это банк, все чеки в котором выданы. Ладно, доченька, давай я тебя немного покормлю. Один мой деревенский приятель принес со своей фермы цыпленка. А они у него всегда восхитительны, уверен, тебе понравится!

Сзатуманенными глазами, глубоко опечаленная горьким сознанием того, что таких разговоров больше не будет, Кэтрин подняла шторку иллюминатора, чтобы впустить утренний свет. Перуанское Альто-Плано раскинулось под ними, насколько хватало глаз. Величественное зрелище. Затем, к изумлению Кэтрин, зрение стало проделявать с ней трюки: она решила, что видит странную фигуру, каким-то образом выложенную на земле в тысячах футов внизу. Формой своей она напоминала очертания гигантской колибри.

Кэтрин протерла глаза и взглянула еще раз, ожидая, что галлюцинация исчезнет. Однако птица была все еще там, а рядом с ней — нечто похожее на огромный цветок. А потом чуть дальше показались другие гигантские композиции: сказочная рыба, за ней — величавый кондор и далее — то, что на первый взгляд напоминало различные геометрические фигуры. Потом — две параллельные линии. Они были идеально прямыми и, казалось, убегали в бесконечность.

«И все это я вижу наяву? Просто невероятно!»

Она повернулась к Рутерфорду и потянула его за руку.

— Джеймс, ты должен это видеть! Ради бога, что это за рисунки на земле?

Рутерфорд, сам только начавший просыпаться, глянул в иллюминатор:

— Ничего себе!.. Понятия не имею.

Слева от него на крайнем в ряду кресле сидел хорошо одетый джентльмен из Перу лет шестидесяти. У него было темно-смуглое лицо и классический нос инка. Услышав их разговор, он обратился к ним по-английски с сильным акцентом:

— Это знаменитые линии Наски. Добро пожаловать в Перу!

Рутерфорд озадаченно переспросил:

— Линии Наски? Никогда о них не слышал!

Кэтрин хотелось подробностей:

— Я тоже... Их видно с такой высоты — они, наверное, огромные. Каждая линия не меньше полумили. И просто идеально прямые!

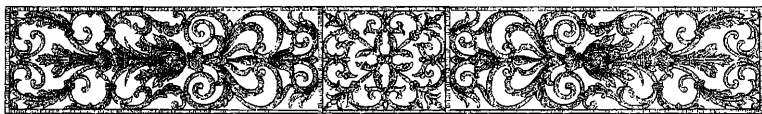
Перуанец улыбнулся, глаза его блеснули на ярком солнце.

— Сеньорита, они на самом деле длиннее — более пяти миль. И они вправду идеально прямые: тянутся вверх и вниз по горным склонам, через пропасти и никогда не сбиваются со своего направления.

Кэтрин была поражена.

— Но кто и для чего их сотворил?

— Похоже, сеньорита, вам не приходилось бывать в Перу. — Пожилой мужчина усмехнулся. — Боюсь, пока вы будете гостить в нашей стране, вам то и дело придется слышать слова, которыми я отвечу на ваш вопрос: этого никто не знает!

Несколько минут спустя Кэтрин, покопавшись в путеводителе, повернулась к Рутерфорду и, нахмутив брови, с уверенностью сообщила:

— Тут пишут, линии Наски — это «круги на полях» Латинской Америки. Таких гигантских композиций насчитывается сотни, и никто точно не знает, как они были сделаны. Они изображают как вполне опознаваемых животных и птиц, так и идеально выполненные геометрические фигуры. Самое удивительное в них: оценить точность исполнения, да и просто понять, что они изображают, можно лишь с высоты — вот как мы сейчас. На земле же, из-за огромных масштабов, почти невозможно определить на глаз их размеры, а поскольку нет никаких возвышенностей вокруг плоскогорья Наски (оно почти идеально ровное), рисунки кажутся еще более загадочными и непостижимыми.

Кэтрин на секунду замолчала. Рутерфорд задумался. Можно было и не спрашивать — но она не удержалась:

— Вы думаете о том же, о чем и я?

Рутерфорд кивнул. Его мужественное, волевое лицо было хмурым:

— Если вы имеете в виду, что это напоминает вам теорию профессора о древних, оставивших послание будущим поколениям, то — да, я думаю о том же самом. Уму непостижимо...

Кэтрин отвернулась к иллюминатору и стала смотреть на удивительные рисунки, будто в фантастическом сне проплывающие внизу: огромная птица, пустой параллелограмм... Она уронила путеводитель на колени, чувствуя, как растет комок в горле: все это становилось просто невыносимым.

«Это надо же такому случиться, что, пройдя среднюю школу, университет, докторат и наконец став ученым, вдруг осознать: за какие-то двадцать четыре часа весь твой базис такого удобного мировоззрения разлетелся на куски? Почему никто не рассказывал мне об этих вещах: о картах, линиях Наски, о том факте, что Библия на самом деле — тайный шифр для передачи мудрости древних?»

Она почувствовала, как, желая утешить ее, руки коснулась ладонь Рутерфорда.

— Кэтрин? Кэтрин, с вами все в порядке?

Тепло участливого прикосновения и звук его голоса вернули Кэтрин к реальности. Она повернула голову, чтобы взглянуть на своего спутника и попыталась выдать улыбку, но не смогла.

Лицо Джеймса было серьезным:

— Кэтрин, нам надо держать себя в руках и стараться сохранять спокойствие. Мы не должны бояться. Вспомните профессора: ведь он уже шел по этой тропе до нас. Мы знаем, что он тоже впервые для себя открыл и эти вещи, и нечто большее, и мы должны следовать за ним. Мы должны доверяться истине и отбрасывать все, что — как нам казалось — знали до этого момента.

На этот раз Кэтрин удалась искренняя улыбка. Ей было хорошо от того, что он рядом.

— Спасибо, Джеймс. Извините меня... Просто за такой короткий срок столько всего навалилось. Такое чувство, будто весь мир изменился... По крайней мере, для меня.

— Понимаю вас... Сам-то я не имею представления, что нас ждет, а когда думаю о последствиях, честное слово, становится даже немного страшно. На самом деле я считаю, что нам надо постараться не загадывать что-то на будущее, а просто двигаться вперед и — что найдем, то найдем.

Кэтрин вновь повернула голову и взглянула на сюрреалистический ландшафт плато. Он был все еще там, словно поддразнивая своими загадочными иероглифами. С новыми мыслями она вновь раскрыла путеводитель и принялась читать вслух:

— «Многие пытались определить возраст рисунков пустыни Наска, но задача эта оказалась невыполнимой. В изображениях не использовались органические материалы, поэтому сразу отпадает радиоуглеродный анализ. Единственное, что могло помочь ученым, — горстка глиняных черепков, раскопанных в одной из рукотворных борозд. Сами картины порождали множество вопросов. Почему, например, изображено так много существ, не обитающих в Андах? Исключение — кондор, но кроме него имеется целая коллекция “неместных” тварей: кит, обезьяна, непонятные виды птиц... И — самое странное во всей коллекции — идеальное изображение невероятно крохотного и крайне редкого вида паука тропических джунглей, позже обнаруженного в самых непроходимых дебрях влажных лесов Амазонки.

Паук вызывает особый интерес, поскольку астрономы подсчитали, что этот рисунок вкупе с примыкающими к нему прямыми линиями представляет собой изображение созвездия Ориона и ближайших на небосклоне звезд».

Кэтрин закрыла книгу. Как астронома такое объяснение ее устроило.

— Джеймс, кто бы ни сотворил эти произведения, ясно одно: они достались нам в наследство от древней раз-

витой цивилизации. Чтобы «читать» небеса и так вот картировать созвездие Ориона, нужны колоссальные знания.

Рутерфорд недоуменно помотал головой.

— Согласен. А как же факт, что половина животных — не из ареала Анд?

Кэтрин вдруг осенило. Она подалась вперед и вновь обратилась к джентльмену из Перу — тот увлеченно читал газету.

— Простите, сеньор, можно мне спросить вас кое о чем?

Пожилой мужчина опустил газету и ободряюще улыбнулся.

— А что сами перуанцы говорят об этих линиях?

Его черные глаза пристально изучали ее лицо. Кэтрин почудилось, что ответ перуанца будет зависеть от того, какой он сделает вывод о ее характере. Она умоляюще посмотрела на него.

— Сеньорита, мы уже давно знаем, кто нарисовал эти линии. Это были Виракочас* — полубоги, первые правители Перу. Они пришли из-за моря много-много тысяч лет назад. Они издавали законы и учили людей многим вещам. Американские археологи, а до них — испанские считали, что, когда мы говорим о Виракочас, мы расска-

* Бесчисленные легенды индейцев обеих Америк повествуют о том, что некогда на берега их страны высадились белые бородатые люди. Они принесли индейцам основы знаний и законы — основы цивилизации. Они прибыли на больших странных судах с лебединными крыльями и светящимся корпусом. Подойдя к берегу, корабли высадили людей, голубоглазых и светловолосых, в одеяниях из грубого черного материала, в коротких перчатках. На лбу у них было украшение в виде змеи. Эта легенда почти без изменений дошла до наших дней. Ацтеки и тольтеки Мексики называли белого бога Кецалькоатль, инки — Контикси Виракоча, для чибча он был Бочика, а для майя — Кукулькан.

зываем легенды, однако это не так. Документальных свидетельств об их существовании не сохранилось, но мы твердо знаем, что они были.

Пожилой мужчина уверенно кивнул, затем откинулся на спинку кресла и вновь погрузился в чтение газеты.

Рутерфорд, округлив от удивления глаза, придвинулся ближе к Кэтрин и прошептал:

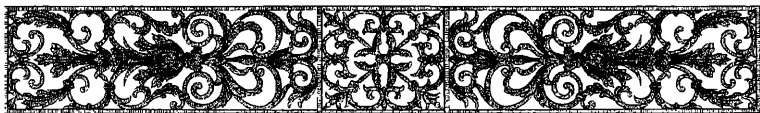
— По-моему, вы только что обнаружили, на чем нам следует сосредоточить внимание. Кто были эти Виракочас и существовали ли они на самом деле?

Кивнув, Кэтрин прошептала в ответ:

— Да, вы правы, они могут оказаться ключом к этой части тайны. Вдруг Виракочас — это те, кто оставил предостережение потомкам в легендах народов мира, а линии Наски — часть того послания?

Рутерфорд, посмотрев в иллюминатор на бескрайний голубой простор, пробормотал будто бы про себя:

— Вот именно! Невероятно... — Он повернулся к Кэтрин. — Чую, у нашего друга Мигеля Флореса есть многое, что стоит нам рассказать.

В аэропорту Лимы царила атмосфера фиесты. Едва они прошли через вращающиеся двойные двери, порог которых обозначал границу владений перуанской таможни, как их органы чувств подверглись настоящей атаке. Больше всего шокировали люди. После аэропорта Хитроу с его стильно одетым бизнес-контингентом, отпускниками с тележками, нагруженными чистым багажом, и общим впечатлением, будто ты шарик в автомате для пейнтбола, хаос в аэропорту Лимы воспринимался как настоящее приключение: шум, жара и тысячи индейцев, многие — в традиционных пончо и фетровых шляпах, — все это способствовало ощущению, будто ты попал на тропический рынок.

Отмахиваясь от назойливых торговцев, Кэтрин и Джеймс выбрались к стоянке такси и после недолгого ожидания скользнули в тишину салона автомобиля. Это было просторное желтое, в американском стиле, такси, с приветливым шофером лет двадцати. Запылавшаяся Кэтрин попросила водителя отвезти их в город.

Таксист усмехнулся и завел двигатель — тот с ревом ожил. Машина стартовала и, издавая все виды странных звуков, выплыла на ведущее к Лиме грязное оживленное шоссе. Сразу же за пределами аэропорта слева и справа

от дороги потянулись районы трущоб, состоящие из ветхих лачуг.

Рутерфорд с изумлением разглядывал царящую здесь разруху. Она напоминала пародию на американский или европейский город. Все строения были рукотворными и в большинстве своем представляли собой конструкции из предметов, изначально предназначенных для совершенно иного: автомобильный капот вместо крыши для дома, пустая бочка из-под бензина как ванна. Уличный мусор стайки чумазных ребятишек превратили в игрушки.

«Вот они какие, пресловутые южноамериканские трущобы», — подумал Рутерфорд.

Кэтрин поначалу не могла от ужаса вымолвить ни слова: по сравнению с безмятежной красотой Оксфорда увиденное больше походило на картину апокалипсиса.

«Каким образом у людей хватает духу существовать вот так? Как вообще можно жить в таких условиях?» — она повернулась к Рутерфорду.

— Не думаю, что Виракочас были бы счастливы видеть сегодня эту страну такой.

— Это точно. Угнетает... — На лице Рутерфорда был неподдельный ужас, когда мимо проносились ряд за рядом ветхие жилища. — Поедем прямо в Министерство памятников древности и отыщем там Флореса. А потом можно позаботиться и о гостинице — что скажете?

— Хорошая мысль. Хотя чашечка крепкого кофе мне сейчас очень не помешала бы... В самолете не выпалась.

Рутерфорд покопался в своем рюкзаке и вытащил ежедневник, в котором у него был записан адрес Министерства. С улыбкой он отдал его Кэтрин и кивнул на водителя.

— Думаю, вам это лучше удастся, а то — кто знает — завезет еще куда-нибудь...

Кэтрин рассмеялась и заговорила с таксистом. Затем откинула голову на подголовник и прикрыла гла-

за. «Скоро мы узнаем, какая тайна объединяет профессора Кента и Мигеля Флореса. И на шагок приблизимся к разгадке смерти профессора...»

Министерство памятников древности располагалось во внушительном, импозантном здании в стиле неоклассицизма на северной стороне широченной и шумной plaza Майор в центре Лимы, на пересечении четырех самых оживленных дорог столицы. Разумеется, с утра до вечера она была запружена потоками разноразных автомашин, спешащих по своим делам: грузовиками, ползущими из сельской местности, автобусами городских маршрутов и частными автомобилями, — все пытались проскочить первыми и все дружно не замечали ни дорожных знаков, ни полицейского-регулирующего.

Протолкавшись через пробку на площади, такси с большим трудом припарковалось у подножия массивных ступеней. Пока Кэтрин расплачивалась с водителем, Рутерфорд вытянул вещи из багажника. Стремясь поскорее оставить за спиной клубы выхлопных газов и уличный шум, они быстро поднялись по ступеням. Навверху их встретила массивная двойная железная дверь, обе створки которой были раскрыты, а за ней была видна другая дверь, стеклянная, защищающая служащих министерства от грохота транспорта и вони дизелей. Над железной дверью красовался бронзовый герб, изображающий огромного кондора с вычеканенной под ним надписью: «Ministerio de Antigüedades».

Атриум здания представлял собой плохо освещенный, напоминающий пещеру зал, в котором царила гробовая тишина. Пол был мраморный, как и стены, потолок же пропорциями своими напоминал соборный. Мебель, по сути, отсутствовала — исключение составляли стол и диван рядом с ним. За столом сидела секретарь прием-

ной, и, если не принимать этот факт в расчет, Министерство памятников древности казалось просто вымершим.

Они подошли к столу, и Кэтрин прочистила горло, прежде чем обратиться к миниатюрной секретарше.

— Buenos días! Будьте добры, мы приехали встретиться с Мигелем Флоресом. Меня зовут Кэтрин Донован, а это — Джеймс Рутерфорд, мы из Оксфордского университета.

Секретарь выглядела очень расстроенной и в ответ быстро заговорила на испанском.

— Вы что-нибудь поняли? — повернулся Рутерфорд к Кэтрин.

— Нет, — покачала она головой. — Говорит слишком быстро... Погодите: звонит кому-то.

Секретарь что-то быстро проговорила в трубку и затем стремительным движением протянула ее Кэтрин.

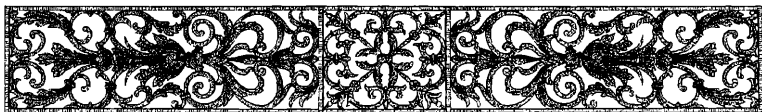
— *Holá — habla inglés?* — спросила Кэтрин.

На том конце ответили по-английски. Мужчина говорил учтиво, но с уверенностью в голосе:

— Здравствуйте, с вами говорит заместитель министра по туризму. Насколько я понял, вы приехали встретиться с сеньором Флоресом?

Кэтрин обернулась к Рутерфорду и заговорщически улыбнулась ему. Джеймс наблюдал за тем, как она прислушивается к голосу на том конце линии. Внезапно лицо ее побелело, и рука, продолжавшая сжимать трубку, упала к бедру. Она уже не улыбалась: глаза были полны слез, а на лице — неподдельный страх:

— Джеймс, сегодня утром Флореса по дороге на работу сбила машина. Он мертв.

Звонкие отзвуки шагов пары туфель по мрамору сообщили им о прибытии замминистра. От дальнего конца зала к ним направлялся невысокий усатый мужчина в черном костюме и галстуке. На вид ему было чуть за сорок.

Пока он шел к ним, Кэтрин инстинктивно насторожилась. Она быстро прошептала Рутерфорду:

— Не говорите ему, зачем мы здесь.

Чиновник подошел прямо к Кэтрин и пожал ей руку, затем повернулся к Рутерфорду и проделал то же самое — неискренняя слащавая улыбка не сходила с его лица. Пальцы замминистра украшали золотые перстни, во рту блестел золотой зуб. Говорил он с сильным акцентом и просто-таки лучился показным благодушием:

— Добро пожаловать, просим, просим... Мне так жаль, что невольно стал для вас вестником печали. Разрешите представиться: Рафаэль Манторес, сотрудник отдела сеньора Флореса. Мы с вами только что говорили по телефону. Прошу — присаживайтесь...

Рутерфорд и Кэтрин почти обрадовались, когда им сказали, что надо сделать. Будто в трансе, оба подошли к дивану и сели.

— Пожалуйста, сеньор Манторес, не могли бы вы рассказать нам, что случилось с сеньором Флоресом? — попросила Кэтрин.

Чиновник вздохнул. Немного театрально, подумала Кэтрин, хотя, возможно, так показалось из-за охвативших ее страха и подозрительности.

— Ох, просто ужас какой-то. Обычно он каждый раз выходил из автобуса на той стороне площади и шел через поток движения, вместо того чтобы спокойно обойти вокруг. И вот сегодня угодил под колеса.

— А сбившая его машина остановилась? — спросил Рутерфорд.

— Остановилась? Ха! Это же Лима! Нет, не остановилась она, уехала.

— Но может, были свидетели?

— Водители в Лиме не останавливаются. Это же несчастный случай — что тут поделаешь? Полиция приехала спустя примерно полчаса: движение здесь очень напряженное... Да это вам и не нью-йоркская полиция. Несчастного отвезли в больницу, но было уже поздно.

Кэтрин, все еще с трудом воспринимающая новую информацию, перебила:

— Но ведь это ужасно — неужели никто не позаботился проинформировать полицию о случившемся или сообщить им номер машины?

— А что толку, сеньорита? Может быть, у той машины вовсе не было номера, как у большинства машин в Лиме: полиция в любом случае не сможет отследить ее. А вы сюда приехали к сеньору Флоресу? Мне искренне жаль, что визит ваш сорвался. Но может, я окажусь вам полезным? К нам редко приезжают из Оксфорда — это большая честь для нас.

Отрепетированная улыбка вернулась на физиономию чиновника. Кэтрин глянула на Рутерфорда: страх все еще владел им. Она ответила за двоих.

— Нет, спасибо. Прошу, не беспокойтесь за нас. Мы хотели побеседовать с сеньором Флоресом об инках, но

теперь это не так уж и важно. Мы возьмем гида в гостинице...

Манторес продолжал настаивать:

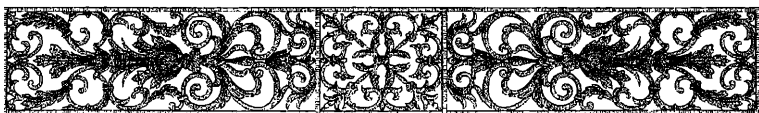
— Но, сеньорита, может быть, мне удастся уговорить вас посетить некоторые из наших более современных достопримечательностей? Ведь Перу — это не только наследие инков.

Оглядев мрачный атриум, почти ожидая появления незнакомого врага на пороге одной из дверей, Кэтрин, запинаясь, проговорила:

— Нет-нет, большое спасибо. Не беспокойтесь о нас.

— Что ж, если я хоть чем-то могу быть полезен, пока вы здесь, прошу вас, звоните без колебаний. Вот моя визитка. И я очень сожалею, что ваш визит получил такое начало. — Он скользнул взглядом по их рюкзакам, на которых все еще оставались бирки авиакомпании, и широко улыбнулся. — Надеюсь, все сложится хорошо.

— Благодарю вас, сеньор Манторес, я тоже надеюсь. Очень надеюсь. — Однако в душе Кэтрин твердой уверенности не было.

Рутерфорд и Кэтрин стояли на верху лестницы за порогом огромных дверей и внимательно смотрели вниз на медленно движущийся вокруг площади поток машин. Непрерывно рявкали клаксоны. Грохот и вонь выхлопных газов были просто невыносимы.

Рутерфорд опустил рюкзак к ногам. Видя перед собой хаос плаза Майор, он внезапно почувствовал себя крайне уязвимым — его инстинкты буквально кричали ему: спрячься, вернись в здание, скройся.

Кэтрин качала головой, мысли ее метались: «Скорее всего, Флореса убили. Слишком много совпадений: ни с того ни с сего погибнуть под колесами машины спустя сутки после телефонного звонка. Но откуда узнали, что мы звонили ему? Телефон прослушивался? Тогда кем и с какой целью? Кто бы это ни был, служба у них поставлена на высшем уровне — и в международном масштабе. Эти люди с дьявольским упорством пытаются остановить тот процесс, в который были вовлечены профессор и Флорес. Да, по телефону Флорес успел сказать ей, что они еще не готовы. Не готовы к чему?»

Через мгновение здравая логика рассудка привела ее к закономерному выводу. Кэтрин похолодела от ужаса.

«Но если Флореса убили за один только разговор с нами, то наверняка они...»

Кэтрин в панике огляделась по сторонам. Она готова была разрыдаться, ей хотелось спрятаться... И тут она вновь подумала о профессоре, добром, отзывчивом человеке, хладнокровно убитом — за что? Причины пока оставались для нее загадкой. Гнев вступил в борьбу со страхом в тот момент, когда стала просыпаться решимость.

«Нет, мы не дадим так просто сбить себя с пути. Нас не запугаете и не сделаете покорными».

Затем она стала размышлять, каким должен быть ее следующий шаг.

— Джеймс, как думаете, есть смысл разговаривать с полицией? Или британским консульством?

— Нет, — твердо заявил Рутерфорд, подняв на нее взгляд. — Что мы им скажем?

Кэтрин села на свою поклажу. Она просто не знала, что делать. Ей вдруг почудилось, что их двоих разделяет пропасть. Она едва знала Джеймса Рутерфорда, а Джеймс Рутерфорд едва знал профессора.

«Бедняга Джеймс. Небось, гадает сейчас, каким ветром его занесло сюда. Но должен, должен быть выход, по крайней мере какая-то зацепка, указывающая, как нам выкарабкиваться».

Рутерфорд принялся мерить шагами каменные плиты на верхней площадке лестницы.

— Кэтрин, я начинаю склоняться к мысли, что нам следует возвращаться в аэропорт. Вы поймите, мы же сделали попытку... Этим должен заняться кто-то другой. ФБР. Ми-шестнадцать. Не знаю. Те, кто разбирается в этом. — Он замолчал и повернулся к Кэтрин лицом: она была мыслями где-то далеко.

Внезапно она вскочила на ноги.

— Джеймс, постойте пару минут, посторожите мой багаж, ладно? Там профессорские карты.

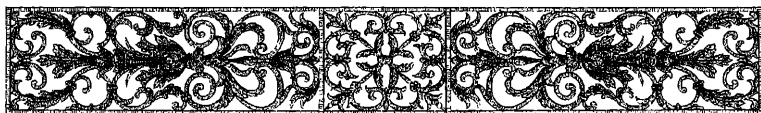

Рутерфорд оторопел:

— Что? Вы куда? Послушайте, зачем вы идете туда, по стойте...

Но было поздно. Огромные железные двери поглотили Кэтрин.

Оставшись в одиночестве, Рутерфорд чувствовал, будто его шею все сильнее сдавливает петля.

Сеньор Манторес быстро возвращался по коридору в свой просторный кабинет на третьем этаже. С лица его несколько мгновений назад как ветром сдуло маслянистый шарм. Он сунул руку в карман пиджака, достал платок, покрутил шеей, промокнул брови. Убрал обратно платок, влажный от пота. С выражением ужаса на лице он медленно подошел к своей двери, выждал секунду, глубоко вздохнул и, повернув ручку, шагнул в кабинет.

Удобно устроившись в кожаном кресле с высокой спинкой, за столом сеньора Мантореса сидел человек, отнявший жизнь у профессора Кента. Убийца был в черном костюме с белой рубашкой. Короткие, но мускулистые руки были сложены на груди. У окна стоял тоже одетый во все черное второй зловеший уроженец Запада и сквозь жалюзи всматривался в раскинувшуюся внизу площадь. Это он был сообщником коротышки той темной ночью на развалинах Мачу-Пикчу. Что-то в облике обоих подсказывало: в прошлом они были военными — коротко стриженные волосы, обветренные лица. Сердито зыркнув на перепуганного сеньора Мантореса, коротышка выпалил:

— Ну, порядок? Могу я доложить секретарю Миллеру, что все закончено?

Заместитель министра превратился в дрожащее ничтожество. Уверенность, которую он излучал при встрече

с Кэтрин и Рутерфордом, испарилась. Голос его дрожал, когда он раскрыл рот:

— Да, сеньор. Я говорил с ними. Я им не сообщил абсолютно ничего лишнего — только то, что Флорес погиб в результате дорожного происшествия. Оба были в шоке. Я думаю, они не задержатся в Перу.

— Ты думаешь, что они не задержатся, или знаешь?

Паническое выражение промелькнуло на лице Мантореса. Голос его вдруг стал тонким, в нем появились молящие нотки:

— Сеньор, след остыл. Они ничего не найдут. И вернутся домой, я уверен.

Внезапно сообщник, который до этого момента был поглощен видом из окна, резко развернулся и обратился к сидящему за столом:

— Девчонка возвращается. Одна. — Затем, отвернувшись к окну, снова раздвинул жалюзи кончиками пальцев.

Его коллега прорычал:

— Манторес, какого черта она опять претя сюда? Манторес, казалось, вот-вот лишится чувств.

— Сеньор, я не знаю. Пожалуйста... я поговорю с ней — позвольте, я спущусь...

Сидевший грозно посмотрел на Мантореса:

— Нет. Рисковать не будем.

С этими словами он оттолкнул кресло от стола и поднялся.

— У нас конкретное задание: удостовериться, что все под контролем и нет утечки информации. Пойдешь с нами.

Две минуты спустя Кэтрин выскользнула из дверей, размахивая листком бумаги с какой-то надписью. Она улыбалась.

— Что это у вас? — спросил Рутерфорд.

— Адрес семьи Флореса. Я сказала секретарю, что хочу послать им цветы.

Рутерфорд не поверил своим ушам. Выходит, Кэтрин решила продолжить путешествие. Ее самообладание произвело на него впечатление.

— Что, вот так просто — дала адрес?

— Ну да, — Кэтрин усмехнулась. — Я сказала, что лично отвезу их. Поехали.

Она наклонилась к своему рюкзаку и вскинула на плечо. Рутерфорд смотрел, как она сбегает по ступеням, чтобы поймать такси. В самом низу Кэтрин обернулась. Она понимала его колебания. «Джеймс, ну пожалуйста, ты нужен мне...»

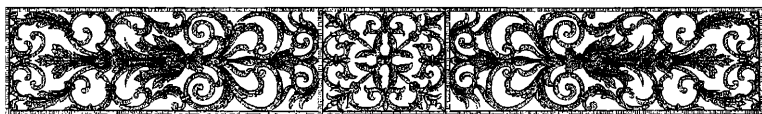
Она вздохнула и крикнула:

— Джеймс, послушайте, давайте съездим к родственникам Флореса, а оттуда — в аэропорт. Ну не могу я вернуться домой, не проверив эту ниточку, потом никогда себе не прощу...

Рутерфорду достаточно было одного взгляда на ее умоляющее лицо, чтобы позабыть о здравом смысле:

— Ладно, тогда так: едем к Флоресу домой и сразу в аэропорт. И без проволочек.

Кляня себя за то, что не смог отказать ей, Рутерфорд подхватил рюкзак на плечо и стал спускаться к Кэтрин.

Близился полдень среды, и улицы Лимы были забиты транспортом. Сегодня, как и десять месяцев в году, солнце скрывал печально знаменитый прибрежный туман, наползающий с Тихого океана и обволакивающий город белесой дымкой. Местные называют его «*gagoira*», что в переводе означает «ослиное брюхо». Туман не нес прохлады, а только усиливал ощущение тягостного гнета, которое создавалось зноем и вонью выхлопных газов.

Маршрут Рутерфорда и Кэтрин пролегал через центр старого колониального города, который являл собой картину упадка былого величия. Они проезжали мимо красивых деревянных вилл и больших каменных дворцов, по большей части обращенных в государственные учреждения — правительственные здания и музеи.

Старая Лима — маленькая, и через несколько минут такси уже ехало по грязным многолюдным улицам современного города с его уныло-невзрачными бетонными зданиями и разбитыми мостовыми. Повсюду были следы нищеты, и когда машина замедляла ход в пробках, ее со всех сторон облепляли разносчики-торговцы всякой всячины — от пластмассовых «плечиков» для одежды до зажигалок.

Через двадцать минут после остановки у цветочного магазина, где Кэтрин удалось купить лилии, таксист медленно завернул за угол и направил машину вдоль узко-

го пустынного переулка в самом центре одного из жилых районов. Водитель то и дело крутил головой, ища нужный адрес.

— Ага! Здесь, — наконец объявил он. — Вон та дверь, зеленая.

Кэтрин и Рутерфорд настороженно уставились на двухэтажный бетонный дом, зажатый меж двух зданий с такими же мрачными фасадами. Кэтрин отдала заранее оговоренную сумму таксисту и выбралась из машины. Пустынная улица пугала ее. Она оглянулась и повернулась к водителю-индейцу.

— А вы можете подождать нас?

— Конечно, сеньорита. Столько, сколько захотите.

Таксист заглушил двигатель, включил радио и с блаженной улыбкой откинулся на спинку сиденья, натянув на глаза козырек бейсболки. Кэтрин и Рутерфорд подошли к двери.

Кэтрин позвонила, а Рутерфорд сделал шаг назад и оглядел улицу. Тишина успокоила его. Секунд через тридцать раздался звук поворачиваемого в замке ключа. Дверь чуть приоткрыли. В проеме показалось лицо женщины. Глаза ее были красны — наверное, от слез, подумалось Кэтрин.

У женщины были ярко выраженные, но привлекательные черты инки: тяжелая надбровная дуга, прямой ровный нос в сочетании с высокими скулами, очень смуглая кожа. Кэтрин подумала, что ей лет тридцать пять.

— *Holá señora — habla inglés?*

Женщина не реагировала. Кэтрин продолжила:

— *Nosotros somos los amigos de Miguel Flores.*

При упоминании имени Флореса на лице женщины мелькнула тень узнавания. Оно тотчас стало чуть более открытым и в то же время ранимым.

— *Ustedes conocían a Miguel?* — Вы знали Мигеля?

Кэтрин было страшно неловко за свое вторжение в горе женщины.

— Si, señora. Мы искренне соболезнуем вашей потере.

Рутерфорд молча наблюдал за неспешным развитием деликатной сцены.

Наконец, после почти минутной паузы, прогремела дверная цепочка, и женщина, обеспокоенно оглядев улицу, впустила их в дом. Захлопнув и заперев за ними дверь, она позвала кого-то из глубины дома на кечуа — языке инков, все еще употребляемом в нескольких диалектических формах индейцами Андской провинции Перу.

Из двери дальше по коридору появился невысокий симпатичный индеец, также чуть за тридцать. Он вытирал руки тряпкой. На лице его застыло беспокойство, голос был тревожен и напряжен. Он бегло заговорил по-английски.

— Сестра говорит, вы знали нашего брата. Кто вы и чего хотите?

Кэтрин замялась, подбирая слова.

— Э-э... Приносим вам извинения, что вторгаемся в такой час. Но мы решились на это лишь потому, что нам очень важно поговорить с вами.

Индеец как будто совсем не обрадовался ее словам, но, оглядев Кэтрин с ног до головы и внимательно присмотревшись к Рутерфорду, наконец проговорил:

— Хорошо. Только недолго.

Оба последовали за ним в просторную комнату, в которой были два дивана, большая коллекция книг по истории инков, культуре и искусству; на стенах висели фотографии захватывающих видов Перу, сделанных в разных точках страны: в джунглях, на побережье и, самые впечатляющие, — в Андах.

Кэтрин протянула лилии загадочному молодому человеку.

— Это вам. Буду с вами честной: мы, по сути, не были знакомы с вашим братом. Мы говорили с ним лишь однажды. Меня зовут Кэтрин Донован, это — Джеймс Рутерфорд. Мы из Университета Оксфорда. Мы прилетели в Перу утром. И надеялись сегодня встретиться с ним. Нам даже не было назначено.

Темные глаза перуанца перескакивали с одного ученого на другого. Его подозрительность была почти осязаема.

— За цветы спасибо. Садитесь, пожалуйста.

Он передал цветы сестре и подвинул кресло. Он ничем себя не выдавал, но ему явно было очень не по себе.

— Если вы не были знакомы с моим братом, зачем тогда было ехать к нему?

Кэтрин нервно сглотнула.

«Необходимо хоть что-то вытянуть из этого человека. Как бы кощунственно это ни звучало, каким бы отвратительным ни выглядело наше вторжение в их горе — нам крайне необходимо хоть что-то выведать...»

— Наш друг из Англии, профессор Кент, работал с вашим братом перед самой своей смертью. — Кэтрин сделала паузу взглянуть, как перуанец реагирует, но тот лишь задумчиво смотрел на нее черными глазами. Она продолжила: — Я понимаю, это может показаться вам странным, но имя вашего брата мы нашли в зашифрованной записке в документах нашего друга после его смерти. Я позвонила вашему брату, но по телефону он разговор вести не захотел и сказал, чтобы мы летели сюда.

Индеец вдруг поднялся на ноги, и Кэтрин умолкла. Он медленно подошел к камину и повернулся лицом к ним.

— Сеньорита... Последний раз, когда я видел профессора Кента, он сидел на том самом месте, где вы сейчас. Вот только повод для встречи был иной. Я не в силах помочь вам. Думаю, этот разговор нам следует прекратить. Я больше ничего не хочу о вас знать. Мы бы очень хотели, чтобы вы покинули наш дом.

Но Кэтрин не дрогнула:

— Так вы знали профессора Кента?

— Нет, я встречался с ним всего лишь дважды, оба раза здесь, в доме Мигеля. Его привозил брат, чтобы обсудить свои дела здесь. А сейчас я вынужден просить вас...

Рутерфорд вмешался:

— Сеньор Флорес, я искренне сочувствую вам по поводу кончины брата. Но здесь происходит нечто ужасное. Вы не можете просто так отмахнуться от этого. Нам нужна ваша помощь: мы считаем, что профессора Кента убили, и поэтому хотим знать, чем занимались он и ваш брат. Мы не должны позволить оставить без внимания смерть обоих.

По лицу индейца было заметно, как он борется с собой: почти наяву Рутерфорд ощущал, как ему хочется говорить, но страх не позволяет раскрыться. Джеймс продолжал настаивать:

— Не покажется ли вам оскорбительным, если мы зададим пару вопросов о работе брата и профессора? Брат когда-нибудь говорил с вами о ней?

Индеец взглянул на него и печально улыбнулся.

— Меньше всего вы рискуете оскорбить меня. Работа Мигеля была для меня не менее важна, чем для него самого. Не в этом дело... — Голос перуанца затих: он размышлял, как поступить. Затем, решив, что не в состоянии прятать голову в песок, он повернулся, обвел взглядом обоих и покачал головой.

— Простите,— он помахал в воздухе рукой.— Мигель вчера сказал мне, что, если с ним вдруг что случится, я не должен ни с кем это обсуждать. Мы крайне напуганы — день был очень трудным... Очень...

Кэтрин почувствовала острую жалость к нему.

— Сеньор Флорес, еще раз простите нас за вторжение. Мы лишь хотим понять, что происходит. Профессор был мне как отец, и моя потеря, наверное, так же велика.

— Все так непросто...— индеец вздохнул.— Свою работу они держали в тайне. Не знаю даже, с чего начать.— Какое-то мгновение он выглядел растерянным, затем решил начать с самого начала.— Несмотря на нашу фамилию, семья моя — чистокровные кечуа из Куско, древней индейской столицы, что высоко в Андах. Наш дедушка взял себе испанское имя. В отличие от простых деревенских индейцев нам обоим посчастливилось закончить среднюю школу, а Мигель даже учился в Университете Куско. Мигель стал археологом и историком и до недавнего времени работал в бюджетной организации в департаменте Куско. По сути, вся наша жизнь в работе, мы живем для нашего народа, кечуа, — потомков инков.

Кэтрин с облегчением вздохнула. «Он заговорил...» Глубоким, искренним голосом Флорес продолжал. Он говорил медленно и обдуманно, тщательно взвешивая каждое слово. Его глаза постоянно перескакивали с Кэтрин на Рутерфорда.

— Мы знаем историю нашего народа. Мы знаем предания прошлого, потому что еще мальчишками бродили среди древних руин Куско, Оллантайтамбо и города Виракочас Тиуанако, около озера Титикака. Мы знаем историю нашей родины такой, какой испанские или американские ученые, сидя в своих офисах в окружении умных книг, не узнают никогда. Но книги у нас тоже име-

ются — как видите. Мы отнюдь не невежды в современной науке. Просто мы с ней не согласны.

Лицо индейца излучало целеустремленность. С вновь обретенной решимостью он продолжил:

— Для поколений, выросших после завоевания, испанцы, а особенно католическая церковь, сделали все возможное, чтобы стереть любые следы нашей цивилизации. Монументы и религиозные центры были варварски разграблены и разрушены, религиозные книги сожжены, священники уничтожены, а все прочие насильно обращены в другую веру. Через пару поколений не осталось буквально ничего, и даже сейчас нашим детям вдалбливают в головы общепризнанную версию нашей истории — версию католической церкви. Профессор Кент признавал эту несправедливость. Нам не надо было рассказывать ему о том, что до инков существовала другая цивилизация, более могущественная. Не знаю откуда, но ему это было известно, и он хотел отыскать подтверждение. У нас это подтверждение есть. Профессор Кент был очень хорошо осведомлен: он сказал нам, что истина, которую мы должны ему открыть, поможет открыть еще более глубокую истину, которая, в свою очередь, может спасти человечество.

Слушая откровения Флореса, Кэтрин для себя уже сделала вывод о том, каким будет их следующий шаг.

— Сеньор Флорес, скажите, а мы — можем мы тоже узнать ту самую «истинную историю»? Мы хотели бы продолжить работу профессора.

— Сеньорита, зовите меня, пожалуйста, Эрнан. Простите, что поначалу был с вами не приветлив, но здесь не безопасно. Если мы хотим продолжить говорить или даже думать об этом, нам необходимо немедленно покинуть Лиму и отправиться в Куско.

В этот момент на пороге появилась сестра Эрнана. Казалось, она вот-вот разрыдается. Она начала что-то очень эмоционально говорить брату и осуждающе показала на двух англичан. Эрнан выглядел взволнованным и в то же время расстроенным горем сестры. Подбирая мягкие слова и говоря очень тихо, он взял ее за руки, успокоил и вывел из комнаты.

Рутерфорд едва обратил на этот эпизод внимание. Он был весь поглощен иными мыслями.

«Вот уже и два человека погибли. Что, интересно, на взгляд Флореса произошло?»

Вернулся Эрнан, качая головой. Не дав ему раскрыть рта, Рутерфорд как можно более деликатно сказал:

— Сеньор Флорес, очень хотел бы спросить вас об одной вещи. Есть ли у вас какие мысли о том, кто может стоять за гибелью профессора Кента и вашего брата?

Эрнан грустно покачал головой и взглянул на свои часы.

— Боюсь, что нет. Но, в принципе, не важно, кто именно. Важно то, что они существуют. Они могущественны и готовы на все. Не волнуйтесь — у вас не паранойя. Отныне мы все в опасности, поверьте мне.

Лицо Флореса вновь приняло отсутствующее выражение. Кэтрин внимательно пригляделась к высоким скулам и темным глазам. Каким-то образом, несмотря на ужасную трагедию — смерть брата, — этому человеку удавалось сохранять достоинство.

— Эрнан, мы очень благодарны вам за помощь. Вы не будете против, если мы с Джеймсом немного посоветуемся?

— Нет, что вы — пожалуйста. Мне сейчас надо ехать в больницу, но если решите отправиться в Куско — рейс в пять тридцать. Захотите что-то еще спросить — не стесняйтесь...

Эрнан вышел из комнаты. Кэтрин вновь обуял энтузиазм: к ней вернулось ощущение, будто след вовсе не остыл. Она повернулась к Рутерфорду с улыбкой на лице. И тут же ее сердце упало. По мрачному лицу Джеймса ей сразу стало ясно, что он пришел к абсолютно другому заключению.

Кэтрин умоляюще смотрела на Рутерфорда. Только бы он не отступился!

— Джеймс, я уверена, нам надо лететь с Эрнаном...

Сдавленным, напряженным голосом Рутерфорд прервал ее:

— Давайте взглянем на факты, Кэтрин. Эти маньяки, кто бы они ни были, уже убили Мигеля Флореса и профессора Кента. Не раздумывая они так же убьют и нас, мы для них ничто. Даже здесь, на краю света, они вершат что им вздумается, и вы это знаете. А ведь мы даже понятия не имеем, что ищем!

Рутерфорд вскочил на ноги принялся расхаживать перед камином.

Кэтрин поначалу не знала, что ему возразить. Осторожно подбирая слова, она заговорила:

— Неправда. Мы отлично знаем, что ищем: древний секрет, скрытый в легендах народов мира. Уверена, если мы пойдем по следам профессора Кента, мы узнаем больше.

Кэтрин очень волновалась. Это был их первый спор с момента знакомства. Она вновь осознала, как нуждается в его поддержке. Она отчаянно хотела продолжить поиск и сердилась, что Рутерфорд сопротивляется: стоя у камина со сложенными на груди руками, он казался недоверчивым и демонстративно непокорным.

— Кэтрин, сказать, что это становится опасным, — значит не сказать ничего. Профессору отлично было из-

вестно, насколько могущественны и беспощадны эти страшные люди, кто бы они ни были, иначе зачем было оставлять записку? Неужели мы настолько безумны, что пойдем по его пути?

Кэтрин стало невыносимо слушать его.

— Джеймс, я вас понимаю. Но повернуть назад я уже не смогу. Я намерена идти, пока не выясню для себя все, вне зависимости от опасностей.

Глаза Рутерфорда сверкнули.

— А вас что, не волнует, что с нами могут сделать то же самое?

— Я готова идти на такой риск.

Лоб Рутерфорда прорезала глубокая морщина, он медленно выдохнул. Затем отвернулся от Кэтрин и взглянул в окно, выходящее на задний двор дома.

Внезапно он почувствовал: сама мысль о том, что он больше ее не увидит, невыносима. Эта женщина вошла в его жизнь менее чем сорок восемь часов назад — и перевернула ее. И будь он проклят, если ее отпустит. Джеймс решительно повернулся к Кэтрин:

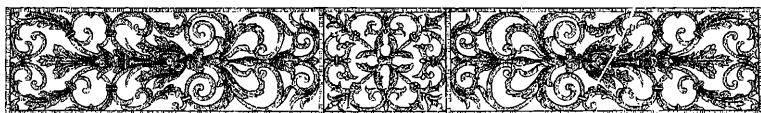
— Ну а я — не готов.

Кэтрин не хотела больше слушать. Сердце ее упало. Хриплым от волнения голосом она проговорила:

— Ясно... Что ж, я всегда буду вам благодарна, что до этой минуты были рядом. — Прагматичной фразой она прикрыла свою боль. В этот момент она поняла: хотя они едва знают друг друга, ей очень не хочется его терять. И вовсе не потому, что она боится остаться один на один с опасностью.

А на лице Рутерфорда уже расцвела примирительная улыбка.

— Только позвольте договорить, доктор Донован. Я не готов. Не готов отпустить вас рисковать одну. И выходит так, что рисковать нам придется вместе.

Оставшееся до отъезда время Кэтрин и Рутерфорд отсиживались в доме, пользуясь возможностью покопаться в семейной библиотеке Флоресов. В четыре часа они сели в ожидавшее их такси и отправились в аэропорт к рейсу в Куско.

Когда машина отъехала от дома Флореса и выбралась на пыльную дорогу, из тени узкой боковой улочки выползла другая машина — серебристый «мерседес». За рулем был плотный индеец в темных очках. Рядом с ним на пассажирском сиденье сидел зловеющий «западник» в черном. За его спиной на заднем сиденье разместились его мощный напарник вместе с сеньором Манторесом, замминистра. Струйки пота текли по лбу Мантореса. В полном молчании все наблюдали, как удаляется такси.

«Западник» на переднем сиденье развернулся всем телом так, чтобы видеть Мантореса, и грозно пророкотал:

— Ну и куда они поперлись? Убрать их — и все дела.

Затем, повернувшись взглянуть на быстро удаляющийся автомобиль, пробурчал будто самому себе:

— Так и знал, что придется возиться со всей семейкой Флоресов.

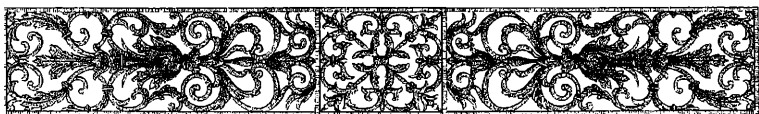
Глаза Мантореса от страха были широко раскрыты — он силился сказать что-то, но не мог. Убийца вынул из внутреннего кармана пиджака телефон и набрал

номер в Северной Америке. Три гудка — и на том конце ответили.

— Сэр, мы убрали Флореса, как вы велели, но, к сожалению, академики вышли на его брата...

Последовала пауза, пока он внимательно слушал абонента.

— Есть, сэр. Понял. На этот раз мы сами убедимся. Да-да, сэр, все закончим в Перу.

Перелет в Куско — захватывающее приключение. Когда самолет, поднявшись из Лимы, начинает удаляться от побережья, сразу же по обеим сторонам от вас начинают вырастать предгорья Анд. Лайнер взбирается все выше и выше, и горы вокруг тоже растут и растут, пока самолет не прорывается сквозь пелену облаков в своем стремлении в прозрачную высь. И остаются повсюду в отдалении горные пики, проткнувшие облака и пятнающие горизонт, — будто острова в море белой пены.

Кэтрин была настолько погружена в раздумья, что всех этих красот не замечала. Со всей ясностью она осознавала грозящую им опасность и последствия двух смертей, вновь в душе расцвел панический страх. В безопасности он здесь — над облаками?

Она пригляделась к ближайшим пассажирам. Как и сидящий впереди Эрнан, все были индейцами. Мог ли враг затаиться среди них?

Она была так рада тому, что Джеймс остался с ней. Его спокойный и деловитый подход к руководству их невероятным приключением заставил ее понять, что человек он очень непростой. Нормальный человек, узнав о смерти Флореса, прямиком отправился бы брать обрат-

ный билет. Да прежде всего нормальный человек и не полетел бы сюда. Несмотря на все его сомнения, он, похоже, создан для испытаний, которые им предстоят. И хотя Кэтрин отказывалась признать в этом себе, с каждым часом Джеймс казался ей все более привлекательным.

Древние вымощенные булыжником улицы Куско напомнили Рутерфорду и Кэтрин Оксфорд. Здешний воздух после Лимы казался кристально чистым, и на мгновение молодым ученым даже почудилось, будто мрачное предчувствие их оставило.

Пока Эрнан вез их на арендованной машине в старый город, он, ни на минуту не прерываясь, рассказывал о древних цивилизациях в Андах. Держа руль одной рукой, он вел джип по узким улочкам, подкрепляя свой рассказ яростной жестикуляцией рукой свободной, — при этом машина то и дело рыскала.

— Инки не были первыми — вот что изначально вы должны понять. Хотя их изумительные произведения искусства можно найти в музеях всего мира, на самом деле они являлись единственными хранителями куда более древней культуры. И сами инки признавались в этом. Очень немногие просвещенные испанские путешественники, бывшие свидетелями полного уничтожения цивилизации инков, пытались записать их традиции еще в тот период, когда эта культура исчезала во тьме веков.

Джип опасно вильнул к середине улицы, едва не зацепив шедший навстречу микроавтобус, ярко раскрашенный и битком набитый пассажирами.

Рутерфорд вцепился в спинку сиденья Эрнана: «Мало нам других опасностей!»

Кэтрин зажмурилась на долю секунды, когда микроавтобус пронесся мимо, разойдясь с ними в каких-то

миллиметрах. Она посмотрела на Рутерфорда и подняла брови. Эрнан заметил их реакцию в зеркале заднего вида:

— О, простите, мне следует быть повнимательнее, вы ведь еще не привыкли к манере вождения в Андах.

Он сбросил скорость и продолжил рассказ о своем народе:

— Не думаю, что испанцы воспринимали всерьез легенды и предания, записанные со слов старых жрецов. Возможно, они считали их слишком уж причудливыми. Что ж, на самом деле они именно таковы. Одно из основных преданий, сохранившихся у народов Анд, — кстати, именно им заинтересовался профессор Кент, — повествует о том, что тысячи и тысячи лет тому назад, до государства инков, существовала некая великая цивилизация. Уверяю вас, вы своими глазами увидите доказательство этому.

Слушая Эрнана, Кэтрин и Рутерфорд постепенно переносились в другой мир — мир правителей инков, испанских конкистадоров и страшной трагедии: гибели древней цивилизации. Из машины они смотрели на красочно одетых крестьян, попадавших им по дороге, потомков некогда великого народа, и изумлялись чистоте воздуха и таинственной неземной красоте застывших в отдалении Анд.

Наконец, после того как они миновали пригороды Куско и оказались в районе уютных мощеных улиц старого города, Эрнан остановил джип у въезда на одну особенно узкую улочку. Выскочив из машины, он открыл дверь Кэтрин.

— Ну вот, вы приехали. Я сгоняю к своему кузену — отвезу ваши вещи, вы же пока немного погуляйте, осмотр-

ритесь. Ему я скажу, что вы мои друзья. Что бы ни случилось, не упоминайте ни профессора, ни даже Мигеля. Не хочу подвергать опасности кого-то еще. Мы пойдем в дом с наступлением темноты, вы там переночуете, но утром на рассвете нам придется уходить: вас здесь видеть не должны.

Кэтрин выбралась из машины.

— А может, нам поехать с вами, вы нас познакомите?

В лице Эрнана вновь появилось беспокойство.

— Не стоит. Ваши контакты лучше свести к минимуму. Можете походить, погулять здесь. Только, пожалуйста, постарайтесь не привлекать к себе внимания. Если пойдете, не сворачивая, вверх по этой улице, — он указал им на проход в другой узенький проулок, — попадете на главную площадь, плаза де-Лос-Альмабос. Там я вас и найду, у входа в собор, через полчаса.

Рутерфорд развел в стороны руки:

— Уф, будто сутки на колесах. Так хорошо ноги размять...

Эрнан улыбнулся ему:

— Ну вот, прогулка по городу очень кстати. Если вдруг заблудитесь — спросите, где Кафедральный собор, вам любой покажет.

С этими словами он забрался в джип и завел двигатель. Машина с ревом стартовала и скрылась за углом. Как только Эрнан уехал, Рутерфорд и Кэтрин обратили внимание, как тихо и спокойно на мощенных булыжником улочках Куско. Первым невольным желанием обоих было как можно полнее надышаться чистым воздухом древней столицы. Синело девственно чистое небо, и впервые с того момента, когда Кэтрин узнала о смерти Флореса, она почувствовала, как в душе затеплился добрый огонек и стал отступать страх. Она повернулась

к Рутерфорду, рассматривающему каменную кладку мощной древней стены, что тянулась по левой стороне улицы.

— Как думаете, здесь, в Андах, — мы в безопасности?

— Пожалуй. Но соглашусь с Эрнаном: торчать тут не стоит. Пойдемте полюбуемся на эту невероятную стену.

Стена, о которой он говорил, была сложена не из кирпичей, а из гигантских многогранных гранитных блоков, грани некоторых были до десяти квадратных футов. Кэтрин в изумлении смотрела на нее.

— Да как же такое сотворили? И кто — инки? — она подошла к стене и провела рукой по особенно крупному блоку. — Смотрите, у этого великана десять сторон, а сам он размером с обеденный стол. Просто невероятно: он идеально пригнан к граням всех своих соседей!

— Может, и инки, не знаю, — сказал Рутерфорд, стоя чуть позади и тоже любуясь стеной. — Но явно не испанцы и вообще не европейцы. Трудно даже представить, как такие глыбы передвигали, ведь в некоторых по несколько тонн веса. Пойдемте поищем собор.

Ведя рукой по стене, Кэтрин пошла за Рутерфордом по улочке, полого спускающейся к главной площади.

«Подумать только, еще вчера я стояла в аудитории на своей последней лекции в семестре, еще вчера планировала, как проведу каникулы; еще только вечер среды, а оксфордские ощущения будто канули в прошлый век. Я провалилась в дыру в моей такой комфортабельной прошлой жизни и очутилась в ином мире... В мире, который, похоже, соткан из одних опасностей».

Кэтрин перевела взгляд на Рутерфорда — тот шел впереди, с любопытством разглядывая каменную кладку зданий Куско. Присутствие Джеймса успокаивало ее.

Как и обещал Эрнан, маленькая мощеная улочка вывела их к главной площади, которая после плаза Майор

в Лиме вызвала скорее ассоциацию с городом-призраком. Со всех сторон окруженная каменными зданиями, площадь была размером с добрый английский земельный надел, и шесть мощеных улочек избрали ее своей точкой пересечения. Кэтрин догнала Рутерфорда, и они неторопливо направились вокруг площади, наслаждаясь ощущением простора, уравновешенности и испытывая облегчение оттого, что показавшаяся им такой непривлекательной Лима сейчас где-то очень далеко. К моменту, когда они дошли до противоположной стороны площади, они увидели Эрнана, спешащего им навстречу по боковой улочке.

— Эй! — крикнул им Эрнан. — Красиво здесь, правда?

Кэтрин улыбнулась ему.

Рутерфорд усмехнулся и прокричал в ответ:

— Такую красоту можно испортить, только специально построив нечто совсем уж нелепое.

Эрнан, смеясь, подошел к ним.

— Да-да, полагаю, вы правы.

Они вдвоем смотрели на площадь и крыши домов, спускающихся за ней по склону старого города.

С веселыми искорками в глазах Эрнан повернулся к ученым и, улыбнувшись, спросил:

— Здесь, в Куско, инки построили храм Виракоче — называется он Кориқанча. Видите его?

Рутерфорд и Кэтрин огляделись по сторонам — и ни в одном здании не разглядели величия, которое, по их мнению, подобало бы древнему храму.

Эрнан показал на церковь.

— Вот он. Испанцы построили собор в тысяча пятьсот тридцать третьем году на месте храма с целью уничтожения нашей религии. По преданию, один из послед-

них правителей-инков был замурован заживо во время строительства, но придет день, когда мы освободим его. Вы знаете, кто такой Виракоча?

Кэтрин вспомнился пожилой мужчина в самолете.

— Я слышала, так называли людей, которым приписывают авторство линий Наски, — сказала она.

Эрнан слегка удивленно покосился на нее:

— Правильно, так называли целый народ. Но Виракоча — также имя человека, можно сказать, лидера. «Виракоча» в переводе означает «морская пена». Людей, которые пришли с ним, прозвали виракочас — в его честь. Очень рад, что путеводителям не удалось промыть вам мозги. Куско был его столицей, и здесь поклонялись ему и почитали превыше всех божеств.

Кэтрин высказала то, что, по ее мнению, было обоснованной догадкой:

— Он был царем древних инков?

Эрнан уверенно покачал головой.

— Нет, и это крайне важно. Он пришел задолго до появления инков. Мы не знаем когда — записей об этом не сохранилось. Доказательств нет, вот почему западные ученые не воспринимают всерьез предания о Виракоче, трактуя их как мифы. Но игнорирование Виракочи — ошибка. Он оставил следы своего пребывания по всем Андам. Он побывал во всех уголках страны, и всюду люди хранят сказания о нем и его великих деяниях. Это под его руководством аборигены научились такой каменной кладке и высокой технике гражданского строительства. Там, в высокогорье Анд, вы увидите развалины зданий — и будете поражены.

Рутерфорд озадаченно спросил:

— Но разве не инки строили...

Эрнан перебил его. Лицо его было строгим — словно говорил он о чем-то жизненно важном.

— Нет. Кое-что построили инки, но умение свое они унаследовали от Виракочи и его последователей.

— Но откуда он пришел? И когда?

Прежде чем ответить, индеец обвел неторопливым взглядом площадь:

— Это остается загадкой. О его появлении сохранилось много рассказов, передававшихся из уст в уста. Сохранились даже упоминания об этих устных свидетельствах в испанских документах шестнадцатого века, и во всех сообщается о том, что Виракоча вышел из моря со своими спутниками очень давно и что шел он по горам, держа путь на север, творя чудеса и уча людей земледелию и строительству храмов; с его помощью был построен великий каменный город Тиуанака, — а затем он пошел дальше. Он также был целителем, как Иисус у христиан, и куда бы ни приходил, всюду возвращал зрение слепым, ставил на ноги увечных и изгонял злых духов. В дошедших до нас свидетельствах нет ничего о том, как он выглядел. Один испанский конкистадор от кого-то слышал, что Виракоча был «с бородой, высокий и голубоглазый». Другие говорили, что у него была длинная белая борода, бледная кожа и белое облачение и людям он нес мир и любовь.

Кэтрин слушала, будто зачарованная словами древнего предания. Она даже нарисовала себе мысленно облик великого Виракочи.

— Какой необыкновенный персонаж, — пробормотала она едва слышно.

Эрнан пристально посмотрел на нее:

— Да, он был великим человеком и принес цивилизацию моему народу. Инки рассказывали, что до его прихода люди жили как дикари. У них не было домашних животных, они не ведали о зерновых культурах — коро-

че говоря, были собирателями-охотниками. Он пришел и обучил людей навыкам сельского хозяйства и строительства из камня, навыкам медицины, музыки и астрономии. Процветание, которые он принес аборигенам, он насаждал мирным путем. И в отличие от испанцев добивался своего, никогда не прибегал к насилию.

— Но зачем пришли виракочас? — спросил Рутерфорд. — Получается, они вели себя как колонисты, разве что не осели здесь.

— Хороший вопрос. Кстати, это хотел узнать и профессор. Во всех преданиях говорится о том, что приход виракочас был связан с Великим потопом.

Услышав о потопе, в разговор вновь вступила Кэтрин:

— Вы хотите сказать, что и здесь, в Андах, существуют легенды о потопе?

Эрнан перевел на нее взгляд:

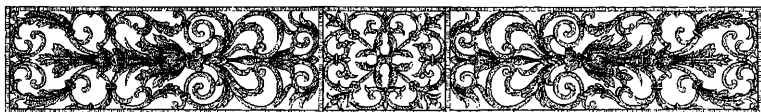
— Да. Я скоро покажу вам доказательство реальности потопы. Об этом индейцы сложили множество легенд, очень похожих на ту, о которой повествуется в вашей Библии. Когда вода стала отступать, Виракоча появился близ озера Титикака — это озеро считается у инков священным. В Тиуанако он построил крепость, ее развалины сохранились до нашего времени. Основав там свою «базу», он спустился в Куско, и под его бдительным оком остатки человечества — те, кто выжил после потопа, — были спасены от варварства и начали плодиться.

— Значит, озеро Титикака — ключевой момент в истории Виракочи? — спросил Рутерфорд.

— Верно. Нам с вами многое надо обсудить, но сейчас давайте сходим пообедаем. Я отведу вас в дом к моему кузену. Но еще раз напомню: пожалуйста, ни с кем из моих родственников не заговаривайте об этих всех

вещах, поскольку я сказал им, что вы мои друзья, приехали на каникулы.

Эрнан радовался про себя, чувствуя, что своими рассказами помогает гостям прикоснуться к истинной истории Перу.

В доме кузена Эрнана полным ходом шла подготовка к обеду. Старый дом был типичным для Куско — из камня, с большим камином у дальней стены общей комнаты и с примыкающей к ней кухней. Наверху располагались еще комнаты.

Арун, двоюродный брат Эрнана, чуть-чуть говорил по-испански, но английского не знал совсем. Внешне — типичный индеец, около 5 футов и 5 дюймов, с мощной мускулатурой. Он был улыбчив и казался менее серьезным, чем Эрнан. Кэтрин подумалось, что он, наверное, никогда не покидал Куско и даже о Лиме имеет смутное представление, не говоря уж об окружающем мире. Эрнан познакомил Аруна с Кэтрин и Рутерфордом, и те проводили энергичные рукопожатия дружескими улыбками. Что-то обстоятельно обсудив с кузеном на кечуа, Эрнан исчез с ним в кухне; вскоре оба вернулись с подносами с едой и напитками и выставили все на стол, накрытый в центре комнаты.

Кэтрин заняла место у камина и стала смотреть на огонь, пытаясь осмыслить все, что они узнали с момента прилета в Куско. Рутерфорд, начиная ощущать десинхроз*, устало откинулся на спинку кресла и, не успев даже расстегнуть пиджак, мгновенно уснул. Кэтрин оста-

* Нарушение суточного ритма организма.

новила взгляд на его лице — на нем играли отсветы пламени. Тихонько вздохнув, она отвернулась к огню, будто ища в его тепле утешения.

После вкусного ужина Эрнан помог Аруну убрать посуду и стал собираться домой. Из всех сил он пытался поддерживать у гостей бодрое настроение и не проговориться о том зле, что шло за ними по пятам.

— Что ж, надеюсь, наше гостеприимство пришлось вам по душе и вас заинтересовало все, что мы обсудили. Пока не забыл: возможно, вам пригодится еще и это. — Из своей сумки он достал книгу Каддена «Мифология Анд». — Очень неплохой справочник мифов Анд. Сам-то я предпочитаю называть их преданиями, поскольку слово «миф» ассоциируется с вымыслом, а ведь мы знаем, что это не так. Желаю увлекательного чтения. Завтра к пяти утра приеду за вами.

С этими словами Эрнан открыл входную дверь и шагнул в ночь. В комнату вернулся Арун и с улыбкой на лице предложил Кэтрин и Рутерфорду пройти с ним в глубь дома. Проследовав за хозяином по коридору, Джеймс очутился на пороге спальни. В центре комнаты стояла двуспальная кровать, больше мебели не было. Огонь в камине угас, но тлеющие красные угли еще дарили тепло. Арун подложил на них пару сухих поленьев и повернулся спиной к Рутерфорду. Джеймсу не надо было говорить на языке Аруна, чтобы понять: это единственная кровать в доме и им предлагают устроиться на ней. Он улыбнулся индейцу и попытался жестами втолковать, что он может лечь на полу в гостиной, но Арун лишь посмеялся над ним и покачал головой. Просто этот жест гостеприимства не подлежал обсуждению.

В этот момент в комнату вошла Кэтрин. Арун улыбнулся уже обоим и выскользнул в коридор.

Порозовев от волнения, Рутерфорд отступил на несколько шагов в спальню.

— Не волнуйтесь, я лягу на полу в другой комнате.

С этими словами он вышел из спальни. Кэтрин закрыла за ним дверь. И в то же мгновение приложила ладонь к двери и устало прислонилась к ней лбом.

Как и обещал, Эрнан приехал за учеными в пять утра. Сонных, он отвез их на вокзал и пообещал встретить на следующий день в горах, в Мачу-Пикчу, сразу же после похорон Мигеля.

Старенький четырехвагонный состав медленно отчалил с вокзала и принялся карабкаться по одному из самых захватывающих отрезков железной дороги на планете. В течение трехчасовой поездки курносый паровозик тянет четыре коротеньких вагона вверх по семидесятипятикилометровому зигзагообразному пути мимо ферм и деревень, над ущельями, которые кажутся бездонными, огибая крутые бока высоких скалистых утесов, открывая взгляду горный простор на многие мили во всех направлениях, и, прорвавшись наконец сквозь облака, причаливает на вокзале «Мачу-Пикчу терминалес».

Крыши Куско уплыли вниз, и даже храм Виракочи — Кафедральный собор — уменьшился настолько, что стал казаться маленьким на фоне огромных пиков Анд и широко распахнувшихся долин.

Кэтрин нервничала. С момента, как она проснулась утром, ее не оставляло чувство, что за ними следят: колоссальная машина начала работать против них; шес-

терни пришли в движение, и единый механизм сосредоточил всю свою энергию на том, чтобы выследить их и настичь. Она пробежалась взглядом по лицам в вагончике. Все больше крестьяне. Один-два туриста.

«Стоп, повода для волнения нет. Во всяком случае, пока».

Кэтрин покосилась на Рутерфорда и с облегчением вздохнула.

Рутерфорд, достав из рюкзака «Мифологию Анд» Каддена, читал главу о Виракоче, которую отметил еще накануне вечером. Взгляд его скользил по странице, и все это время рассудок напряженно работал. Что-то показалось ему знакомым, но что именно?

«...Виракоча пришел издалека — он пришел из-за моря. Он был белым человеком. Высоким и сильным, с голубыми глазами и длинной белой бородой. Он принес людям блага цивилизации и насадил их мирным путем. Но однажды злые люди устроили против него заговор. Когда Виракоча вернулся из путешествия, они прогнали его — и он отправился к морю вниз по реке. Настанет день — и он вернется».

Внезапно Джеймса осенило.

— Кэтрин! А я, похоже, кое-что нашел. Кажется, я понял, над чем работал профессор.

Кэтрин в этот момент любовалась сказочным видом за окном. Она с удивлением повернулась к Рутерфорду.

— О чем это вы?

— Кажется, я нашел повторяющийся образ. В своей записке профессор Кент сообщил, что раскрыл секрет истинной истории мира, скрытой в старых мифах и легендах. С того момента я не переставая думал, что же конкретно имел в виду профессор, говоря об «истинной истории». Если в сюжетах всех мифов в замаскированном виде присутствует эта самая история, то в предани-

ях народов мира, сложившихся абсолютно независимо друг от друга, должен существовать некий лейтмотив — повторяющийся образ.

Кэтрин озадаченно смотрела на него:

— Как это?

— Вот смотрите: легенда о потопе встречается буквально повсюду. Профессор считает исторически достоверным факт мировой катастрофы, уничтожившей прежде существовавшую передовую цивилизацию. Но ведь предания народов, разбросанных по всему миру, рассказывают примерно о том же, пусть с небольшими различиями. И тут, когда я читал легенду о Виракоче, я вдруг понял...

— Что?

— ...что в ней в общих чертах рассказывается о том же, о чем в легенде об Осирисе, самом популярном египетском божестве. Это же шаблон, повторяющийся образ. И в этом я улавливаю смысл. Все культуры обрастают множеством незначительных легенд, но главные, «центральные» предания всегда остаются самыми сильными. Они живут столетиями, даже тысячелетиями. Спрячь истинную историю в эти предания — и она не пропадет. Вот и здесь, чую, кроется параллель между Виракочей и египетским богом Осирисом — а значит, существуют другие такого же масштаба «центральные» предания по всей земле.

— Но как такое возможно? — возразила Кэтрин. — Между этими культурами не существовало контакта: они по разные стороны Атлантики.

— А вы послушайте, — Рутерфорд зачитал Кэтрин отрывок о заговорщиках, прогнавших Виракочу, и его последующем путешествии на лодке к берегу моря и сразу же принялся пересказывать Кэтрин египетскую легенду. — Осирис — бог возрождения, царь загробного

мира. Со своими последователями он пришел в Египет давным-давно и принес блага цивилизации. Как Виракоча (и как Иисус Христос), он был человеком миролюбивым и, никогда не применяя силу, добивался своего лишь убеждением и собственным примером. Спустя какое-то время Осирис собрался в путь — нести другим народам радости цивилизации. Он пообещал египтянам вернуться и временным правителем оставил вместо себя своего брата Сета. Но Сет, к тому времени уже остро завидовавший Осирису, тут же смекнул, что отъезд брата — прекрасный шанс устроить против него заговор. Вокруг него собрались семьдесят два сторонника. Когда Осирис возвратился из странствий, к перевороту все было готово. Сет устроил грандиозный пир в честь возвращения брата, центральной частью которого была игра — специально для нее по его приказу изготовили изумительной красоты саркофаг, и достаться он должен был тому, кому придется впору. Примерялись все гости — и никому саркофаг не подошел. Настал черед Осириса, он забрался в саркофаг и лег. В то же мгновение семьдесят два заговорщика бросились к саркофагу, захлопнули крышку, заколотили гвоздями и запаяли свинцом. Саркофаг они сбросили в Нил, по которому тот поплыл к морю, прибившись затем к берегу в местечке под названием Библ... Связь этих преданий заметит каждый, — продолжил Рутерфорд. — Можно проследить отголоски даже в истории Иисуса Христа: бородатый человек, пришедший с миром, ходит по воде, в результате заговора погибает, тело его помещают в гробницу. И во всех трех легендах непременно упоминается о том, что их главные герои в один прекрасный день вернутся.

— Вы правы — просто невероятно...

— Вот именно! К тому же это больше, чем просто совпадение. Виракоча и Осирис — одно и то же действующее

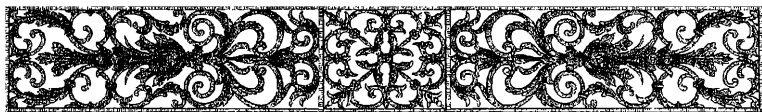
щее лицо, точно вам говорю. Именно в таких легендах и кроется шифр. Сам факт, что одно и то же по смыслу предание сохранялось в двух разделенных океаном и ничем не связанных культурах на протяжении неизвестного количества тысяч лет, свидетельствует о том, что эти предания являются идеальными носителями древнего послания.

— И что, Джеймс, вы уже догадываетесь, каков этот скрытый смысл?

— Нет — пока нет, но теперь мы по крайней мере знаем, откуда плясать. — Рутерфорд вновь откинулся на спинку сиденья и погрузился в размышления о мировой мифологии.

Пока состав медленно карабкался вверх по долгому извилистому пути, перед глазами путешественников все шире разворачивались захватывающие картины. Почти отвесные склоны лощин были плотно укрыты буйной тропической зеленью. Сама мысль о подъеме по этим кручам каких-либо предметов для строительства храма в сердце горного массива, не говоря уж о гигантских каменных блоках, казалась настоящим безумием.

Наконец, сопя и постанывая, поезд выбрался на последний этап подъема: Мачу-Пикчу Пуэнтас-Руинас — перевалочный пункт на пути к знаменитым руинам. Кэтрин посмотрела вниз: священная река инков Урубамбу вила петли далеко под ними, закручиваясь вокруг подножий гор зеленоватой сверкающей змеей.

В окна неторопливо вползала станция; на платформе засуетились индейцы, и пассажиры в вагоне похватали свой багаж, готовясь к выходу. Кэтрин обвела взглядом запруженную толпой маленькую платформу — и похолодела. Крепко зажмурившись и сделав глубокий вдох, она вновь глянула в окно: на платформе в белом полотняном костюме стоял Иван Безумов. Кэтрин издала прерывистый вздох и прижалась к спинке сиденья, а поезд в это время со скрипом прополз вдоль платформы мимо русского.

Распахнув глаза, Кэтрин обернулась к Рутерфорду.

— Вы не поверите, но, честное слово, я только что видела того странного русского, Безумова. На платформе, идет в нашу сторону. Что он здесь забыл? Господи, Джеймс, что делать? Куда бежать?

Рутерфорд едва не подскочил.

— Он здесь? Быть того не может. — Не успел он проговорить это, как заметил русского, целенаправленно шагающего по платформе к их вагону в сопровождении двух крепкого вида аборигенов.

В этот момент поезд дернулся и замер в какофонии скрежета стали и шипения пара. С огромной порцией адреналина в крови, Рутерфорд отчаянно искал решение. Выход с платформы был только один — через ворота в ее конце, но Безумов и его оруженосцы блокировали этот путь.

Бросившись по проходу, Джеймс открыл дверь вагона со стороны, противоположной платформе, и в ужасе ахнул. Дверь распахнулась над головокружительным откосом каменистой осыпи, обрывающейся на сотни метров вниз, прямо к реке. Еще шаг, и он бы разбился насмерть. Восстановив равновесие, Джеймс резко развернулся. Кэтрин не двигалась. Слишком поздно: человек в белом стоял напротив входа в их вагон.

Кэтрин и Рутерфорд в ужасе застыли на месте, время для них будто остановилось. Безумов сделал шаг к вагону, открыл дверь и с сильным русским акцентом обратился к ним:

— Доктор Донован и доктор Рутерфорд, добро пожаловать в Мачу-Пикчу.

Рутерфорд потерял дар речи. Беспорядочные мысли пронеслись в голове.

«Он — что, пристрелит нас? Насколько он замешан в этом деле? Не он ли убил профессора? — От ужаса у него мурашки побежали по телу. — Но если он нас убивать не собирается, то что, черт возьми, происходит?»

Безумов заговорил первым, широко улыбаясь:

— Пожалуйста, не делайте такие несчастные лица. Мне очень стыдно за свое поведение в нашу первую встречу, я вел себя бестактно, начисто забыв о хороших манерах. Дайте мне хотя бы шанс реабилитироваться.

Гнев пересилил страх Рутерфорда:

— Безумов, какого черта вы здесь ошиваетесь? Как вы узнали, что мы едем в Мачу-Пикчу? Да как вообще вы сюда добрались?

— Виноват, уж точно не хотел, чтоб вы посчитали меня маньяком, все дело лишь в том, что мне очень нужно переговорить с вами. Я сходил к ректору: он слышал, что вы улетели в Перу.

По спине Кэтрин будто пробежал холодок: «А ректор-то откуда узнал, что мы едем в Перу?»

Безумов продолжил:

— Поскольку я тесно знаком с работой профессора, то понял, что рано или поздно вы объявитесь тут. Я вылетел следующим рейсом за вами, прямо из Лимы отправился сюда и стал ждать в надежде, что встречу вас здесь. И, по счастью, дождался. Простите меня, я совсем не хотел вас напугать.

Держась, будто инка-аристократ, Безумов велел обоим индейцам взять багаж Рутерфорда и Кэтрин. Джеймс тут же встал у них на пути, не давая пройти в вагон. Кэтрин стала рядом с ним, лицо потемнело от гнева. Безумов, продолжая тянуть Кэтрин свою руку, с очаровательной улыбкой проговорил:

— Прошу вас, позвольте мне отвезти вас в мой отель.

Его потуги выглядеть благородным не произвели на Кэтрин впечатления. Еще в первую встречу этот человек не понравился ей, и вот он опять тут. Однако сейчас ей в тысячу раз неприятнее было его присутствие, его назойливое внимание и явная нервозность.

— Спасибо, не стоит беспокоиться. Мы как-нибудь устроимся сами.

Сокрушаясь, Безумов покачал головой.

— Боюсь, автобус уже битком набит. И свободные номера остались только в моем отеле. У вокзала меня ждет машина. Прошу вас, позвольте подвезти вас. Вещи ваши мы можем оставить в гостинице, а затем пешком прогуляться до развалин. Я вас подожду.

Безумов повернулся и стал быстро удаляться по платформе. Спрыгнув с подножки вагона, Кэтрин и Рутерфорд глядели ему вслед. Рутерфорд удивленно заметил:

— Что за тип? Мы же сами не знали, что поедем сюда. Пока не познакомились с Эрнаном. Вам не кажется, что он на стороне врагов профессора? И почему он как одержимый настаивает на разговоре с вами? Как-то сла-

бо верится в то, что он полмира пролетел, чтобы заполнить слабый шанс выследить вас.

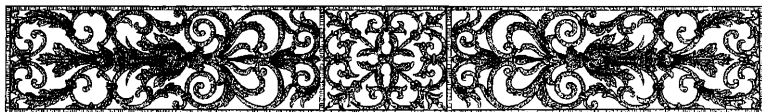
Кэтрин задумалась.

— Не знаю... Просто не знаю, что и думать. Но в одном уверена точно: я его боюсь.

Она повернулась к Рутерфорду и заглянула ему в глаза.

— Что делать? Бежать? Он все равно найдет нас — согласны? Но даже если он опасен, он ничего не сделает, пока не выведает, что ему надо. Может, стоит поговорить с ним, но осторожно, не сообщая ничего важного: просто выяснить, что связывает его с профессором. А потом придется сразу же уносить отсюда ноги. Как вам такой план?

Кэтрин протянула руку, взяла его за предплечье и мягко сжала. Рутерфорд чуть помедлил, затем накрыл ее ладонь своей и кивнул.

Индеец — водитель Безумова — придержал открытую дверь, пока сначала Кэтрин, а за ней — Рутерфорд садились в машину. Безумов сидел на переднем сиденье, и Кэтрин заметила его напряженный взгляд в салонном зеркале. Несмотря на то что странный русский пугал ее, она все еще кипела от ярости. Короткая улыбка мелькнула на худом лице Безумова.

— Доктор Донован, простите, пожалуйста, за то, что напустил на себя таинственность. Когда я впервые увидел вас, решил поначалу, что вы простой ученый, и принял решение не говорить с вами о теме нашей с профессором совместной работы. Ну а поскольку вы прилетели сюда, я понял: вам что-то известно, поэтому считаю, мы с вами должны открыться друг другу.

Кэтрин и Рутерфорд настороженно смотрели на него. Водитель завел двигатель и направил машину от станции вверх по грязной дороге к Мачу-Пикчу. Безумов продолжал:

— Я из России, из Санкт-Петербургского филиала Академии наук. По специальности геолог, но, как и профессора, работа моя увлекла меня в сторону от основной темы. Я стал специалистом по антарктическим скалам и в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году возглавил экспедицию к месту, называемому у вас Землей Принца Харальда — это часть побережья Антарктиды, — где сде-

лал грандиозное открытие: нашел подтверждение теории о произрастании тропической флоры в Антарктиде в период позднего палеоцена — начала эоцена. Это однозначно свидетельствует о том, что климат там когда-то был тропическим... В двух словах: Советский Союз развалился, мой департамент прекратили субсидировать, исследования мои никого не интересовали — за исключением профессора Кента. Он первый связался со мной в тысяча девятьсот восемьдесят девятом, и с тех самых пор мы работали над вопросами, имеющими отношение к геологии и климату Земли нынешней эпохи.

Безумов оттянул ремень безопасности и развернулся к ним лицом.

— Сказав «нынешней эпохи», я имел в виду период с последнего обледенения — то есть последние сто тысяч лет.

Кэтрин скептически взглянула на русского:

— Так почему ж было сразу не рассказать, зачем было преследовать нас на краю света?

Безумов деланно улыбнулся и задержал на ней свой пристальный взгляд:

— Милая девушка, работа почти пятнадцати лет близилась к завершению, когда я вдруг узнал, что профессора нет в живых. Вы, полагаю, понимаете, как меня беспокоили плоды нашего совместного труда.

Рутерфорда это не убедило.

— Если вы работали вместе, почему же у вас не осталось копий документов?

Безумов сохранил улыбку, однако теперь было в ней что-то покровительственное, едва ли не пренебрежительное:

— Джон — о, простите, Джеймс, правильно? — за два дня до своей смерти профессор позвонил мне и сообщил, что обнаружил подтверждение того, что климат

в Антарктиде до четырехтысячного года до нашей эры был благоприятным, то есть этот материк являлся отнюдь не ледяной пустыней и его климат был вполне пригодным для комфортного существования. Со времени того путешествия мне не выпало ни одной возможности вернуться в Антарктиду, и никто не заинтересовался тем, чтобы поддержать мои гипотезы. Над работой всей моей жизни, над моим открытием нависла опасность быть потерянным для науки и всего человечества. Я должен знать, что открыл профессор.

Кэтрин думала лишь об одном: «Карты. Свидетельство, на которое профессор ссылался, — скорее всего, коллекция карт. Вероятно, он полагал, что обнаружил последний фрагментик этого “паззла”, или же решил, что пришло время посвятить Безумова в свои открытия».

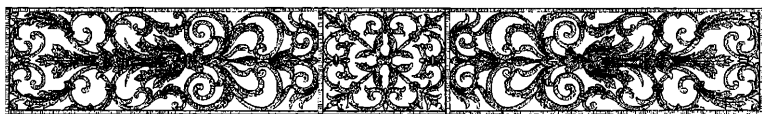
— Но я-то здесь при чем? Почему вы преследовали именно меня? — спросила она.

Безумов невесело усмехнулся:

— Да потому, Кэтрин, что вы фактически являетесь ближайшим родственником профессора. Кто же в состоянии привести в порядок его дела в Англии, если не вы? Ко всему у вас будет полный доступ.

Кэтрин ошеломленно молчала.

«Может статься, Безумов и вправду хорошо знал профессора Кента. Иначе откуда ему известно, насколько я была близка ему? Но почему, почему интуиция не велит мне доверять русскому?»

Легендарные руины Мачу-Пикчу раскинулись на горном уступе, который нависал над расположенной глубоко внизу обширной, укрытой джунглями долиной. Добраться туда можно было по тропе: поначалу она ведет на север, через покрытые лишайниками скалы горного склона, затем сбегает вниз, огибая валуны, петляя в густой траве и мелколесье. Склоны окружающих гор внезапно скрываются за белыми спинами облаков. Тот, кто хоть раз видел этот сюрреалистический пейзаж, не забудет его никогда.

По мере того как Кэтрин, Рутерфорд и Безумов шли вниз по тропе, их взорам открывался Мачу-Пикчу. С захватывающим сердцем любовалась Кэтрин самым красивым зрелищем в своей жизни. Тот, кто построил из камня этот город, просто идеально вписал его в сложный ландшафт гор, долин и пастбищ-террас. Все было сбалансировано, во всем чувствовалась гармония. Рутерфорд, шедший на несколько шагов позади, замер на месте, раскрыв от восхищения рот.

С сильным русским акцентом Безумов подробно, как учитель, рассказывал им о достижениях инков:

— Инки считали, что живут в пятой цивилизации, а до этого существовало четыре мира — и все они были уничтожены в результате страшного природного катаклизма, навлеченного разгневанным божеством. Вы сами

видите... — Русский остановился, чтобы справиться с одышкой и повел рукой в сторону захватывающего вида. — Нельзя назвать их совсем уж примитивными. Однако, несмотря на то что Виракоча учил народы Анд жить в мире, они, похоже, охотно прибегали к жертвоприношениям. Инки приносили людей в жертву — и помногу, проделывая это на алтарях, установленных согласно инкской версии лей-линий. Вы знаете, что такое лей-линии?*

Обрадовавшись, что появилась знакомая тема обсуждения, Рутерфорд прервал свое молчание:

— Да, я занимался этой темой.

— Может, тогда поделитесь с доктором Donovan?

Рутерфорд посмотрел на Кэтрин. Помогать русскому желания не было никакого, но Кэтрин ждала объяснения. Скрыв свое нежелание, он начал:

— Лей-линии являют собой систему природных энергетических линий, которые, как полагают, соединяют великие археологические памятники Англии. В тысяча девятьсот двадцатом году человек по имени Альфред Уоткинс окинул взором мирный сельский ландшафт — и разглядел гигантскую сеть линий, протянувшихся к древним святилищам Британии. Пораженный увиденным, он достал карту-дюймовку Великобритании и убедился, что видение его было явью. По картам Англии можно было прочертить идеально прямые линии, соединяющие эти святыне места. Некоторые линии шли через территорию всей страны, проходя точно через центры одного за другим древних святилищ.

Кэтрин, заинтригованная до глубины души, спросила:

* Лей-линии (ley lines, *англ.*) — энергетические потоки, идущие над поверхностью земли, сеткой покрывающие нашу планету.

— А что за святилища? Вы имеете в виду Стоунхендж?

Рутерфорд кивнул, не в силах сдержать энтузиазм:

— Именно. Отличный пример. Стоунхендж, гора святого Михаила в Корнуолле, собор в Солсбери расположены на одной линии. Подобное выравнивание невозможно даже с применением современной техники, не говоря уж о тысячелетиях назад.

— А зачем они?

Рутерфорд улыбнулся.

— А вот этого никто не знает. Это не простое совпадение. Сам Уоткинс, в высшей степени практичный человек, высказал предположение, что прежде это были торговые пути.

Безумов перебил Рутерфорда — в его голосе неожиданно прозвучало нетерпение:

— Да, только на этот счет есть и другие теории. Положение лей-линий зачастую соответствует расположению конкретных звезд в определенные дни года. В любом случае, у инков было нечто вполне сравнимое с лей-линиями: «секес». Это «отражения» на земле основных звезд и созвездий. Центр таких линий расположен в храме Кориқанча в Куско, и оттуда они радиально расходятся, как спицы колеса. Одна из длинейших линий берет начало в Куско и тянется на пятьсот миль, прямая как стрела, через Мачу-Пикчу, Олантайтамбо, Саксайхуаман, пока наконец не пересечет озеро Титикака и вонзится в Тиахуанаку — город в облаках.

Рутерфорд не скрывал изумления: он никогда не слышал о других системах линий.

— Где-то еще на планете существует подобное? — спросил он: любопытство пересилило неприязнь к русскому.

Безумов вдруг заметно оживился, словно оседлав любимого конька:

— Ода! У китайцев есть «линии дракона». Они лежат в основе китайского искусства фэн-шуй — правильного позиционирования объектов на ландшафте. Китайцы считали, что лун мэй, являясь планетарной версией акупунктурных линий, проходящих через тело человека — а здания и священные места при этом являются как бы акупунктурными точками, — открывают доступ к потокам энергии. У аборигенов Австралии есть «линии песни», у ирландцев — «линии эльфов...» и так далее. Примеров множество. Линии опутывают весь земной шар. У меня есть свои соображения о том, для чего они... — Безумов вдруг остановился. — Но это уже другая тема. Так о чем мы? А, да — Мачу-Пикчу. По-моему, все просто. Жертвенные алтари, как и другие строения, да и сам комплекс, — размещены так, что в течение года в определенные дни на них падают проекции различных звезд и созвездий. Например, в день весеннего равноденствия или летнего солнцестояния.

Безумов приложил козырьком ладонь ко лбу и несколько мгновений оглядывал руины, прежде чем продолжить.

— Скажите, доктор Донован, знакома ли вам такая компьютерная программа — «Skyglobe»?

— Знакома, я несколько лет довольно часто пользовалась ей, — кивнула Кэтрин.

— Тогда вы в курсе, что «Skyglobe» позволяет увидеть звездное небо в точности таким, каким оно было в конкретный день в далеком прошлом.

— Как это? — удивился Рутерфорд.

— Дело в том, что скорости движения и орбиты звезд, планет и других небесных тел абсолютно предсказуемы. «Skyglobe» может продемонстрировать, как выглядело

звездное небо в любой конкретной точке поверхности земного шара в заданный день прошлого.

— Здорово. Прямо машина времени.

— Да, программа мощная. И очень кстати — в случае с Мачу-Пикчу. Если сегодня вечером вернуться сюда и попробовать сопоставить положение алтаря относительно кое-каких созвездий, выяснится, что это место не имеет ничего общего с небесами.

— Откуда вы знаете? — спросил Рутерфорд.

— Мы с профессором Кентом уже попытались проделать это, и не раз.

Кэтрин уже поняла, что пытались сделать профессор и Безумов.

— По-видимому, вы с помощью компьютерной программы пытались выяснить, в какой день было «полное согласие» между этим местом и звездами? — спросила она.

Безумов внимательно на нее взглянул.

— Именно так.

— И что вам удалось выяснить?

Русский ответил не сразу, пристально глядя на них все тем же странным, непроницаемым взглядом:

— Выяснить удалось, что строительство Мачу-Пикчу имело место не пятьсот лет назад, как утверждают современные археологи, а скорее между четвертым и третьим тысячелетиями до нашей эры.

Несколько мгновений ученые потрясенно молчали, затем Рутерфорд пробормотал:

— А это означает, что город сей изначально вовсе не был инкским...

Кэтрин закончила его мысль:

— Все указывает на то, что ранняя цивилизация все-таки существовала.

Безумов просто-таки светился самодовольством.

— Вот-вот... Что ж, теперь вы знаете, над чем мы с профессором трудились. Пойдемте, полюбуемся вблизи.

После двухчасового осмотра старого города Кэтрин и Рутерфорд наконец поднялись по ступеням к тропе на пути в отель: Безумов ушел часом раньше, оставив их осматривать руины самостоятельно. Кэтрин наконец решила, каким будет ее следующий шаг.

— Кое-что, по-моему, начинает проясняться. Думаю, нам все же следует показать Безумову карты — свою часть соглашения он ведь уже выполнил, да и потом — вдруг узнаем еще что-то новое.

— Вести с ним беседы — это одно, но если вы покажете ему карты, мы лишимся единственного козыря. Неизвестно, что с нами будет, когда он поймет, что мы ему больше не нужны.

Кэтрин подошла к Джеймсу, обеими руками взяла его ладонь и нежно сжала.

— Джеймс, поверьте, если вы правы и русский не до конца честен с нами, тогда его реакция при виде карт может нам кое-что поведать. Мы знаем, что существовала древняя цивилизация, но я уверена — это не все. И Безумов может оказаться тем, кто поможет нам, — даже если сделает это неумышленно.

Рутерфорд опустил на нее взгляд и, сделав вид, что не придавал значения их физическому контакту, пожал плечами:

— Тем не менее идея эта мне не нравится. Мы здесь предоставлены самим себе. Если что случится...

Кэтрин выпустила его руку и пошла по тропе вперед.

— И все же попробовать надо, — твердо сказала она.

Джеймс посмотрел ей вслед, затем обернулся, чтобы в последний раз глянуть на сказочную картину древнего города, глубоко вздохнул и покачал головой.

«Ох, не нравится мне все это...»

В ресторане отеля они увидели сидящего за столом Безумова. Официант наливал ему воду. Завидев их, Безумов вскочил со стула и энергичным жестом предложил подсаживаться к нему. Русский широко улыбался, буквально лучась радушием. Затем он обратил внимание, что в руке Кэтрин держит конверт. Глаза его вспыхнули.

— Ого! Вы что-то принесли мне?

С улыбкой Кэтрин подошла и положила конверт на стол, Рутерфорд встал за ее спиной.

— Принесла. Это карты. Профессор Кент прислал их мне перед самой смертью.

Глаза Безумова распахнулись, рот растянула алчная ухмылка. Схватив салфетку, он принялся яростно вытирать руки. Русский акцент неожиданно стал много заметнее — Безумов терял самообладание.

— Карты, говорите?! Вот это да...

Без церемоний Кэтрин раскрыла конверт. Руки Безумова дрожали от нетерпения. Карты скользнули на стол, и Кэтрин отступила на шаг, открывая русскому свободный доступ к сокровищу.

Глаза Безумова, казалось, выскочат из орбит. С благоговением и величайшей осторожностью, словно карты были хрупкими, как пепел, он потянул их по столу к себе. Тщательно вглядываясь в каждый документ, он изучал его, прежде чем отложить в сторону и приняться за другой, не переставая что-то бормотать себе под нос по-русски.

Рутерфорд, стоя чуть в сторонке от стола, заметил эту трансформацию.

«Вот оно — настоящее лицо, скрытое под маской любезной обходительности. Жадный, даже алчный в своей охоте за... Вот только за чем?»

И тут совершенно неожиданно Безумов прервал его размышления.

— Знаю! Ну конечно! Пирамиды Гизы!

Рутерфорд и Кэтрин склонились над столом, пытаясь разглядеть, что вызвало всплеск возбуждения Безумова. С виду обыкновенная карта мира, только в верхнем правом углу значилось: «Согласно расположению нулевого меридиана на карте Пири Рейса. Собственность ВВС США». Линия нулевой долготы проходила здесь не через Гринвичскую обсерваторию в Лондоне, а через пустыню, вплотную примыкая к Каиру.

Безумов едва не пускал слюни от радости, с нежностью проводя кончиками пальцев по краям карты.

— Гиза! Ведь чуяло мое сердце, почему я не послушал его?

Кэтрин и Рутерфорд недоуменно переглянулись.

Кэтрин первой подала голос:

— И как вас прикажете понимать?

С волчьей ухмылкой русский обернулся к ней.

— А так, девочка моя дорогая, что одна добрая душа в американской армии голову, наверное, себе сломала, высчитывая, где реальные составители карты Пири Рейса расположили нулевой меридиан, их эквивалент Гринвичской обсерватории: в Гизе...

Рутерфорд тоже пока ничего не понимал.

— А что такого удивительного в том, что древние за нулевого меридиан принимали Гизу?

Безумов устремил на него такой мрачный взгляд, что Рутерфорд едва удержался, чтобы не отшатнуться.

— Да ничего — кроме того, что Египет, точнее, пирамида Хеопса, считался от центра Древнего мира. Это в высшей степени важно.

Глаза Безумова лихорадочно блеснули: сейчас он вперил взгляд куда-то вдаль. Казалось, он говорит сам с собой.

— Эти монументальные шедевры — линии Наска, Ангкор-Ват в Камбодже, Катманду, древний город в Гималаях, и загадочные священные острова в Тихом океане: Нан-Медол, Яп и Раиатеа, — все они связаны друг с другом, являясь частью великого механизма, а центр его, его мозг, находился, скорее всего, в Гизе — там, где пирамиды. Это был апекс древней цивилизации. И через четыре дня, в понедельник, с восходом солнца, придет весеннее равноденствие. Я должен быть там! Тот, кто правит Гизой — правит миром...

Безумов, похоже, забыл о них. Вцепившись руками в край стола, он отодвинул назад стул. Пару мгновений взгляд его был устремлен вверх, словно в беззвучной молитве, а может, в поиске решения — затем он опустил его на Кэтрин и Рутерфорда.

— Эх! Все это чертовски взбудоражило меня... Прощу меня извинить... Кажется, дает себя знать разница во времени. Чувствую, просто необходимо прямо сейчас отправляться спать...

С этими словами Безумов сухо поклонился, развернулся на каблуках и, торопливо выйдя из ресторана, растворился в сумраке коридора.

Кэтрин и Рутерфорд в недоумении смотрели друг на друга.

— Да что же здесь такое творится? И что он такое нес про «великий механизм»? Очень смахивало на бред сумасшедшего, — сказала Кэтрин.

Рутерфорд пристально глядел на дверной проем, через который только что вышел русский.

— Честное слово, сам ничего не понял. Но вот в одном я чертовски уверен: у Безумова свой, очень специфич-

ный план, и то, что движет им, совсем не похоже на характерную для ученого тягу к знаниям. Что же касается состояния его психики... Учитывая только что нами увиденное, «присяжные еще совещаются».

— А на какие это он ссылался места? Они имеют отношение к картам?

Нахмурившись, Рутерфорд объяснил:

— Это тоже древние святилища. Ангкор-Ват — один из самых потрясающих храмов в мире. Его развалины находятся в сердце камбоджийских джунглей.

— Развалины — чего? Пирамид?

— Нет, не пирамид. Ангкор — огромный комплекс из семидесяти двух каменных дворцов, астрономических лабораторий и храмов. К самому большому и красивому в этом комплексе дворцу ведут пять священных дорог, и по обе стороны каждой дороги пятьдесят четыре божка тянут, словно длиннющий канат, тело гигантской змеи, то есть по сто восемь статуй на каждую дорогу. Скульптурный ансамбль немного напоминает перетягивание каната, но на самом деле змея обвивается вокруг маслбойки, и все они взбивают молочный океан из Млечного Пути.

— А другие?

— Катманду прячется за облаками в Гималаях. Никто не знает, когда его основали. Что же касается остальных — это крохотные островки, затерянные на просторах Тихого океана. Полагают, что они хранят руины давно исчезнувших цивилизаций, и все считаются священными местами.

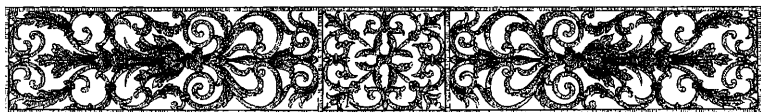
Кэтрин кивнула и опустила взгляд на карты, разбросанные по столу.

— А Безумов считает, что все эти святилища соединены друг с другом лей-линиями.

В глазах Рутерфорда блеснула искорка понимания.

— Ясно одно: то, что мы показали, для него стало последней картинкой пазла. И по какой-то причине день весеннего равноденствия является не простой датой, а некой критической точкой.

От ужаса у Кэтрин перехватило дыхание. Кто-то пытался тихонько открыть хлипкий замок двери ее номера. Лежа на кровати в темноте, она вся обратилась в слух: точно, кто-то вознамерился вломиться к ней. Как холодной волной, ее всю окатило страхом.

«Боже мой, это Безумов, он пришел убить меня...»

Раздался звук поворачиваемой дверной ручки, и Кэтрин почувствовала, как кто-то вошел. Она мучительно пыталась сообразить, чем можно отбиться или куда бежать.

Вглядевшись в темень, Кэтрин сумела рассмотреть фигуру невысокого мускулистого человека, приближающегося к ней. Инстинктивно она сделала движение, пытаясь перекатиться с кровати на пол — от наступающего темного силуэта. Но с первым же шорохом постельного белья в темноте прозвучал шепот:

— Кэтрин, не пугайтесь, это я, Эрнан. — В тревожном голосе Эрнана слышались нотки паники.

Кэтрин облегченно охнула и едва не рассмеялась:

— Эрнан! Вы что ж вытворяете? Хотите, чтобы я тут умерла со страху?

Электронное табло будильника показывало 2.37 ночи. Прежде чем она успела его расспросить, Эрнан, задышавшись, проговорил:

— Тсс! Вам надо уходить отсюда — немедленно!

Волна адреналина схлынула; Кэтрин попыталась объяснить у него, в чем дело:

— А что такое?... Зачем?

— В Куско двое мужчин расспрашивали о вас. Не знаю, сказал ли кто из служащих отеля, что вы здесь, но нам надо сейчас же уехать отсюда.

— Двое мужчин? Кто они?

Эрнан подошел к окну, чтобы проверить, плотно ли задернуты шторы, затем включил лампу на маленьком столике.

— Это-то меня и пугает. Никто их здесь не знает. Они прочесали все отели и турбазы, вынюхивая, кто приезжал-уезжал за последние два дня. Они не из спецслужбы, это я точно знаю, хотя смахивают на военных. Действуют не в открытую, но я знаю всех в Куско. Они ищут вас и Джеймса. У нас нет ни минуты. Рано или поздно они доберутся до вокзала, выяснят, что вчера утром вы уехали на поезде, — и поймут, что вы здесь. Может, они уже едут сюда.

Знакомый Кэтрин ледяной ручеек страха скользнул по спине.

— О господи... Что делать-то?

— Мы перевезем вас через границу с Боливией и дальше — в Ла-Пас. Оттуда — уже сами. Главное сейчас — вывезти вас из Перу как можно скорее. Давайте ваши авиабилеты, я поменяю в агентстве дату вылета, это собьет их с толку, и так мы выгадаем для вас немного времени. Договорились?

До Кэтрин начала доходить вся серьезность ситуации, и тут она вспомнила русского.

Сев на кровати, она проговорила:

— Эрнан, у нас тут одна проблема...

— Что такое?

— Мы встретили знакомого из Оксфорда...

— Что? О чем это вы? — с недоверием спросил он.

Кэтрин разволновалась:

— Понимаете... Странно, конечно, но этот парень из Оксфорда, который тоже знал профессора, приехал в Мачу-Пикчу — он искал нас.

На лице Эрнана отразилось беспокойство.

— Шутите? Здесь как будто полмира решило собраться... Кто такой?

— Русский ученый. Иван Безумов.

Услышав имя, Эрнан весь напрягся, как испуганный зверь:

— Безумов здесь — в отеле?

Настал черед Кэтрин испугаться:

— Ну да... Вы его знаете?

Не успела Кэтрин продолжить расспросы, как Эрнан схватил стул и заложил его ножкой ручку двери. Он оглянулся на Кэтрин через плечо и с холодным блеском в глазах приложил к губам палец. Затем из рюкзака на спине вытащил пистолет. Кэтрин безмолвно наблюдала, как Эрнан, прижавшись ухом к двери, напряженно прислушался — ей показалось, что это длилось вечность. Наконец он повернулся к ней и, прокравшись через комнату, сел на корточки рядом.

— Быстренько соберите вещи, — прошипел он. — Джеймс в каком номере?

Таким же тревожным шепотом Кэтрин ответила ему:

— В двадцать третьем... Эрнан, что происходит?

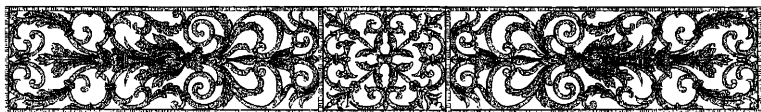
— Потом расскажу. Доверьтесь мне. Безумов никакой не ученый. Надо торопиться, это очень, очень опасный человек. А он в каком номере — знаете?

— Кажется, в третьем.

— Так, сидите тут, через минуту вернусь.

Продолжая держать в правой руке пистолет стволом в потолок, Эрнан левой рукой вытянул из-за ручки стул и медленно-медленно открыл дверь. Кэтрин с ужасом смотрела, как он выскользнул в черную темень коридора.

Эрнан передвигался по коридору отеля к третьему номеру, как профессиональный киллер. Он взвел курок револьвера и привалился к двери, прижав ухо к деревянной панели. Затем, вложив всю силу своего крепко сбитого тела в мощный толчок, двинул плечом в центр двери. У слабого замка не было и шанса. Через мгновение Эрнан стоял посреди комнаты, ноги широко расставлены, руки вытянуты перед собой, пистолет нацелен на кровать. На пустую. Русского давно след простыл.

Эрнан громко выругался и опустил револьвер. На пороге появилась Кэтрин, глаза ее были широко раскрыты. Сейчас, когда страх немного отступил, она почувствовала, как наваливается усталость.

— Кэтрин, простите...

Не веря своим глазам, Кэтрин смотрела на индейца с пистолетом в руке.

Эрнан включил свет и, жестом попросив Кэтрин войти в номер Безумова, прикрыл за ней дверь. Кэтрин не терпелось засыпать его вопросами, но она решила, что лучше дать Эрнану рассказать все самому. Он понемногу приходил в себя и, как только выровнялось дыхание, с тревогой посмотрел на пистолет, затем виновато улыбнулся:

— Иван Безумов не ученый. Профессор и Мигель выяснили это лишь во время последнего визита Безумова:

он бывший полковник русской военно-морской разведки. Он давно уже водит нас за нос. Это опасный человек. И очень умный. Нам долго не удавалось его раскусить, потому что он один из крупнейших в мире специалистов по древним археологическим памятникам, арктической геологии, науке о доисторической эпохе и по многим другим темам. — Эрнан сунул пистолет за ремень джинсов. — Безумов выбрался из-под обломков Советского Союза с мечтой — той самой, что вынашивало целое поколение советских ученых: использовать природную энергию Земли, мощнейшие электромагнитные потоки, идущие от Солнца к нашей планете. Приливные станции и «ветряки» — ничто по сравнению с некоторыми идеями, что были у русских. Они хотели использовать орбитальное движение Земли для создания мощных запасов дарового электричества и его дальнейшего использования в каких-то своих целях. Безумов убежден, что в своем прошлом человечество пользовалось неслыханными природными мощностями. Его мечта — вновь отыскать пути к этим мощностям и таким образом сделаться хозяином потоков солнечной энергии.

— Но это просто невероятно! — воскликнула Кэтрин.

— Да, звучит как безумие. Однако на самом деле профессор Кент был уверен, что Безумов преследует какую-то определенную цель. Ведь профессор, как вы знаете, считал, что все технологии — это прямой путь к вырождению и гибели природы. Он думал, что планы Безумова «запрячь» новые формы энергии куда опаснее, чем использование ископаемых видов топлива или атомной энергии. Если человечество и вправду займется экспериментами с силами вращения Земли или гигантскими потоками энергии от Солнца к Земле и обратно, последствия могут быть катастрофическими.

— Катастрофическими насколько? — спросила Кэтрин.

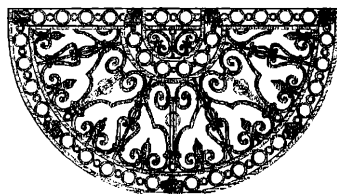
— Кто ж знает... Мигель говорил, профессор Кент рассказывал ему, что, если вмешаться в орбитальное движение Земли, внезапное изменение центробежной силы может привести к тому, что планета «расползется по швам» или просто сгорит.

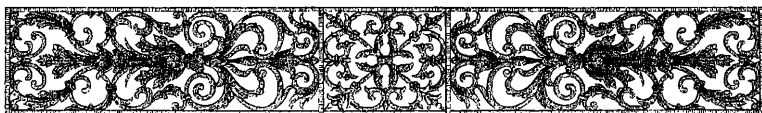
Кэтрин раскрыла рот. Она представила себе красивую голубую планету, величаво плывущую в безбрежной космической ночи. Хрупкий комочек жизни, возможно, один в бескрайней черноте... разлетается, как зеркало, на миллиарды фрагментов — и все...

— Мы обязаны остановить его.

— Вы абсолютно правы. Безумов больной — у него мания величия, и он ни перед чем не остановится, пока не добьется желаемого. Вот только сейчас меня больше заботит ваша безопасность: отсюда надо бежать. Безумов не единственный в Перу, кто ищет встречи с вами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Семь тридцать утра. В финансовом сердце Нью-Йорка в офисе безликого здания секретарь Миллер сидел за столом для совещаний в компании одиннадцати элегантно одетых мужчин разных национальностей.

— Господа, — обратился к собравшимся секретарь, — большое спасибо за ваши усердие и преданность в течение последних лет. Это наше утреннее совещание — последнее, другого шанса встретиться у нас уже не будет. Всего семьдесят два часа отделяют нас от наступления дня весеннего равноденствия. Давайте вкратце повторим наши задания.

Он нацепил очки для чтения и взгляделся в лежащий на столе лист бумаги. Одиннадцать сидящих за столом мужчин молча ждали. Внешностью своей они очень напоминали состоятельных, среднего возраста членов правления делового предприятия; как и от Миллера, от каждого из них веяло властью и интеллектом. Подняв взгляд над очками, секретарь продолжил:

— Итак. О Среднем Востоке позаботятся непосредственно сенатор Куртц и правление. Поэтому переходим сразу к Японии.

Он взглянул на трех восточного вида мужчин за дальним концом стола. Японский делегат чуть поклонился и заговорил:

— Как вам известно, господин секретарь, Центральный банк Японии находится под контролем Корпорации

со времен Второй мировой. Когда в понедельник утром грянет мировой кризис, банк вопреки официальной политике ликвидирует все вклады в иностранной валюте и продаст все иностранные и отечественные активы — удар по рынку страны будет непоправимым. Более того, правление распорядилось избавляться от любых видов вне зависимости от их размеров.

Склонив голову в поклоне, он сел на место.

Секретарь повернулся к представителю Китая, сидящему слева от японца. Тот кивнул и начал:

— Господин секретарь, акция Японии наряду со всемирным «сбросом», который правление приведет в действие, вызовет банковский кризис в Китае, а тот, в свою очередь, приведет к панике и краху на финансовых рынках. В главных индустриальных городах за одну ночь станут безработными более двухсот миллионов человек. Начнутся мощные народные волнения, и в течение десяти дней национальная валюта обесценится. Наши агенты в вооруженных силах Китая подготовили планы одновременного вторжения в Корею и Тайвань. Мы твердо уверены в том, что правительство в отчаянных попытках отвлечь легионы безработных последует этим планам. От братьев в Америке нам известно, что ВМФ США силами атомных подлодок также нанесет удары по материку, прежде чем будет организовано противодействие вторжению в Тайвань и Корею. Китай увязнет в военном конфликте, и путь для Корпорации будет свободным.

Секретарь кивнул. Настала очередь представителя Индонезии.

— При первых же признаках агрессии США ВМС Индонезии перегородит Малаккский пролив минными полями и тем самым перережет самый оживленный морской путь в мире и остановит международную торговлю. Продовольственный импорт замрет. Мы прогнозируем,

что в течение недели совершатся революционные перевороты, которые выльются в полномасштабное вторжение в Малайзию и Австралию.

Секретарь обратил взгляд на оставшихся семерых делегатов, один из которых был африканцем, двое — из Азии, остальные — из Европы.

— Кто сегодня представляет Евразию и Африку?

Похожий на сотрудника похоронного бюро англичанин с тонкими чертами бледного лица кивнул секретарю Миллеру, предложившему ему слово.

— Всемирный крах начнется с момента организованного нашими агентами сброса. Ни Европейский центральный банк, ни «Бэнк оф Ингленд» не поддержат рынок, усугубив этим распространение паники. В дополнение ко всему во всех столицах мира взорвутся финансовые бомбы. Европейские — особенно российская — инфраструктуры будут уничтожены, но так, чтобы, когда Корпорация захватит власть, их можно было в короткие сроки восстановить.

Выступающий сделал паузу, затем продолжил:

— Незадолго до наступления полуночи понедельника близ резиденции премьер-министра будет приведено в действие взрывное устройство мощностью, достаточной, чтобы убить его и его семью. О своей причастности к взрыву заявит подготовленная нами исламская группировка в Кашмире и тем самым ввяжет Пакистан и Индию в длительную войну. В течение некоторого времени мы поставляем вооружение и припасы трем повстанческим армиям. Экспорт нефти из этого региона прекратится. Как прекратится и импорт продовольствия и медикаментов. На континенте повсеместно воцарятся голод и войны.

— Хорошо, — подытожил секретарь. — Я же совместно с членами правления буду координировать США.

Окончательные приказы вы получите непосредственно от сенатора Куртца — как нынешнего представителя правления. Но, уверен, вам абсолютно ясны коды. А ошибки — недопустимы. Все мы столько лет ждали этого дня.

Собравшиеся покивали в торжественном согласии, а затем секретарь вновь смягчил тон, ставший вдруг более осторожным.

— Не думаю, что мне надо подчеркивать вам, господа, что любое отклонение от наших планов исключено. Строгое соблюдение последовательности событий — единственный путь к успеху. Ничего — повторяю, ничего — не должно происходить до тех пор, пока сенатор не даст команду. Не предпринимать никаких действий, пока не получите последние инструкции. Это всем понятно?

Собравшиеся пробормотали согласие.

Секретарь собрал бумаги и поднялся:

— Господа, благодарю вас! И — удачи. Ваши дети и внуки будут читать о вас в учебниках истории. Новый мировой порядок родится из пепла старого. Да здравствует Корпорация!

Совещание закончилось, и делегаты потянулись к выходу, а секретарь Миллер вернулся к своему стулу. Комнату покинули все, за исключением доверенного агента Эйджента Диксона. Секретарь Миллер дождался, когда Диксон закроет дверь, и велел ему сесть.

Молодой агент опустился на стул и положил стопку документов на стол.

— Сэр, я подготовил для вас информацию по сенатору.

— Слушаю вас, Диксон, мы одни.

Агент выглядел заметно смущенным. Частенько он по поручению секретаря выводывал человеческие сек-

реты, но сбор информации на членов правления ему не поручали еще никогда.

— Выяснилось, сэр, что сенатор Куртц является членом крайне радикальной евангелистской церкви, именуемой Церковью Откровения, здание управления которой находится на территории его избирательного округа. Сенатор Куртц состоит в рядах приверженцев этой церкви со дня своего рождения. Отец и мать его родом из семей, на протяжении нескольких поколений поставлявших ей священников. — Диксон сделал паузу, чтобы взглянуть, насколько удовлетворен секретарь Миллер добытыми сведениями.

Секретарь сделал знак продолжать.

— Сенатор не афиширует свое членство в Церкви Откровения, хотя дает утвердительный ответ, когда его об этом спрашивают. Сам себя характеризует как «преданный христианин». Однако подавляющим большинством евангелистских христиан вероучение этой церкви считается экстремальным.

Глаза секретаря сверкнули.

— Например? — живо спросил он.

Диксон шумно вздохнул.

— Видите ли, сэр, церковь эта, похоже, безоговорочно верит в Армагеддон: они дожидаются конца света, то есть, по сути, свято преданы идее его приближения, верят буквально каждому слову в Апокалипсисе. В частности, когда придет конец света, прихожане этой церкви вознесутся на небеса, оставив здесь всех нас принимать участие во вселенской кровавой войне между добром и злом.

Секретарь сидел, выпрямившись на стуле. На мгновение ему даже стало трудно дышать. А ведь правление наверняка не в курсе истинной приверженности Куртца. И хотя деятельность Корпорации, по сути, направле-

на на создание всеобщего хаоса и разрушения, несомненно, в ее планах нет непоправимого разрушения: главная и единственная задача — изменение баланса власти в свою пользу.

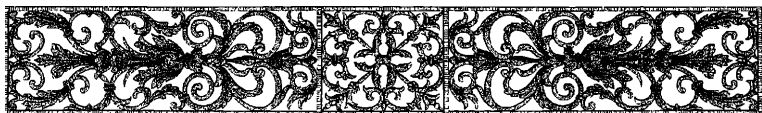
Миллер увидел, что Диксон ждет ответа, обеспокоенно глядя на него, и взял себя в руки. Время действовать пришло.

— Спасибо, Диксон. Вы, как всегда, потрудились на славу. Уверен, нет нужды просить вас держать эту информацию в тайне. Пожалуйста, приготовьте мне машину, я буду готов через пять минут.

Как только Диксон вышел из комнаты, секретарь Миллер встал и подошел к встроенному тиковому шкафу в углу. Достав из кармана ключ, он открыл дверь шкафа и проворно пробежался пальцами по цифровому кодонабирателю сейфа. Щелкнули замки, и четырехдюймовая стальная дверца распахнулась. Он запустил руку внутрь и вынул безобидный с виду коричневый конверт. Сложив его пополам, он сунул его во внутренний карман пиджака, закрыл дверцу и запер сейф.

Сердце Миллера бешено колотилось. Он пригладил волосы. Капельки пота собрались на висках. Поправляя пиджак, он недоверчиво покачал головой, подумав о дерзости и безрассудстве своих действий. Если кто-то узнает о том, что он творит, да хотя бы заподозрит — ему не дожить и до вечера. И, что особенно жаль, Диксона придется убрать.

Секретарь Миллер подошел к двери кабинета и опустил ладонь на ручку двери. Мрачная складывается ситуация. Одно утешало — информация о том, что «академиков» уже нет в живых.

Эрнан гнал машину уже четыре часа, отчаянно стараясь успеть доставить своих пассажиров в целости и сохранности к боливийской границе. Они обогнули с юга краешек берега величественного озера Титикака, изучившись его необъятным размерам. Куда ни глянь — всюду возвышались вершины Анд, одни прятались в облаках, другие были видны с поразительной четкостью на фоне завораживающей небесной синевы. Вдоль границ озера растительность была скудной. Их путь пролегал высоко над верхней границей лесов; в условиях бедной почвы и почти постоянного холода хорошо жилось только самым выносливым представителям горной флоры. Эрнан обратил внимание ученых на множество морских раковин у берега и другие свидетельства Великого потопа, достигшего Андского плато, — две мили над уровнем моря.

Они помчались дальше с головокружительной скоростью, пока не достигли развалин великой цитадели Тиуанако — заброшенного города в облаках.

Эрнан направил машину в тупичок на обочине современного шоссе, бегущего мимо древнего святилища, и заглушил двигатель. В четырех часах езды отсюда началась территория безопасной Боливии. На равнине перед ними широко раскинулся древний город, являющий

собой развалины величественных каменных зданий и высокие пирамидальные земляные курганы — свидетельства давно исчезнувшего жречества.

— Я хочу, чтобы вы уделите внимание этому месту, хотя бы только на минутку. Перед вами самое почитаемое наше святилище. В сердце этого разрушенного города находится осевший в землю храм, а внутри его — колонна из красного камня. На колонне высечено изображение мужчины. С бородой. Кто бы это ни был, он точно не инка.

Рутерфорд повернулся и вопросительно взглянул на Эрнана.

— Вы много видели в Перу индейцев с бородой?

Кэтрин медленно покачала головой.

— Это Виракоча?

— Да! Повсюду в этом древнем городе можно встретить высеченные изображения Виракочи и его спутников. На некоторых он изображен со слонами и лошадьми. В Южной Америке слонов нет уже больше десяти тысяч лет. Самая большая статуя представляет Виракочу в виде русалки или тритона. Верхняя половина туловища — человеческая, ниже пояса тело покрыто чешуей: он одет в некое подобие плаща из рыбьей чешуи.

Рутерфорда остро заинтриговал его рассказ:

— Секундочку! Я уже где-то видел такое изображение!

Эрнан опешил. Рутерфорд развернулся к нему и Кэтрин, лицо его пылало от возбуждения:

— Вы что-нибудь слышали о месопотамской мифологии? О халдеях — самой древней зарегистрированной цивилизации?

Эрнан покачал головой. Кэтрин тоже.

— Был такой полубог по имени Оаннес. Похож на человека, одежда из чешуи, и был он отчасти «земновод-

ным». Он учил темный люд читать и писать, возделывать почву, учредил разумную цивилизованную власть. В конце концов он оставил людей, исчезнув в морской пучине.

— Вот это да! Опять все очень смахивает на историю Осириса, — удивленно заметила Кэтрин.

— Вовсе нет! Вы же, наверное, слышали о майя, ацтеках и других древних цивилизациях Центральной Америки?

Кэтрин смутно припомнила, что знала об ацтеках, их пирамидах и поклонению солнцу. Пожав плечами, она сделала Рутерфорду знак продолжать.

— Майя поклонялись Кукулькану — Крылатому змею, а ацтеки — Кецалькоатлю, Пернатому змею: тот же персонаж, небольшое отличие в имени. Это было бородатое бледнолицее божество, в незапамятные времена прибывшее в Мексику из-за моря. Змей нес людям радости цивилизации. Наверняка ведь одно и то же лицо. И так же точно покинул их — ушел в море на плоту... Полагаю, причина, по которой Кортес, предводитель крохотной завоевательной армии испанцев, не был убит тотчас по прибытии к берегам Америки, в следующем: Монтесума, король ацтеков, увидев, что Кортес бледнолиц и бородат, решил, что это вернулся Кецалькоатль.

— Просто невероятно, — проговорила Кэтрин. — Теперь у нас имеются четыре явления народу этих загадочных бородатых бледнолицых — и все происходили в разных частях света.

Эрнан качал головой, удивленный не меньше ее.

— А здесь имеется более значительное свидетельство того, что Виеракоча жил задолго до зари нашей истории. Знает ли кто-то из вас о планировке древних мону-ментов в соответствии с проекциями созвездий и как при помощи компьютерной программы можно вычислить истинные даты строительства?

Кэтрин и Рутерфорд оба уверенно кивнули.

— Что ж, каменные блоки и статуи Тиахуанаки появились здесь все в одно и то же время в далеком прошлом. Многие астрономы и археоастрономы проверили это и нашли неопровержимым...

Кэтрин нетерпеливо перебила:

— Какой же именно срок?

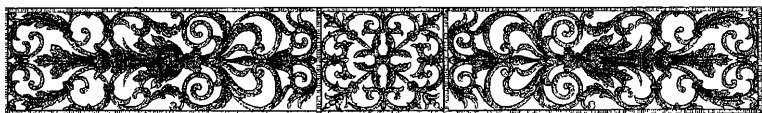
— Пятнадцать тысяч лет до нашей эры.

Все трое резко замолчали, задумавшись над идеей существования доисторической высокоразвитой цивилизации, которая благодаря необычайному интеллекту и поразительной энергии создала фантастический город, раскинувшийся сейчас перед ними. Кэтрин повернулась и посмотрела на обоих мужчин.

— Все это не помогает нам понять, почему профессор решил, что нас пытаются предостеречь. И что важнее всего, не помогает понять, почему существуют силы, настолько отчаянно пытающиеся держать в тайне информацию о прошлом, что готовы убивать невинных людей.

Слова Кэтрин поставили в тупик Рутерфорда и Эрнана. Мгновение спустя индеец, озабоченно оглядев спутников, повернул ключ в замке зажигания — двигатель с ревом проснулся.

— Все, больше стоять нельзя, — сказал он. — Я отвезу вас к индейцам аймара на границе — там их земли. Они сделают вам боливийские туристические визы и привезут в Ла-Пас. С их помощью вы выберетесь из Южной Америки живыми и здоровыми.

Сенатор Куртц выбрался из вертолета на ослепительное полуденное солнце. Пригнувшись под рассекающими воздух лопастями, он через небольшую посадочную площадку направился к краю просторной лужайки перед управлением Церкви Откровения.

Когда машина вновь поднялась в воздух, сенатор не смог удержаться от улыбки. В небе не было ни облачка, воздух был чист и прозрачен, и это было самое его любимое место на Земле. Душа просто отдыхала здесь, вдали от суеты Вашингтона и его работы в Корпорации. Но дело того стоило: очень скоро пророчества Апокалипсиса начнут сбываться, а сам он окажется среди немногих душ, которым будет дозволено вознестись и избежать мук, что обрушатся на все остальное человечество.

В ста пятидесяти ярдах по ту сторону идеальной лужайки, сверкая на солнце окнами, в блеске и великолепии вздымались новехонькие здания управления Церкви Откровения. Пересекая лужайку, сенатор чувствовал, как его переполняет гордость. Ему удалось получить большой кредит и за несколько прошедших лет увеличить доходы Церкви до сотен миллионов долларов в год.

Телестудия в центре комплекса — как бьющееся сердце Церкви. Само здание церкви напоминало греческий амфитеатр с подковообразным залом, вверх и в стороны расходящимися ярусами кресел и центральным поди-

умом — там мог встать проповедник, дабы придать больше силы и торжественности происходящему. На всю страну транслировались пылкие проповеди, воздались похвалы Богу, а удивительные истории о том, как Церковь изменила жизнь людей, рассказывались устами тех, кого преобразила религия.

Сенатор Куртц пронесся мимо улыбающегося портье. Дальше он шел по лабиринту коридоров — до тех пор, пока не достиг роскошной приемной. Толстые ковры и кожаная мебель придавали ей вид уютного номера пятизвездочного отеля. Негромко гудел кондиционер. Единственным атрибутом религии, да и вообще единственным украшением на спартанских стенах, был простой деревянный крест рядом с закрытой дверью в дальнем конце комнаты. На именной табличке над дверью было написано: «Преподобный Джим Уайт». Сенатор решительно пересек комнату и резко постучал в дверь. Секундой позже из-за двери хрипло гаркнули:

— Войдите!

Акцент был техасский, голос — энергичный.

Сенатор Куртц распахнул дверь настежь, шагнул за порог — и тут же был встречен громким радостным восклицанием.

Преподобный Джим Уайт был крепко сбитым мужчиной маленького роста, немного за пятьдесят, с приплюснутым боксерским носом и волевым лицом.

— Сенатор! Вот так сюрприз! А я ждал вас только завтра. — Преподобный поднялся из кресла и обошел письменный стол. Техасский говор, казалось, заполнил всю комнату.

Сенатор схватил протянутую руку, и двое мужчин обменялись рукопожатием, а затем обнялись, похлопав друг друга по спине. Обращение преподобного «сенатор»

к Куртцу было скорее шуткой: они знали друг друга с детства. Вместе они являлись тайными вдохновителями трансформации Церкви из малоизвестной секты в главную силу евангелистского движения. Они исколесили всю страну и силой веры, личного обаяния и харизмы убедили тысячи простых американцев стать своими последователями.

Сенатор Куртц отступил на шаг и оглядел друга с головы до ног.

— Так рад видеть тебя, Джим. Отлично выглядишь. Стал ходить в бассейн, как я советовал тебе?

Преподобный от души рассмеялся.

— Ха! Только когда выдается минутка. Дел по горло, пишем программы, транслируем, представляем новых важных членов общине... Порой и задуматься-то некогда. Но ты садись, садись — и рассказывай все по порядку.

Оба подошли к паре кресел, стоящих друг против друга за маленьким кофейным столиком. Оживленно-благодарное выражение лица преподобного мгновенно сменилось на предельно серьезное, и он стиснул подбородок пухлой ладонью.

— Итак, с какими ты ко мне вестями? Мы почти у цели?

Уверенно кивнув, тщательно взвешивая каждое слово, сенатор Куртц медленно проговорил:

— Джим, я считаю, что мы сделали это.

Лицо преподобного вновь осветилось. Он с трудом подавил восторг.

— Правда? Ты всерьез считаешь, что наш час вот-вот пробьет?

— Да, Джим, это так. Я не вижу, что может сейчас остановить нас. Честно говоря, не надеялся, что все так удачно сложится. Опасную ересь британского профес-

сора мы вымарали из истории. И маховик запланированного Корпорацией переворота уже запущен. Я лично присутствовал на заседании правления. Считанные дни отделяют нас от Армагеддона.

Глаза преподобного Джима округлились. Наконец-то после стольких испытаний они на пороге своей мечты. Сенатор продолжил:

— Прямо отсюда я полечу в Каир, там будет мой командный пункт. Со своими агентами в Израиле я связывался — они готовы. Нам удалось провезти мини-термоядерное устройство и установить его в мечети Аль-Аксы в Иерусалиме, чтобы приурочить его подрыв к началу глобального кризиса. Как я уже докладывал, наши люди пробрались через заброшенный древнеримский коллектор и заминировали Стену Плача. Когда она обратится в пыль, израильтяне автоматически отдадут приказ ВВС бомбить Мекку. Восток запылает. Уверен, Израиль не преминет использовать ядерное оружие, и по моим подсчетам в первые дни ожидаются потери свыше ста миллионов человек. Все это начнется по моей команде в понедельник утром, в день весеннего равноденствия.

Проповедник поднялся и вытянул правую руку с растопыренными пальцами к потолку роскошного кабинета. Широко распахнутые глаза влажно блестели. Громовым голосом он восторженно прокричал:

— Хвала Господу!

Мачу-Пикчу, отель «Руинас», 7.35 утра. Новенький японский внедорожник, взвизгнув покрывками, остановился перед входом. Из машины выбрались убийца профессора Кента и его сообщник: они казались совершенно неуместными здесь, на фоне сказочно красивых гор, на пыльном тротуаре перед отелем, среди неряшливо одетых андских крестьян.

Не теряя времени, оба направились в вестибюль отеля. За стойкой сидел пожилой мужчина, в углу горничная мыла шваброй пол. И портье, и женщина с удивлением посмотрели на вошедших. Редко можно увидеть в Мачу-Пикчу мужчин в костюмах и на новеньких машинах, однако каждый житель Перу от мала до велика знал, что стоять на пути у таких людей себе дороже. Прислонив швабру к стене, пожилая женщина поспешно ретировалась в коридор.

Убийца повернулся к своему спутнику и заговорил. Голос его был низким и полнился нотками разочарования и раздражения.

— Да говорю тебе, мы их профукали.

У спутника был обеспокоенный вид. Он решительно направился к стойке и рывкнул старику:

— Журнал регистрации сюда — вчерашние постельцы! Живо!

Испуганный портье принялся узловатыми пальцами листать книгу в кожаном переплете, стараясь найти нужную страницу.

— Дай сюда, старый болван.

Молодой человек выхватил книгу из рук старика и стал сам листать. Через несколько секунд его указательный палец остановился напротив фамилий двух постояльцев — Донован и Рутерфорд. Грязно выругавшись, он поднял глаза:

— О'кей, viejo, куда они уехали? *Dónde están los gringos?*

Глаза портье расширились от страха и непонимания. Он поковылял от стола к двери в комнату за его спиной. Молодой поднял доску стойки и последовал за портье в заднюю комнату. Старик съежился у стены подсобки и что-то забормотал на индейском диалекте. Терпение парня лопнуло, он заорал:

— Где Донован и Рутерфорд? *Dónde están Donovan and Rutherford?*

Портье рухнул на колени и отклонился, словно ожидая удара. На ломаном английском он выдал:

— Сеньор, иностранная пара уехала ночью.

— Куда, куда уехала-то?

— В сторону Боливии...

Молодой шагнул к нему и схватил за загривок:

— Одни уехали? Или кто-то поехал с ними?

— Да, сеньор... Да, сеньор. Они поехали с другом, с сеньором Флоресом.

К ним присоединился убийца. В отвращении он скривил рот.

— Они в курсе, что за ними гонятся. Надо торопиться.

Молодой швырнул старика на пол, и оба бросились вон из отеля.

Когда Кэтрин и Рутерфорд выбрались из машины и отряхнулись от пыли, Эрнан показал на хижину, служащую пограничным постом: рядом с ней виднелся одинокий джип, припаркованный на боливийской стороне.

— Вот кто вас подбросит. До Ла-Паса долетите вмиг. Водителя зовут Киттэ, по-английски не говорит совсем. Остановитесь у него и там спланируете безопасное возвращение домой.

Эрнан сложил ладони рупором и прокричал в направлении недвижимо замершего автомобиля:

— Holá, Quitte, estoy aquí con mis amigos! ¡Vámonos!*

Водительская дверь распахнулась, и с подножки соскочил невысокий улыбающийся индеец. Он помахал им, и Эрнан махнул ему в ответ, затем повернулся к ученым и стал прощаться. Глаза его горели, и весь его вид говорил о том, что он желает им удачи в их поиске.

— Друзья мои, удачи вам. — Он пристально посмотрел в глаза Кэтрин. — Но главное, будьте осторожны.

Кэтрин почувствовала, как к горлу подступил комок: в душе зашевелилось мрачное предчувствие.

— Почему вам не поехать с нами в Ла-Пас и не переждать несколько дней?

* Привет, Киттэ, тут со мной мои друзья! Подвези их! (*исп.*)

Эрнан улыбнулся и покачал головой:

— Нет, Кэтрин, я должен вернуться к родным и быть с ними — у нас все еще траур.

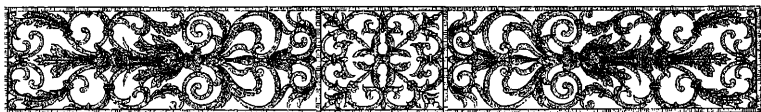
С этими словами они обнялись, и Кэтрин отстранилась с глазами, полными слез. Рутерфорд и Эрнан тепло пожали друг другу руки.

— Спасибо вам, Эрнан. Обещаю, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы узнать правду о Мигеле и профессоре и остановить Безумова.

Эрнан обнял англичанина.

— Джеймс, берегите себя. И свою красавицу спутницу.

Джеймс крепко сжал индейца в прощальном объятии.

В здании «Сотбис» на Нью-Йорк-авеню, в офисе всемирно известного манхэттенского торговца античными древностями, миловидная, ухоженная молодая женщина привела сенатора Миллера в темную комнату без окон. Рукой с идеальным маникюром, пошарив по стене у двери, она нащупала выключатель, и комната выплыла из мрака.

— Это картохранилище. Как видите, здесь нет окон, дабы не дать возможность естественному освещению испортить документ. Присаживайтесь, прошу вас. На стенах некоторые экземпляры нашей коллекции — возможно, они вас заинтересуют. Мистер Сильвер будет через минутку.

Секретарь внимательно осмотрел просторную комнату. В центре — стол для совещаний, окруженный удобными кожаными креслами. Над столом с потолка свисает специальная лампа, которую можно поднимать, опускать, направлять ее свет по желанию. Стены украшают старинные карты в рамах.

Девушка продолжила:

— Вот эта — подлинник карты, составленной Христофором Колумбом во время его первого плавания к Америке. Она в буквальном смысле слова бесценна, поэтому защищена пуленепробиваемым стеклом и нержавеющей рамой, встроенной в стену.

Девушка сверкнула белозубой улыбкой.

— Не желаете ли чая, кофе?

— Нет, благодарю, — пробурчал секретарь Миллер. — Как я уже говорил, я не коллекционер и считаю, что моя карта — копия, а не оригинал. Мне просто нужно заключение специалиста.

В этот момент девушка, продолжавшая стоять на пороге, резко обернулась:

— Ах, вот и он!

Бирон Сильвер, известный всему миру знаток древней картографии, вошел в комнату. Ему было под шестьдесят, но выглядел он старше. На нем была тройка в тонкую светлую полоску, на голове почти не было волос. Тонкое бледное лицо свидетельствовало о годах, проведенных в полутемных помещениях и библиотеках в изучении карт и рукописей. Сильвер протянул руку.

— Здравствуйте. Мистер Миллер?

— Здравствуйте. Спасибо, что сразу откликнулись на мою просьбу о встрече, мистер Сильвер.

Антиквар угодливо улыбнулся, хорошо поставленный голос был ласков, как шелк.

— Все хорошо, мистер Миллер. Тому, кто знает истинную цену моей экспертизе и готов, как вы, хорошо платить, я готов тотчас прийти на помощь.

Девушка вышла из комнаты, тихонько притворив за собой дверь. Сильвер жестом показал на стол:

— Приступим?

Секретарь Миллер подошел к столу и, сунув руку в карман пиджака, достал коричневый конверт. Осторожно оторвав край, он вынул лист с картой на нем и выложил на стол. Сильвер нахмурился, выудил из кармана складные очки для чтения и нацепил их на нос. Затем потянулся, включил над собой лампу и направил ее свет на карту. Секретарь Миллер наблюдал за ним, как яст-

реб, пытаясь заметить малейшее изменение выражения лица эксперта. Минуту спустя Сильвер поднял глаза и снял очки.

— Ну? Вы знаете, что это?

Сильвер глубокомысленно кивнул.

— Да, это копия карты Пири Рейса. А вы знаете, что это?

Секретарь Миллер раздраженно покачал головой.

— Эту карту, — продолжил Сильвер, — составил в средние века адмирал турецкого флота Пири Рейс. Изготовлена она по данным карт куда более ранних, карт очень древних — так, по крайней мере, утверждал адмирал. Предназначалась она в качестве навигационного пособия для турецкого флота на случай плавания в южных широтах.

Секретарь Миллер застыл в растерянности. Какое вообще отношение имеет к их делу эта карта? Зачем сенатор потребовал убить профессора и почему он так настаивал на уничтожении именно этой карты?

Однако Бирон Сильвер уже оседлал своего конька.

— На ней нанесена континентальная суша Антарктиды — что удивительно, свободная от льда. Следовательно, карта представляет собой большую редкость.

Секретарь Миллер сощурился:

— То есть на ней детально нанесена Антарктида? Как же такое возможно? Поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве этот материк не погребен подо льдом полностью?

Бирон Сильвер улыбнулся.

— Кто его знает... Вот потому-то карта и ценна — куда выше своей исторической ценности. Коллекционеры обожают экспонаты, окруженные тайной. Всякий раз, когда нам посчастливится заполучить такой вот загадочный артефакт, как, например, карта Пири Рейса, он вызывает колоссальный интерес.

Бирон Сильвер выключил лампу и почти рассеянно добавил:

— В подобных случаях мы всякий раз получаем разгневанные жалобы от наших клиентов... как бы так правильнее выразиться... с более религиозными склонностями.

Секретарь Миллер замер:

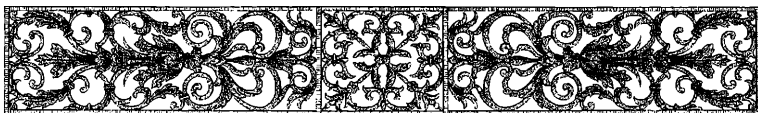
— Что? Почему?

Бирон Сильвер быстро обернулся и взглянул на него — он почувствовал напряжение в голосе клиента.

— Я всего лишь хочу сказать, что есть на свете люди, которым не по душе артефакты, могущие поставить под вопрос библейское толкование прошлого.

Кровь застыла в жилах секретаря Миллера. Он с ужасом опустил взгляд на карту. Выходит, профессор никогда не представлял угрозы для Корпорации. Сенатор просто использовал ее агентурную сеть в личных целях. Это неслыханно. Является ли секретарь Миллер просто орудием в планах сенатора? Неужели вся работа Корпорации — это подготовка к реализации его религиозных планов?

Вот он, шанс, подумал секретарь Миллер. Однако сначала необходимо критически обдумать свое положение. Обязанности в планах Корпорации ему все же придется пока выполнять, поскольку сигнал к старту операции в понедельник утром уже отдан. Но перед стартом он нанесет удар — он бросит вызов в лицо сенатору. И момент этот нужно тщательно продумать, иначе его незамедлительно постигнет участь профессора Кента.

В то время как машина спускалась по головокружительному серпантину дороги из Альто-Плано к столице Боливии, Кэтрин и Рутерфорд сидели, погруженные каждый в свои мысли. Улыбчивый, полный энергии Киттэ вел машину умело и быстро.

Кэтрин смотрела на долины и горные вершины — и думала о профессоре, гадая, что бы он предпринял на ее месте. Ей болезненно не хватало старого друга — его авторитета и доброты. Рутерфорд, который до этого молчаливо размышлял, сейчас обратил внимание на потрясающие красоты Анд. Нахмурившись, он глядел в окно, жадно вбирая взглядом ландшафт, будто надеясь отыскать в нем ответы. Затем вдруг повернулся к Кэтрин.

— Вы слышали об эпосе о Гильгамеше?

Она посмотрела ему в глаза. Рутерфорд с надеждой поднял брови. Кэтрин покачала головой.

— На этой истории основывается библейское предание о Ное. Первая запись об этом датируется примерно двухтысячным годом до нашей эры. Но скорее всего, эпос гораздо старше. Гильгамеш был царем шумерского города Урука, и вот он рассказывает, как встретил другого царя Утнапишти, жившего еще до потопа. Один из богов предупредил Утнапишти о грозящем потопе, и тот построил лодку, взял на борт разнообразных животных и все известные виды семян. Вскоре разразил-

ся страшный шторм, а потом не стало ничего — одна вода, всюду, докуда хватало глаз. Утнапишти выпустил голубку...

Тут Кэтрин прервала его:

— Странно... Выходит, авторы Ветхого Завета целиком позаимствовали историю.

— Ну а почему нет? История-то хорошая. Можно допустить, что Утнапишти послужил символом, ярким представителем тех, кто выжил после потопа. В противном случае человеческая раса не возродилась бы и не достигла сегодняшних размеров. Эти мифы — первичное доказательство катаклизма, едва не уничтожившего всех наших предков. Человечество было стерто с лица земли почти полностью.

— Ого, вот это мысль!

— Согласен. Но это и единственная причина, почему страшная история о потопе жива во многих мировых культурах. Эта наше самое раннее общее воспоминание... Ведь существует множество других описаний катаклизма, с землетрясениями, и огнем, и холодом — и все они на первый взгляд совпадают с преданиями о потопе. Например, манускрипты зороастрийцев.

— Зороастрийцев? — нахмурилась Кэтрин, — кто это?

Рутерфорд терпеливо объяснил:

— Последователи пророка Зороастры, также известного под именем Заратустра, или Заратуштра. Религия зороастрийцев существует и в наши дни, хотя осталось их всего лишь несколько сотен тысяч и живут они в основном в Индии, в Бомбее. Согласно легенде, Зороастре было откровение божье.

Кэтрин усмотрела параллель:

— Так он — как Мухаммед для мусульман или Моисей для иудеев?

— Да. Только Заратустра старше, он жил еще до двухтысячного года до нашей эры. Зороастрийцы, считающие, что их народ родом с севера России, верят, что когда-то дьявол решил уничтожить Арйана Вэджа — зороастрийский рай, находившийся где-то в Сибири. Вместо того чтобы затопить его, он его заморозил. Манускрипты рассказывают, как некогда красивая земля вдруг покрылась снегом и льдом и навеки ушла под воду.

Кэтрин с интересом слушала.

— Довольно своеобразная судьба — и это совсем не похоже на выдумку.

— Верно. А ведь и у викингов есть похожие предания, — вдохновенно продолжил Рутерфорд. — Они верили, что были времена, когда казалось, что земля навсегда погрузится в хаос. Урожай погиб, разразилась война, всюду повалил снег. После похолодания землю повсеместно охватили пожары. Дотла сгорело все живое. И в конце концов, будто земля недостаточно настрадалась, внезапно моря вышли из берегов и похоронили сушу под водным покровом.

С этими словами Рутерфорд хлопнул в ладоши. Кэтрин задумалась над страшным преданием викингов.

— Проблема в том, что нигде, ни в одном из мифов, которые вы сейчас пересказали, не говорится о том, что конкретно стало причиной глобальной катастрофы. Если мы не узнаем причину, как нам удастся избежать судьбы предков?

Рутерфорд принялся размышлять вслух:

— И все же профессор был убежден, что именно об этом говорится в зашифрованном сообщении.

— А может, следует взглянуть на проблему в другом ракурсе?

— Это как же?

— Ну, например, вместо того чтобы полагаться исключительно на нашу способность толковать предания

для выяснения того, что погубило Древний мир, почему бы не попытаться найти другое свидетельство природного катаклизма? Если использовать чисто геологические источники или же ископаемые доказательства, можно будет, наверное, установить временные рамки этого драматического периода в истории планеты. А если удастся как-то согласовать технические данные исследования с преданиями — можно будет определить относительно точное время гибели Древнего мира, — предположила Кэтрин.

Рутерфорд одобрительно кивнул:

— Вот только поможет ли это нам понять, почему он погиб? Поможет ли понять предостережение?

— Несомненно. Вы подумайте. Если известно, каков был характер катаклизма, то установить возможные причины намного проще. — В глазах Кэтрин блеснул огонь, и она шлепнула ладонью по спинке переднего сиденья.

— Фон Дехенд!

Рутерфорд решительно кивнул:

— Именно! Тем более мы знаем: ему можно доверять... Надо немедленно возвращаться в Оксфорд.

Эрнан вел машину по пустым дорогам Альто-Плано — назад, в Куско. С момента смерти брата он находился словно в полусне: все происходящее казалось далеким от реальности. Хотя они с братом были настороже, подозревая об опасности, беда застала врасплох. Но с появлением двух ученых в душе Эрнана вдруг слабо затеплилась надежда.

«Теперь мы хотя бы знаем, что смерть профессора Кента и Мигеля не была напрасной, — он подумал о том, что сейчас Кэтрин и Рутерфорд уходят от погони, и пожелал им удачи. — Они должны вырваться».

И тут он заметил впереди машину, стоящую поперек дороги. По обе стороны шоссе тянулась каменистая почва с булыжниками и промоинами — объезда не было.

Джип Эрнана остановился, не доезжая пяти ярдов до стоящей машины, из-за которой вышел европеец в черном костюме и темных очках. Эрнан в ужасе смотрел, как человек поднял револьвер, целясь через ветровое стекло прямо ему в лицо.

Через мгновение Эрнан понял, что происходит. Он вдавил педаль газа в пол и с грохотом врезался в стоящий внедорожник, заставив потерявшего прицел незнакомца отскочить в сторону. Эрнан резко дал задний ход, переключил передачу и вновь утопил педаль, но в последний момент успел заметить нацеленное на него дуло пистолета второго человека — в метре от водительской двери.

Затем раздался оглушительный грохот, и Эрнан как бы со стороны увидел себя лежащим поперек переднего пассажирского сиденья, с мучительной болью пытающегося сделать хоть глоток воздуха. Вокруг все казалось влажным. Ухватившись правой рукой за руль, он попытался сесть, но тут же бессильно повалился обратно.

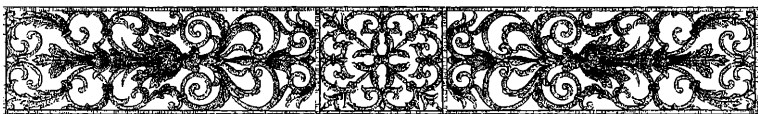
Эрнан услышал, как открылась пассажирская дверь, и почувствовал, как в карман намокшей от крови одежды лезет чья-то рука. Затем раздался голос:

— Он самый. А этих нет.

Второй голос:

— Ладно, поехали. Догоним. Забери документы и мобильник. И кончай с ним.

Эрнан, застонав от боли и шока, тщетно попытался привстать. Он вспомнил брата. Он вспомнил Кэтрин и Рутерфорда — вдвоем они стояли рядом, одни, среди ночи... Он попытался позвать их, но было слишком поздно...

«Апач» — гражданский вариант вертолета ВВС США — гигантской саранчой присел на вертолетной площадке Церкви Откровения; лопасти винта вращались с неприятным воем.

Сенатор Куртц и преподобный Джим Уайт стояли на пороге собора. Последние скупые слова были произнесены, и оба на прощание обнялись. Их совместный путь близился к концу. В этот момент оба думали об одном: как далеко они зашли, чего достигли. Ведь, по сути, церковь была построена буквально из ничего, на пустом месте, и это было настоящим чудом.

Сенатор уверенно прошагал через лужайку, неся в руке небольшой чемодан. Подойдя к вертолету, он инстинктивно пригнулся и, стремительно миновав двух телохранителей, забрался по выдвижному трапу в нутро машины. Дверь за ним тут же захлопнулась, и он нетерпеливо поправил всклокоченные волосы. Со ступеней церковного крыльца преподобный Джим Уайт наблюдал, как вертолет поднялся и полетел прочь. А вместе с сенатором улетели и все надежды подарить спасение избранным детям божьим. Он повернулся спиной к лужайке и, растворившись в полутьме соборного чрева, вернулся к своим молитвам.

Внутренняя отделка вертолета разительно отличалась от интерьера его военного близнеца. Матовая, черная с зеленым схема окраски полностью отсутствовала. Стены покрывали деревянные панели и видеомониторы; ящи-

ки с боеприпасами и снаряжением и металлические сиденья были заменены на кожаные банкетки. Дубовый офисный стол стоял в конце шестидесятифутового фюзеляжа, за столом — удобное кожаное кресло.

Как только звуконепроницаемые двери захлопнулись, наступила восхитительная тишина. Сенатор уселся за стол и достал из нагрудного кармана плоский мобильный телефон. Нажав кнопку ускоренного набора, он поднес телефон к уху. Дождаясь ответа, он пристально смотрел на открывшийся внизу вид штаб-квартиры Церкви Откровения. Здания становились все меньше и меньше — пока не обратились в крохотную россыпь белых точек.

Но мыслями сенатор был уже не здесь. Сегодня пятница, полдень. Ждать победы оставалось всего два дня.

Телефон ответил. Женский голос быстро и четко проговорил:

— Глобальные операции, слушаю вас, сэр.

Сенатор откинулся на спинку кресла, на лице — предельная сосредоточенность. Тщательно проговаривая слова, он сказал в трубку:

— Секретаря Миллера мне. Это сенатор Куртц.

В голосе девушки появились беспокойные нотки:

— Да, сэр. Сию минуту, сэр.

Она появилась только минут пять спустя — теперь в голосе явно слышался страх.

— Прошу прощения, сэр, но я пока не могу найти секретаря Миллера.

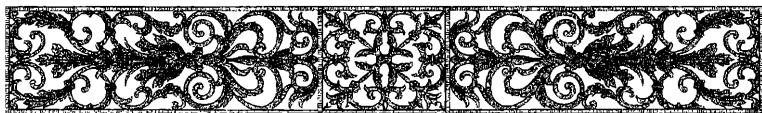
Лицо сенатора потемнело.

— Вот что я тебе скажу, дорогуша. Приподними-ка свою задницу, живо топай к секретарю и скажи ему, что, если он через десять минут мне не перезвонит, всю ответственность я возложу на тебя персонально, ясно тебе?

Секретарь Миллер почувствовал, что смертельно устал. Сидя в своем кабинете, он, не отрывая взгляда от телефона, устало покачал головой. Секретарша продолжала докучать ему. Выругавшись сквозь зубы, он набрал номер и поднес трубку к уху. На том конце тотчас ответили. До тех пор, пока он не решился на открытую конфронтацию с сенатором, конечно же, не следует слушаться приказов. Это только возбудит подозрения. Еще две загубленные невинные души, если, конечно, они были невинны, не значили ничего в вихре великого замысла. В любом случае, вполне возможно, что ученые узнали о Корпорации слишком много. Его собственная безопасность и целостность Корпорации должны стоять на первом месте.

— Так, теперь слушайте меня внимательно, — проговорил в трубку сенатор Куртц. — В Перу имел место прокол. Мы ищем двух человек. Первый — Джеймс Рутерфорд, гражданин Великобритании, возраст — под сорок. Вторая — Кэтрин Донован, гражданка США, под тридцать. Это понятно? Немедленно свяжитесь с Великобританией. Узнайте номера мобильных телефонов разыскиваемых, сообщите номера руководителям оперативных служб в Лиме и Ла-Пасе и отдайте приказ к немедленному их поиску. Я требую стрелять в них без предупреждения. На данный момент это глобальная задача номер один. Об исполнении доложите мне немедленно.

Семья Киттэ проживала в квартире типового десятиэтажного дома в центра Ла-Паса. Он припарковал машину на узкой, похожей на расщелину улочке, по обеим сторонам которой также стояли машины — все они выглядели так, словно знавали и лучшие деньки. Киттэ подвел их ко входу в дом, толкнул перед собой створку распахнутых двойных дверей, и они окунулись в острый аромат жареного чили. В маленьком вестибюле слева от входа располагался лифт. Справа — обветшалая каменная лестница, ведущая на верхние этажи. Киттэ что-то говорил и помогал себе жестами, тыча пальцами в воздух. Рутерфорд вытянул шею, глядя вверх на темные пролеты десяти этажей лестницы. Повернувшись к Кэт-рин, он сказал с улыбкой:

— Он, похоже, хочет сказать, что лифт не работает.

Закинув рюкзаки за плечи, они последовали за индейцем.

После грязи улиц и немного депрессивной обстановки лестницы интерьер квартиры оказался приятным сюрпризом. Дверь с площадки открывалась в короткий коридор, который вел в большую гостиную. Имелся скромный балкончик, места на нем хватало ровно на то, чтобы разместить пару стульев, но сама комната была светлой и просторной: по обе стороны балкона были окна, выхо-

дящие на фронтон здания с видом улицу. Из гостиной маленький коридор выводил к трем спальням и ванной.

Задрапированная цветастыми индейскими тканями мебель была почти вся из дерева, ручной работы. Повсюду были разбросаны детские игрушки, а на большом столе в центре — очевидно, обеденном для всей семьи, — оставалась не убранная с завтрака посуда. Семья была явно ниже среднего достатка, но разумно использовала скудные ресурсы, и в квартире было очень уютно. Кэтрин улыбнулась Киттэ.

Индеец тепло улыбнулся в ответ, а затем повел гостей по коридору к одной из спален, где они и оставили свои вещи. Он показал им маленькую кухню, где только что сварили кофе, а затем, безостановочно жестикулируя, дал понять, что ему нужно отлучиться на час, прежде чем они вновь отправятся в путь.

Как только Кэтрин закрыла дверь за вышедшим Киттэ, она вздохнула с облегчением.

— Джеймс, я впервые за это время почувствовала себя в безопасности! — Раскрыв свой телефон, она стала набирать номер Эрнана.

— Я только быстренько скажу Эрнану, что мы в порядке.

Рутерфорд сделал большой глоток кофе и облокотился локтями на стол. «Устал как собака», — подумал он.

Телефон выдал один гудок, второй, третий. Кэтрин почувствовала, как холодок побежал по спине.

И тут вдруг гудки прервались. На том конце взяли трубку. С облегчением Кэтрин воскликнула:

— ¡Hola! Эрнан, это я.

В ответ — молчание.

— Эрнан? Это ты? Алло!

В трубке раздался шорох, затем на том конце дали отбой и отключили телефон. Кэтрин и Рутерфорд взглянули друг другу в глаза, разом подумав о том, чего ни один из них не хотел допустить.

В Ла-Пасе, на 65-м этаже недавно построенного небоскреба, пухлый коротышка сидел за столом новенького кабинета с наушниками на голове. Кабинет был необычайно светлым благодаря окнам от пола до потолка. Человек сидел в окружении телевизионных мониторов и разнообразного электронного и компьютерного оборудования.

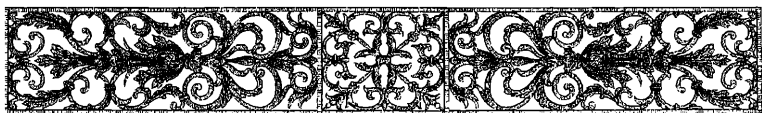
Из огромных окон открывался панорамный вид. Внизу клубящийся коричневый смог накрывал Ла-Пас. На грязных улицах бурлила жизнь. Маленькие машины ползли в пробках, крохотные люди спешили по тротуарам.

Пухлый человечек был одет в белую рубашку с засаленным темно-синим галстуком. Пятна пота широко расплылись под мышками. Но потел он не от жары — кондиционер исправно работал. За спиной у человечка весь в черном, с хмурым презрением на физиономии стоял убийца профессора. Человечек резко сдернул на шею наушники и стал что-то лихорадочно царапать в блокноте, лежащем на столе рядом с клавиатурой. Затем он вскочил, вырвал листок из блокнота и, размахивая им, закричал:

— Босс! Босс! Я засек их!

Убийца выхватил у него листок и прочитал адрес.левой рукой он достал из кармана мобильный телефон, распахнул его и, не отрывая взгляда от листка, прижал к уху. Секундой позже он прорычал:

— Мы их вычислили. Поехали.

Пытаясь хоть как-то отвлечься, Кэтрин побрела в гостиную. Она взяла с книжной полки атлас, а Рутерфорд устало рухнул на диван. Кэтрин села за стол и, раскрыв атлас, принялась рассеянно листать глянцевые страницы. Взгляд ее задержался на развороте с картой мира, и она, отыскивая на карте древние святилища, шепотом проговаривала их координаты.

Вдруг она обеспокоенно нахмурилась. Сердце учащенно забилося, когда в душе родилось знакомое чувство — словно глядит она в бездонную черную пропасть минувших веков и из ее глубин кто-то шлет малопонятные сигналы — такие же древние, как само время.

— Джеймс, Джеймс, проснись!

Кэтрин принялась тормошить Рутерфорда за плечо. Джеймс застонал, очнувшись лишь наполовину.

— Ну что стряслось?.. Я так устал...

— Джеймс, тут такое! Выводы просто дикие, но... Сейчас сам увидишь...

Кэтрин схватила ручку и принялась что-то рисовать на карте.

Рутерфорд сел, замороженно следя за ее рукой.

— И что?

— Увидишь. Ну, вот. Представь, что нулевой меридиан не в Лондоне, а в Гизе, в Египте — точнее, на том месте, где стоит пирамида Хеопса, — как говорил Безумов.

Кэтрин вновь принялась выставлять на карте координаты всех святилищ, принимая Гизу за нулевой меридиан.

— Видишь? Катманду точно в пятидесяти четырех градусах к востоку от Гизы. Пятьдесят четыре градуса на восток от Катманду — священный остров Яп. Ангкор — точно в семидесяти двух градусах к западу от Гизы, а Нан-Мадол* — точно в пятидесяти четырех градусах к востоку от Ангкора. Это просто невероятно! Смотри, даже Раиатеа** лежит точно в ста восьмидесяти градусах на восток от Гизы!

Кэтрин заглянула Джеймсу в глаза — понял ли он ее.

— Неужели не понимаешь? Обрати внимание: все цифры — целые числа, но самое странное то, что они все кратны шести или двенадцати. Случайным совпадением здесь и не пахнет.

Рутерфорд сосредоточенно вглядывался в карту, и до него начала доходить суть замечательного открытия Кэтрин:

— Ты хочешь сказать, что все эти древние святилища были сознательно размещены в соответствии с неким глобальным планом?

Глаза Кэтрин сверкнули:

— Да! А расстояния между ними — особо интересная деталь: пятьдесят четыре, семьдесят два — это прецессионные числа.

— Прецессионные? — переспросил Рутерфорд.

— Что тебе известно об астрономии и движении нашей планеты?

* Нан-Мадол — искусственный архипелаг из 92 островов, связанных системой каналов, известен также как Тихоокеанская Венеция.

** Раиатеа — один из островов архипелага Общества. Раиатеа называют колыбелью полинезийской цивилизации.

— Не так уж много. Знаю, что Земля делает оборот вокруг своей оси каждые двадцать четыре часа. Что она завершает полный круг по орбите вокруг Солнца каждые триста шестьдесят пять дней, что ось вращения наклонена к плоскости эклиптики и величина наклона колеблется между двадцатью одним и двадцатью четырьмя градусами, а период этого колебания — сорок одна тысяча лет.

— Похвально. Только планета наша совершает еще одно движение. Сама ось вращается в направлении, обратном вращению планеты.

— Как это?

— Представь Землю вращающимся волчком, движущимся по орбите вокруг Солнца. Волчок вращается вокруг своей оси, движется вокруг Солнца — и плавно меняет наклон, при этом ось, в свою очередь, медленно вращается по конусу в направлении, обратном вращению планеты. Обратное вращение земной оси и называется прецессией. Чрезвычайно важен тот факт, что все эти движения идеально регулярны. Полный оборот оси занимает двадцать пять тысяч семьсот семьдесят шесть лет.

Рутерфорд кивнул.

— Все это, конечно, здорово, да только откуда древние знали о прецессии? Если этот процесс такой медленный, через сколько поколений возможно заметить какое-то существенное движение?

— Я бы даже и не задумалась о том, в состоянии ли были древние понимать, что такое прецессия, прежде чем мы предприняли эту поездку, но теперь начинаю задаваться этим вопросом. Считается, что Гиппарх, древнегреческий астроном, черпал данные для своих расчетов в астрономии Александрии и Древнего Вавилона. Когда он сравнил их, то заметил, что существует различие в расположении звезд, — тогда у него и родилась идея

о прецессии. Возможно, он не был первым, вполне вероятно, что до него о прецессии просто забыли.

Рутерфорд нахмурился:

— Ну, хорошо, только это все равно не объясняет, почему вообще древние ссылались на прецессию. Чем она была так важна для них?

Кэтрин несколько мгновений молчала.

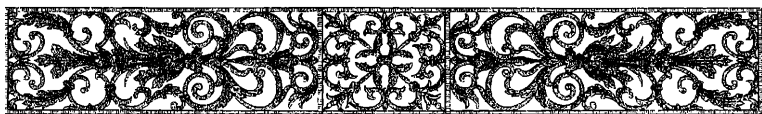
— Знаешь, когда до меня дошло, что прецессионные числа могут играть важную роль в размещении всех этих памятников, я вдруг поняла, что одно из основных прецессионных чисел все время появляется в легендах и мифах, которые мы изучали.

— Вот как? И какое же?

— Ты говорил, Осириса убили семьдесят два заговорщика, а еще семьдесят два храма в Ангкор-Вате... Так что, вероятно, семьдесят два и есть главное прецессионное число. Семьдесят два года требуется оси вращения Земли, чтобы прецессировать на один градус. Вполне возможно, существуют и другие примеры.

Глаза Рутерфорда расширились от удивления.

— Боже мой, ты ведь абсолютно права. Семьдесят два! Так и есть! Мы вплотную приблизились к разгадке кода.

Сонливость Рутерфорда как рукой сняло. Мысленно он пробежался по всем известным ему древним мифам.

— А существуют другие прецессионные числа? Или число семьдесят два и числа, кратные двенадцати, уникальны?

Кэтрин на секунду задумалась, затем сказала:

— Вовсе не уникальны — есть и другие: тысяча во-семьдесят, две тысячи сто шестьдесят, четыре тысячи триста двадцать...

— Стоп! Какое последнее?

— Количество лет, которое необходимо Солнцу для прохождения через все дома зодиака*, равняется четырем тысячам тремстам двадцати.

Рутерфорд будто увидел перед собой призрака:

— Невероятно, просто невероятно...

Кэтрин ухватила его за руку:

— Что?

Глаза его восхищенно сверкали:

— Самый древний загадочный текст на хинди, Риг-веда**, составлен из более чем десяти тысяч восьмиста стансов, а все произведение насчитывает около четырех-

* Астрологические дома, или дома гороскопа (иногда — поля гороскопа), — секторы эклиптики.

** Ригведа — собрание преимущественно религиозных гимнов, первый известный памятник индийской литературы.

сот тридцати двух тысяч слогов. В гематрии ключ обычно скрывается в порядке чисел — не важно, оканчиваются ли они на ноль. А мы знаем, что ключ должен быть единым, глобальным, и вот перед нами главный текст индуистской религии — и в самой его структуре скрыты два прецессионных числа.

Рутерфорд заглянул Кэтрин в глаза. Она широко улыбнулась ему.

— Вот так: мы напали на золотоносную жилу. Только руку протяни — и код наш. Где еще встречаются эти числа?

— Да где угодно. Знаешь, так получается, будто все эти предания созданы для того, чтобы все время напоминать нам одни и те же числа независимо от сюжета истории и места ее происхождения. Есть такая древнееврейская книга «Каббала». Чтобы дойти до Господа, необходимо преодолеть семьдесят две тропы. Бероссус, вавилонский историк, описавший Оаннеса, говорит, что до потопа существовала династия царей, правивших Вавилоном, и правление их длилось четыреста тридцать две тысячи лет. Что еще интереснее, Бероссус утверждает, что от сотворения мира до начала потопа прошло двести шестнадцать тысяч лет, а две тысячи сто шестьдесят — это количество времени, необходимое для прохождения одного дома зодиака.

— Точно...

— И в гематрии! Помнишь, мы подсчитывали числовое значение имен Иисуса и Марии на греческом: восемьсот восемьдесят восемь и сто девяносто два? Теперь сложи их — и получишь тысячу восемьдесят — прецессионное число...

— ...цифровое значение которого равняется радиусу Луны в милях! — воскликнула Кэтрин, едва веря происходящему. — Господи, все эти совпадения начинают

всерьез меня пугать. Ведь наверняка существует связь между прецессией и гибелью Древнего мира.

— Да, — кивнул Рутерфорд, — древние просветители будто напоминают нам: каждый раз, когда Земля завершает двадцатипятишеститысячелетний цикл «качения», на мир обрушивается страшный катаклизм.

Прикрыв глаза, Кэтрин попыталась собраться с мыслями.

— Джеймс, есть что-то еще во всем этом... И есть Безумов. Помнишь, что сказал Эрнан? Электромагнитные потоки, которые Безумов намеревается «запрячь», неразрывно связаны с орбитальным движением Земли. Очень хочется верить, что древние могли влиять на эти потоки энергии. Не знаю, для чего они это делали, — может, для получения энергии, может, для изменения движения планеты. По-моему, Безумов уверен, что он в состоянии вновь запустить эту машину. А вот я уверена в том, что неправильное использование технологии древних может стать фатальным.

Рутерфорд слушал, и ужас охватывал его. Он тихонько выругался.

— Этот русский просто псих! Ну посуди сама — как он это сделает? Одно дело — обнаруживать руины древних технологий, и совсем другое — придумывать, как эти технологии оживить и использовать.

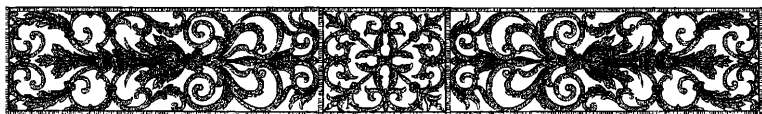
— Джеймс, у фон Дехенда надо искать причину и время катаклизма, а еще — точное описание того, что тогда могло произойти. Только после этого мы сможем выяснить, почему профессор был убежден, что его предостерегают. Поскольку на данный момент непонятно, каким именно образом прецессия связана с катаклизмом и с какой целью нас предупреждают. И может ли произошедшее с древними случиться с нами. Профессор Кент, похоже, именно так и думал, но почему?

Рутерфорд вздохнул и посмотрел Кэтрин в глаза. Кэтрин улыбнулась и опустила руку ему на колено.

— Джеймс, мы сделаем это. Главное — не останавливаться, идти до конца. Но надо спешить.

Рутерфорд взял ладонь Кэтрин и крепко сжал в руках. Ей так хотелось обнять его, но она чувствовала, что время просто тает на глазах, к тому же Кэтрин смущало то, что она так разволновалась. От его прикосновения ей сейчас хотелось забыть обо всем на свете — об этой отчаянной гонке, об опасности, угрожавшей обоим...

Но как только она раскрыла рот, чтобы сказать что-то, безмятежное спокойствие блочной многоэтажки Кит-тэ разлетелось в клочья: с улицы донесся звук выстрела.

Кэтрин вышла на лестницу и, глянув вниз, увидела поднимающихся троих или четверых мужчин — они постучались в дверь квартиры ниже этажом. Она задвинула засов и, развернувшись к гостиной, прижалась спиной к двери. Лицо ее побелело от страха. В дрогнувшем голосе слышалось отчаяние:

— Они здесь... Идут наверх...

С лестницы доносились испуганные крики жильцов.

Рутерфорд вышел на балкон и быстро посмотрел вниз, пытаясь разобраться в происходящем на улице. Его объел ужас, когда он увидел тело Киттэ, распростертое на тротуаре перед входной дверью: вокруг стояли трое в черном, а проезд по узкой улице блокировали два больших черных джипа. Пока Рутерфорд пытался осознать увиденное, один из парней в черном показал на него и заорал по-английски:

— Вот он! Седьмой этаж. Вперед!

Рутерфорд метнулся назад в комнату. Кэтрин в панике пыталась закрыть дверь на второй замок. Поборов свой страх, Рутерфорд придумал, что делать.

— Так, бери паспорт и деньги! Быстро! И давай за мной... Карты не забудь!

Он рывком распахнул свой рюкзак и вытащил бумажник. Сунув его в карман брюк, он подошел к двери и стал открывать ее. Кэтрин поспешила за ним, сжимая в руке

свой паспорт и бесценный конверт с картами. Она ухватила его за плечо.

— Отсюда не выйти!

Рутерфорд распахнул дверь и повернулся к Кэтрин, глаза его блеснули.

— Другого пути просто нет.

Вцепившись в его руку, она вышла на площадку. Дверь за ними захлопнулась. Рутерфорд заглянул через перила вниз. Люди с пистолетами в руках пробирались вверх сквозь толпы напуганных жильцов, высыпающих на лестничные площадки. Он повернулся к Кэтрин и жестом показал: наверх. Не оборачиваясь, она бросилась вверх по ступеням; Рутерфорд последовал за ней, поглядывая через плечо.

Преодолев лестничные пролеты трех этажей, они достигли площадки десятого. Индейская женщина глядела на них через щель чуть приоткрытой двери. В конце площадки была еще одна дверь, явно ведущая на крышу. Они побежали к ней. Рутерфорд схватился за ручку и едва не сорвал дверь с петель — она была открыта. Минув короткий пролет ступенек, они выбрались на крышу. Дверь за ними захлопнулась.

Крыша была площадью около ста квадратных ярдов. По периметру шел бортик примерно по колено высотой. Здесь и там торчали телеантенны. Кэтрин с отчаянием взглянула на Рутерфорда.

— И что теперь?

Рутерфорд подбежал к бортику и глянул вниз: соседнее здание отстояло лишь на ярд в сторону и вниз от того, на крыше которого они находились.

«Не так уж и далеко — можно перескочить...»

— Скорее, Кэтрин, будем прыгать.

Кэтрин подбежала к краю и посмотрела на соседний дом. Затем, держа за руку Рутерфорда, перегнулась и

взглянула на узкую пропасть, разделяющую два здания. Лицо ее скривилось:

— Я боюсь высоты.

Рутерфорд шагнул на бортик и протянул ей руку.

— Вставай рядом. И смотри только вперед, на горизонт.

Глубоко вздохнув, Кэтрин сделала как он просил. Они застыли на бортике, правая рука Кэтрин сжимала левую Рутерфорда.

— Так. На счет «три» ты должна прыгнуть как можно дальше, а как только почувствуешь под ногами крышу — постарайся перекатиться.

Кэтрин оглянулась на дверь. Она готова была закричать от страха. Необъятное небо казалось бездонным и удивительно синим. Она закусила губу и, прикрыв глаза, кивнула.

Рутерфорд чуть согнул ноги в коленях, взялся покрепче за руку Кэтрин, помолился про себя и весь подобрался для прыжка.

— Раз... два... три!

С громким глухим звуком они приземлились на бетонную крышу соседнего дома. В попытке смягчить приземление Кэтрин Рутерфорд сильно ударился плечом. Оба поднялись на ноги, Рутерфорд скривился от боли. Посередине крыши торчала невысокая кирпичная будка, из которой можно было выбраться на лестницу.

Дверь будки тоже оказалась открытой. На пороге Кэтрин обернулась на крышу дома Киттэ — их преследователи еще не появились. Рутерфорд перепрыгивал сразу через две ступени, но на площадке врезался левым плечом в стену. Не останавливаясь, они бежали вниз по лестнице мимо дверей квартир, пока наконец не очутились в фойе первого этажа. Кэтрин приоткрыла дверь и осторожно выглянула на улицу. Никого. Она обернулась к Рутерфорду и осторожно тронула его за плечо:

— Кажется, чисто. Теперь — бегом, куда-нибудь в переулки, затеряться... Как ты, Джеймс?

Рутерфорд поморщился и кивнул:

— Бежим отсюда...

Через пять минут, все еще во власти страха, Кэтрин и Рутерфорд вынырнули из одного из многочисленных переулочков Ла-Паса на суматошный уличный рынок Сан-Сальваторе. Вид у них был встревоженный, и единственное, что они имели при себе, — это паспорта и деньги.

Рынок на старинной улице растянулся почти на полмили до Калле Сан-Сальваторе: по обе стороны располагались лотки с фруктами, специями, одеялами, кухонной утварью и хозяйственными товарами. Проезжая часть вся была запружена покупателями — местными и туристами. Кэтрин пыталась перевести дыхание — она стояла, согнувшись почти пополам, опершись руками на колени. Наконец, глубоко вздохнув, она выпрямилась.

— Как они узнали, что мы там? — она взглянула на Рутерфорда в надежде, что тот знает ответ. — И вообще, кто они такие?

Рутерфорд покачал головой, глаза его беспокойно оглядывали толпу на рынке.

— Понятия не имею. Могу сказать одно: желания выяснить это у меня нет. Единственная наша надежда — аэропорт, надо попасть туда как можно скорее.

В доме Киттэ царил ад. Каждая комната в каждой квартире была перевернута вверх дном, напуганные, кричащие и плачущие жильцы толпились на лестнице, в то время как содержимое их жилищ переворачивалось, расшвыривалось и разбивалось о пол. Матрасы вспарывались, дверцы кухонных шкафов и кладовок срыва-

лись — нетронутым не оставляли ничего. Любого, кто пытался противостоять произволу, избивали. А квартире Киттэ устроили особый досмотр. Она была похожа на помещение, в котором побывал маньяк: целым не остался ни один предмет мебели или посуды.

Наконец трое бритоголовых белых боевиков в черных футболках, черных армейских штанах и ботинках, вооруженные до зубов, вывалились на крышу. За ними следом — убийца профессора. Солнце и свежий воздух, казалось, привели его в еще большую ярость: добыча растрепалась в этой никчемной небесной синеве. Он внимательно оглядел крышу с торчащими всюду антеннами. Его люди бродили вдоль бортика с оружием наперевес. Он крепко сжал кулаки, кипя от гнева и разочарования.

Один из боевиков, остановившись у того места, где Кэтрин и Рутерфорд прыгнули, махнул ему рукой. Тяжело дыша, скорее от ярости, чем от быстрого подъема по лестнице, он приблизился. Боевик показывал вниз, на крышу соседнего дома.

Едва взглянув, убийца достал мобильный телефон и развернулся на каблуках.

— Они в этом районе. Передвигаются пешком. Мобилизовать всех агентов. Выставить посты на автовокзале и в аэропорту. И немедленно поднимайте вертолет.

С этими словами он побежал вниз по лестнице.

Такси сбавило ход до скорости пешехода, когда проезжало вдоль зала отправления здания аэропорта. Другие такси и личные автомобили искали свободное место для парковки, останавливались, выпускали пассажиров; из багажников вытаскивались сумки и чемоданы.

Рутерфорд подался вперед и сказал водителю:

— Высадите нас здесь, спасибо.

Он повернулся к Кэтрин:

— Господи, наконец-то покидаем Южную Америку. И знаешь, все гадаю: что случилось с этим сумасшедшим Безумовым? Как думаешь, нарвался он на этих, в черном? С ними он или сам по себе?

Кэтрин не слушала, сосредоточив все внимание на людях у зала вылета. Она хмурилась и внимательно вглядывалась в лица стоящих на тротуаре: туристы, но по большей части — индейцы. И все же что-то было не так.

— Джеймс, погоди-ка...

Рутерфорд полез в бумажник за деньгами. Водитель пытался притиснуть машину к тротуару в образовавшееся за микроавтобусом свободное пространство. Вот этот момент отъезжающее такси заслонило от Кэтрин тротуар. Показалось?..

Рутерфорд выудил пару долларовых банкнот.

— Что там?

Внезапно лицо Кэтрин побелело. Метрах в десяти впереди стояли двое белых в черных костюмах. Они раз-

говаривали друг с другом голова к голове — очевидно, вполголоса. Что-то в них было не так: оба были слишком напряжены и встревожены, язык тела явно выделял этих двоих из числа всех, кто находился на тротуаре перед аэропортом. Кэтрин протянула руку и сжала водителю плечо:

— ¡Vamos! Поехали отсюда! Скорее! Джеймс, пригнись.

Рутерфорд не стал переспрашивать, что случилось. Он сделал как ему велели. Распластавшись на сиденье, он хрипло прошептал:

— Они здесь?

Кэтрин нервно кивнула ему, а затем скомандовала растерявшемуся водителю:

— Быстрее, к зоне прилетов.

Не зная, что еще предпринять, Кэтрин и Рутерфорд как можно ниже пригнулись на сиденьях, моля, чтобы злодеям не пришлось в голову заглянуть в машину. Их такси влилось в поток движения и через сто метров припарковалось во второй раз. Осторожно и неуверенно Кэтрин приподняла голову. Тротуар был запружен пассажирами, только что прилетевшими из Боливии. Поток путешественников выливался из дверей зала прибытия. Она внимательно осмотрела тротуар в поисках подозрительных личностей. На первый взгляд здесь было безопасно.

— Ладно, давай выбирать.

Открыв свою дверь, она выскользнула на тротуар, за ней — Рутерфорд, перед этим вручивший доллары водителю. Держась за руки, они направились через толпу в зал прибытия.

Рутерфорд потянул Кэтрин за руку, шепнув:

— Вон там. Видишь? В зале отправления стойка «Американ эрлайнс». Наверняка у них билеты на большинство рейсов в Штаты.

Рутерфорд протянул руку в ту сторону, где из зала прилетов огромный дверной проем вел в зал вылета. Кэтрин взглянула туда, куда он указывал. У стойки «Американ эрлайнс» и вокруг нее никого не было, стойка хорошо просматривалась отовсюду: если они там остановятся, их тут же заметят.

— Как думаешь, внутри тоже их люди?

Рутерфорд оглянулся.

— Все может быть.

У Кэтрин засосало под ложечкой. Она вновь бросила взгляд на билетную стойку. Прямо напротив располагались паспортный контроль и выход к досмотровой зоне. Им надо было всего лишь заполнить билеты.

И тут ее осенило. Она отпустила руку Джеймса и зашагала к сувенирному ларьку. Рутерфорд в недоумении отправился за ней. В ларьке было полно всякой всячины для туристов: футболки, брелоки и целый ассортимент предметов национальной одежды. Кэтрин схватила черную шляпу-котелок и разноцветное пончо из шерсти ламы — традиционный наряд индейцев Аймара — и быстро расплатилась с улыбающейся продавщицей. Затем накинула поверх одежды пончо, надела шляпу и заправила под нее волосы.

«Жаль, я слишком высокая, кожа слишком бледная, но на первый взгляд должна сливаться с общей массой пассажиров: туристы с Запада никогда не носят национальные наряды».

Натянув шляпу пониже на глаза, она посмотрела на стойку «Американ эрлайнс».

— Паспорт давай, — спокойно обратилась она к Рутерфорду. Он поспешно расстегнул молнию бумажника и протянул ей документ.

— Уверена?

Кэтрин кивнула.

— Подойду к стойке, возьму билеты. А ты смотри — как только обернусь, быстро иди к стойке регистрации, там встретимся.

С этими словами она ушла. Рутерфорд встал в стороне у входа в зал вылета, наблюдая за ней и в то же время устроившись так, чтоб его крупная фигура не привлекала внимания.

Стараясь идти как можно спокойнее, Кэтрин пересекла зал вылетов и подошла к стойке «Американ эрлайнс». Отсюда ей был виден тротуар и на нем двое громил в черном: выпагивая взад-вперед, они впивались взглядами в каждое подъезжающее такси.

Кэтрин вновь почувствовала, как по спине побежал холодок страха.

«Да, точно они».

Кассир «Американ эрлайнс» улыбнулась ее наряду и проверила базу данных в поисках ближайшего рейса.

— Мадам, лучшее, что могу вам предложить, это рейс через час. Правда, не прямой, с пересадкой в Майами, там придется подождать ночью три часа, но до утра больше ничего нет.

— Замечательно, *muchas gracias!*

Через несколько минут она спрятала билеты и паспорта под складками пончо и повернулась на каблуках. Рутерфорд зашагал через зал.

Кэтрин поспешила к стойке регистрации и там отдала Джеймсу паспорт и билет. Дождавшись своей очереди, они очутились перед паспортным контролем.

За высокой стойкой сидели два чиновника. Один, явно старший по званию, взял их паспорта и билеты. Глаза его были холодны и невыразительны. Он принялся тщательно изучать проездные документы ученых, его взгляд рептилии перелетал с фотографий на лица. Спустя целую вечность он вернул документы. Пытаясь за-

глушить возрастающее ощущение надежды, Кэтрин улыбнулась ему. Он ответил ей холодным, бесчувственным взглядом.

— Gracias,— проговорила она и повернулась, чтобы идти. Он не ответил. Рутерфорд уже скрылся в толпе прошедших контроль пассажиров.

Кэтрин успела сделать едва ли три шага, когда услышала то, чего больше всего боялась,— подобный грому среди ясного неба окрик:

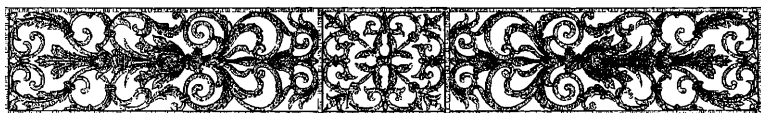
— Мадам!

Она замерла. Что он накопал? Может, его подкупили, чтобы он задержал их? Может, просто броситься вперед, к толпе?

Впереди она увидела Рутерфорда, с беспокойным лицом разыскивающего ее. С чувством огромной потери Кэтрин повернулась к чиновнику. Охваченная ужасом, она обреченно взглянула на него... И совершенно неожиданно увидела, что тот улыбается:

— Мадам, вам очень к лицу этот наряд!

Он и второй офицер улыбались, показывая на национальный костюм. От облегчения у Кэтрин едва не подкопились ноги. Улыбнувшись в ответ, она развернулась и юркнула в толпу.

Пришло время секретарю покидать Нью-Йорк. С ураганным грохотом его вертолет приземлился на вертолетной площадке аэропорта Кеннеди. С точностью часового механизма новенький красавец «мерседес» стартовал по летному полю и застыл в нужной точке. Из машины выбрался крепкий парень и цепким взглядом просканировал видимый периметр. Дверь вертолета автоматически открылась, ссыпался вниз трап, секретарь спустился по нему и скрылся в отделанном кожей салоне автомобиля. Еще раз оглядев безлюдное поле аэропорта, телохранитель пригнулся, нырнул в машину, и через несколько секунд «мерседес» уже несся по бетону к сектору частных самолетов на другой стороне летного поля.

Секретарь Миллер изо всех сил старался хотя бы на мгновение расслабиться. Совещание в Каире будет последней возможностью бросить вызов сенатору. Нахмурившись, он наклонился вперед и обратился к человеку на переднем пассажирском сиденье:

— Передайте пилоту, летим в Каир с остановкой на базе в Швейцарии.

— Слушаюсь, сэр.

Он закрыл глаза и откинул голову на спинку сиденья; машина неслась через взлетную полосу. Пришло время начинать путешествие в Египет — его работа в Север-

ной Америке окончена. Во всяком случае, на этом этапе. Мысли вернули его к девушке и ее спутнику.

«Поскольку она возвратилась в Англию, мы должны быть более осмотрительными».

Достав телефон, он набрал номер в Оксфорде. Спустя несколько звонков на том конце ответили — он сразу узнал ректора Олл-Соулз.

— Я насчет девушки, этой Донован. По моим данным, она должна появиться в Оксфорде.

Голос ректора был тревожным и крайне напряженным:

— Чего еще вы хотите от меня? Я сделал все, что было в моих силах. Я рассказал вам, что знал. И больше ничего делать не собираюсь.

Секретарь Миллер оборвал его с усмешкой:

— Не глупите. Я не собираюсь перекладывать свою работу на стариков. Я всего лишь хочу, чтобы вы последили за ее передвижениями и убедились, что она не уедет отдохнуть куда-нибудь за границу в ближайшие несколько дней. Не хочу, чтоб из-за нее у нас опять появились осложнения.

— Но с ней ведь ничего не случится?

— Это уже не ваша забота. От вас только требуется задержать ее в Оксфорде до вторника.

— Послушайте, ей ведь только двадцать девять... Не думаю, что она...

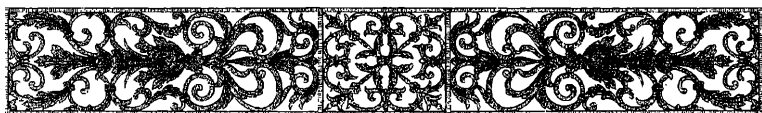
— Это вы послушайте, ректор. Вы начинаете испытывать мое терпение. Может, напомнить о ваших обязанностях? Вам ведь до пенсии семестр остался. И уж конечно, вы не хотите, чтоб вся карьера рухнула вследствие одного лишь откровения?

Последовала долгая пауза.

— Я достаточно ясно выразился?

— Да, сэр. Вполне.

Секретарь дал отбой.

В Лондон пришло субботнее утро. После тяжелого перелета с пересадкой в Майами Кэтрин и Рутерфорд приземлились в аэропорту Хитроу. Полет предоставил им возможность наконец-то расслабиться: шестнадцать бесценных часов они находились в воздухе, оторвавшись от врага, преследовавшего их через Анды, и это недолгое время чувствовали себя в безопасности, хотя и не в силах были что-либо предпринять.

Из Хитроу в Оксфорд они отправились на такси. Зарплата ученых не особо располагала к подобным широким жестам, но сейчас они поступили так, даже не задумываясь.

Когда они наконец подъехали к Олл-Соулз, Рутерфорд выскочил из машины и расплатился с водителем. Открыв Кэтрин дверь, он взглянул на изящный фасад здания колледжа.

— Ну вот мы и на месте. Ничего здесь не изменилось.

Кэтрин с подозрением покосилась на ворота колледжа:

— Сомневаюсь. Главное, чтоб фон Дехенд был на месте. У нас с тобой нет ни минуты.

Когда они прошли через низкую дверь сторожки привратника, Кэтрин беспокойно огляделась.

«Отчего же мне так не по себе? Казалось бы, все такое родное, а покоя уже нет...»

Чисто машинально она бросила взгляд на свой почтовый ящик. И тут же вспомнила о конверте с картами — картами, которые и положили начало этому опасному путешествию. К ее облегчению, в ящике была только пара записок. Она позвала привратника:

— Фред, ты здесь?

Через секунду привратник появился в дверях:

— Здравствуйте, доктор Донован! Рад видеть вас. Какой прекрасный день, не правда ли?

«Я бы так не сказала», — мрачно подумала Кэтрин. Однако, желая поддержать доброжелательную атмосферу, она приветливо ответила ему:

— Здравствуйте, Фред! Я только заскочила повидаться с доктором фон Дехендом. Он здесь?

— Здесь, здесь. Да, пока не забыл, ректор вас обыскался. Он то и дело звонит мне, спускается сюда, спрашивает, в колледже вы или нет.

Кэтрин взглянула на Рутерфорда. Но прежде, чем она успела что-то произнести, раздался сухой резкий голос ректора. Он стоял за их спинами на пороге открытой двери — крупная фигура перекрывала проход.

— Вот-вот. И сейчас опять спустился за этим. — С серьезным лицом он внимательно вглядывался в Кэтрин и Рутерфорда. — Вернулись, значит. Как съездили?

— Куда съездили, ректор?

Ректор покраснел.

— О, просто решил: раз вас нет, значит, куда-то поехали... Дома-то вас тоже было не застать. Мне надо было убедиться, что вы в курсе, — во вторник утром у нас собрание научных сотрудников. Явка всех научных сотрудников обязательна, и я хотел лично сообщить вам об этом.

Кэтрин спокойно взглянула на него:

— Отлично. Большое спасибо — там и увидимся.

Ректор потоптался на месте чуть дольше, чем надо, затем с неуверенным видом развернулся и вышел через ворота на улицу.

— Джеймс, пойдем найдем фон Дехенда.

Она вышла на двор университетского городка, Рутерфорд последовал за ней.

— Что бы это значило?

Кэтрин была в полном недоумении.

— Сама не пойму... Я давно уже заметила, что ректор ведет себя как-то странно — с тех пор, как он сообщил мне о смерти профессора.

Доктор фон Дехенд очень обрадовался им.

— Кэтрин! Добро пожаловать! Да еще с Джеймсом Рутерфордом! Jeunesse d'orée* Оксфорда! Да прямо ко мне! Какая честь!

Кэтрин с улыбкой посмотрела на Рутерфорда, когда доктор фон Дехенд повел их в свой уютный, полный книг кабинет.

— И мы очень рады видеть вас, доктор фон Дехенд. Надеюсь, у вас все хорошо?

— Да, милая, все хорошо, — ответил тот, жестом предлагая им садиться.

Кэтрин прочистила горло.

— Вы извините, но мы снова к вам за советом.

— Выкладывайте, девочка, не тушуйтесь. Весь к вашим услугам.

Кэтрин дождалась, пока фон Дехенд устроится в кресле, а затем, выдохнув, начала:

— Возможно, вопрос, с которым мы пришли, покажется вам загадочным. Подоплеку его рассказывать времени у меня нет — просто помогите нам, пожалуйста.

Кэтрин выдержала паузу, чтобы взглянуть, насколько «обрадовала» фон Дехенда ее странная преамбула. Ученый медленно кивнул, делая ей знак продолжать.

* Золотая молодежь (фр.).

— Мы пытаемся выяснить, какого рода катаклизм произошел в далеком прошлом — тот, который стер с лица земли большую часть человечества. Мы ищем любые факты в палеонтологической летописи, геологии, палеонтологии — где угодно, — в которых упоминалось бы о катаклизме глобального масштаба, объясняющего предания о конце света, которые встречаются у народов едва ли не во всех уголках планеты.

Повисла долгая пауза. Фон Дехенд устремив взгляд в потолок, будто готовил долгую речь. Кэтрин посмотрела на Рутерфорда. Оба ждали в молчании, боясь даже дышать, чтобы не нарушить ход размышлений доктора. Фон Дехенд заговорил почти через минуту. От присутствующего ему игривого добродушия не осталось и следа — голос старого ученого был предельно серьезным. Создавалось впечатление, что доктор чувствовал себя очень неловко, обсуждая предложенную тему.

— Прежде чем мы приступим к ответу, позвольте мне прояснить кое-что. Я не собираюсь поддерживать какие-либо гипотезы, основывающиеся на легендах и мифах о доисторической катастрофе. Легенды и мифы — это не более чем легенды и мифы. На свете полно оригиналов, которые без меня сделают это для вас. Оригиналов и религиозных фанатиков. Я не числю себя ни тем ни другим и не питаю интереса к подобным тщеславным фантазиям.

Рутерфорд украдкой переглянулся с Кэтрин — лишь мгновение она колебалась, но все же решила вмешаться:

— Что вы, доктор фон Дехенд. Нам вовсе не надо этого. Мы просто хотели провести, так сказать, интеллектуальную дискуссию, поговорить с вами с глазу на глаз, не для протокола. Это, если хотите, наша причуда; мы просто хотим поразмышлять о том, когда примерно мог бы произойти тот самый катаклизм. Мы с вами, конечно же, понимаем, что это всего лишь предположение.

Молодые ученые ждали, затаив дыхание.

После очередной бесконечной паузы фон Дехенд вновь заговорил:

— Хм... Понятно. Ну что ж, поскольку мы все прояснили, могу поделиться с вами собственными мыслями на этот счет.

Кэтрин и Рутерфорд оба невольно вздохнули. Фон Дехенд попыхал трубкой и заговорил — сначала неторопливо, а затем все более и более увлеченно:

— В глубине души я с самого начала полагал, что в далеком прошлом и впрямь произошло нечто страшное и случилось это на исходе последнего ледникового периода.

Кэтрин и Рутерфорд были как на иголках. Фон Дехенд выдержал театральную паузу и очень медленно продолжил:

— Еще до зари своей «зарегистрированной» истории жизнь человечества представляла собой серию удачных спасений от полного уничтожения. По сути, не будет преувеличением сказать, что жизнь прямых предков каждого из нас на определенной стадии буквально висела на волоске. Какими бы слабыми и ленивыми человеческие создания ни казались в наше время, можно гарантировать, что они — потомки невероятно изобретательных, решительных и отважных мужчин и женщин, каким-то образом сумевших преодолеть все природные катастрофы, что обрушивались на них.

— Опыт человека как биологического вида за последние несколько тысячелетий позволил нам сделаться чересчур самодовольными. Мы считаем, что для планеты в порядке вещей оставаться стабильным, более того, гостеприимным местом обитания. Это страшная ошибка. Более правильно было бы сказать, что за последние несколько тысяч лет мы проходим через око тайфуна: мы

находимся в полосе мертвого штиля в самом центре неутрачивающего циклона жестокости, насилия и разрушения.

Кэтрин и Рутерфорд слушали, затаив дыхание: фон Дехенд, прирожденный шоумен, готовился нанести *coup de grâce*.

— Но вернемся в ледниковый период. В наше время мы не до конца понимаем его, как и все, что происходило более чем пятьсот лет назад. Тем не менее мы хорошо знаем, что он был колоссально, просто устрашающе разрушительным, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как повезло человечеству в том, что ему удалось выжить. Мы абсолютно уверены, что последний ледниковый период начался приблизительно сто десять тысяч лет назад со стабильно устойчивого обледенения, распространившегося по земному шару. В период между токами пятьдесят пять тысяч лет до нашей эры и примерно двенадцать тысяч лет до нашей эры оно достигало своего пика. Затронуло обледенение всю планету. Из космоса Земля, наверное, напоминала снежный шарик. Ледяные покровы ширились, затем внезапно «подталяли», прежде чем вновь начать расти, распространяясь на этот раз чуть далее. Совокупным эффектом наверняка была нестабильность окружающей среды: наводнения, землетрясения, ураганы и тому подобное.

Но внимание ваше я хочу заострить на последнем таинии. На пике последнего ледникового периода — примерно двенадцать тысяч лет до нашей эры — ледяные покровы расползлись почти по всей поверхности земного шара. Однако в последующие пять тысяч лет на льды, наслаивавшиеся сто тысяч лет, вдруг обрушилась ужасающая оттепель. Некоторые даже полагают, что это великое таяние происходило за очень короткий промежуток времени — несколько сотен, а может, и вовсе десятков

лет. Палеонтологическая летопись явно свидетельствует о том, что колоссальные природные силы обрушились на обитателей планеты, когда исчезли ледовые покровы. Можно, конечно, подумать, что для большинства животных условия улучшились — и в конечном итоге так оно и получилось, однако оттепель спровоцировала природные катастрофы, ставшие вскорости гибельными для многих видов. По всей планете палеонтологические записи рассказывают нам одну и ту же историю о широкомасштабном вымирании. Были лошади и другая мегафауна в Южной Америке — и исчезли до той самой поры, пока их не завезли туда испанцы, а мегафауна канула в Лету. А в Северной Америке тридцать три из сорока пяти видов крупных млекопитающих вымерли. То же своего рода холокост.

Фон Дехенд напряженно смотрел на своих гостей.

— Можете представить себе жизнь в тот период? Наверняка это был суший ад. Поселись ваше племя либо семья не в той части света — вы были бы обречены. Таяние льдов, по всей вероятности, вызвало глобальные геологические возмущения: землетрясения, извержения вулканов, цунами. Это просто чудо, что человечество выжило. Но самое странное из всего этого то, что полярные зоны как будто пострадали сильнее всего. Огромное количество скелетов животных было обнаружено погребенным подо льдом. Кстати, даже в наше время откапывают идеально сохранившихся мамонтов: их бивни используют в резьбе по кости.

Кэтрин недоуменно спросила:

— Но если ископаемые животные до наших дней сохранились «во плоти», не означает ли это, что они замерзли необычайно быстро, сразу же после смерти, — в противном случае их туши разложились бы?

— Это вы очень верно подметили. Согласен: странно. В то время как вымершие виды Южной Америки и Ав-

стралии погребены в земле и плоть их давно истлела, животные, обнаруженные за Полярным кругом — на Аляске и в Сибири, — сохранились так, будто их заморозили в промышленных масштабах. В желудках некоторых из них сохранилась непереваренная пища, что может означать только одно: они замерзли в течение трех часов с момента последнего приема пищи. Но что еще более странно: коснулось это не только мамонтов, саблезубых тигров и других животных Арктики, но также леопардов, слонов, лошадей, крупного рогатого скота, львов и многих других обитателей умеренного пояса.

У Рутерфорда вытянулось лицо:

— Леопарды и слоны — в Арктике?

— Представьте себе. Даже на удаленном на север острове Свальбарде ученые по-прежнему регулярно находят ископаемые останки животных умеренного пояса, а также представителей флоры и фауны, которые могли выжить лишь в тропическом климате.

Рутерфорд продолжал недоумевать:

— Но это невероятно...

— Согласен. Это одна из величайших загадок конца последнего ледникового периода. Каким образом все эти виды умеренного пояса оказались погребенными под толщей льда за Полярным кругом? Получается, в то время как по всей планете ледниковый период стремительно катился к завершению, эти земли вдруг стали холодными и негостеприимными. Животные замерзали в одночасье целыми стадами.

— Все равно непонятно, — сказал Джеймс. — Окончание ледникового периода так или иначе должно было нести потепление, но в любом случае — что животные умеренного пояса делали в арктических широтах?

— И вновь соглашусь с вами: непонятно. Это остается загадкой. Но зато нам известно наверняка, что при-

мерно семьдесят пять тысяч лет назад великая оттепель завершилась. Льды отступили. Предшествовавшие шесть или семь тысяч лет были, наверное, самым страшным периодом для всего живого на Земле. Извержения, землетрясения, жесточайшие штормы, цунами и так далее — и, конечно же, наводнения. Ледники таяли, и вследствие этого миллионы тонн воды усиливали давление на земную кору, тем самым вызывая новые землетрясения. Уровень моря повышался. Обширные участки суши уходили под воду. Наводнения и цунами были настолько масштабны, что временами вода могла накрывать даже Гималаи.

— Что? Не может быть! — воскликнул Рутерфорд.

— Выясняется, что может. Скелеты китов были обнаружены в горах Северной Америки и даже посреди пустыни Сахара в вадии аль-Хитан*. Быть может, разбросанные по всей Европе горные вершины служили последним убежищем тысячам напуганных отступавших животных. Во всем мире найдено множество мест их массовой гибели близ горных вершин — свидетельство панических миграций животных и людей, бежавших от потопа. Западная Европа несколько раз полностью скрывалась под водой — нам неизвестно, на какой срок, но было это по меньшей мере два или три раза... В общем, период между пятнадцатым и седьмым тысячелетиями до нашей эры, а особенно — между одиннадцатым и восьмым, был отмечен ужасающими повторяющимися наводнениями, внезапными мощными заморозками и разрушениями почти по всей планете.

Кэтрин слушала, потрясенно качая головой и боясь пошевелиться.

* «Долина китов» — первая природная зона Египта, вошедшая в список мирового наследия ЮНЕСКО. Расположена в Западной пустыне, является уникальным музеем под открытым небом.

— Это был, наверное, сущий ад.

— Да уж. Ведь примитивные люди, скорее всего, не понимали, отчего это происходит. Единственное, что могло прийти им в голову: боги разгневались и наказывают их. — Он вздохнул. — Это вы хотели услышать?

Рутерфорд и Кэтрин переглянулись.

— Да. Спасибо вам большое за то, что уделили нам время и рассказали столько всего: я понятия не имела, что человечество прошло через такие испытания, особенно в сравнении с недавним прошлым, — сказал Рутерфорд.

— Большое спасибо, доктор фон Дехенд, — подхватила Кэтрин. — Не много на свете людей с такими обширными познаниями, как у вас. А рассказ ваш очень помог нам. К сожалению, нам пора. Мы и так столько времени у вас отняли.

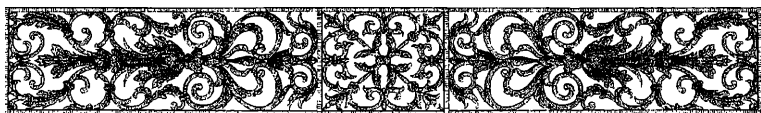
— Вовсе нет, Кэтрин, я сам очень рад, что был вам полезен. Крайне важно напоминать людям, что живут они в необыкновенно спокойный временной отрезок. Но продлится он недолго!

Кэтрин и Рутерфорд собралось уходить. Старый педагог с хитринкой взглянул на них:

— И быть может, настанет день, когда вы поведаете мне, что означали все ваши расспросы.

Улыбка Кэтрин получилась грустной:

— Обещаю, доктор фон Дехенд. Когда-нибудь я все вам расскажу.

И на этот раз Кэтрин и Рутерфорд вышли от фон Дехенда с надеждой. Спускаясь по лестнице, они возбужденно разговаривали.

— Джеймс! Мы узнали даже больше, чем смели надеяться! Ведь это объясняет все, включая тот факт, что потоп на самом деле был. И прецессия наверняка имеет отношение к окончанию ледникового периода — к таянию! Тогда все обретает смысл. Поскольку орбита Земли меняется с двадцатистычетысячелетним периодом, Северный и Южный полюсы получают разное количество солнечного света. В некий период в течение этого цикла, когда они находятся на кратчайшем расстоянии от Солнца, полюсы начинали таять... Вот он, ответ: конец ледникового периода!

Мысли стремительным потоком неслись в голове Кэтрин, и казалось, все теперь занимало свои места. Состояние Рутерфорда было таким же возбужденным.

— Теперь мне все ясно. Легенды о потопе являются историческими свидетельствами о катастрофах, которые едва не уничтожили нас.

Кэтрин, едва не перебив его, подхватила:

— Да, и окончание ледникового периода принесло внезапное, парадоксальное похолодание в определенных частях света — о них и поведали нам викинги и зороаст-

рийцы. — Тут она вдруг хлопнула себя по лбу. — Джеймс, я поняла! Господи, какая же я балда: мы же все это время знали ответ...

Кэтрин распахнула дверь кабинета профессора Кента, направилась к столу, на котором высился большой глобус, и нажатием кнопки включила его подсветку. Повернувшись к Джеймсу, она воскликнула:

— Теория Хэпгуда о замещении земной коры!

Рутерфорд какое-то мгновение непонимающе глядел на нее.

— Вспоминай. Доктор фон Дехенд рассказал нам о ней, когда мы говорили о картах. Он сказал, что Хэпгуд использовал карты Пири Рейса в качестве одного из доказательств своей теории замещения земной коры. Хэпгуд утверждает, что Антарктида располагалась севернее, но вследствие подвижек земной коры она продвинулась к полюсу — «на дно» планеты.

Кэтрин медленно повернула глобус, показывая, как все происходило.

— Сдвинулась вся кора, помни, не просто одна-две тектонические плиты, но литосфера целиком. Бывшие земли умеренного пояса, должно быть, внезапно переместились за Полярный круг. Неудивительно, что львов, и верблюдов, и других животных тех широт впоследствии находили под сибирскими льдами.

До Рутерфорда наконец дошло. Его лицо осветилось:

— Так ведь это означает, что до подвижки коры люди могли жить там, где сейчас континентальная суша Антарктиды. Все произошло внезапно: когда она сдвинулась к югу, люди вдруг стали замерзать — не говоря уж о том, сколько их погибло от цунами.

— Вот именно! А еще это означает, что просветители могли быть родом из Антарктиды. Это объясняет проис-

хождение карты Пири Рейса, это объясняет все: зороастрийцы, бегущие с родины, расположенной на равнинах нынешней России, когда она внезапно переместилась к северу и стала застывать; гибель цивилизации просветителей, когда их земли сдвинулись на юг.

Рутерфорд нахмурил лоб, задумавшись:

— Помимо всего прочего, это объясняет одну из главных проблем, с которыми я сталкивался во время нашего с тобой расследования: почему не осталось записей о той, изначальной, цивилизации просветителей.

— Очевидно, все свидетельства погребены под двухмильной толщей антарктических льдов, потому-то никто и не обнаружил их. Тех, кто выжил, разбросало по свету — в Южную Америку и на Средний Восток, и они попытались возродить свое наследие: и Виракоча, и Осирис, и Оаннес были беженцами из доисторической антарктической цивилизации, уничтоженной вследствие подвижки земной коры.

— Я тоже уверена, что так оно и было.

— Это также объясняет стремительность великой оттепели. Чем больше тает льда, тем больше вес воды, распределенный по земной поверхности. Это вызвало движение коры и внезапное смещение полюсов к теплым широтам и, в свою очередь, — еще более интенсивное таяние. Неудивительно, почему так быстро повышался уровень океана.

Рутерфорд вновь погрузился в размышления.

— Все так, однако в нашем пазле имеется недостающий фрагмент. Почему профессор Кент был убежден, что та же судьба уготована нам? Планета еще далека от той точки прецессионного цикла... И живем мы в совсем иную геологическую эпоху, отличную от конца ледникового периода, в которую жили наши доисторические

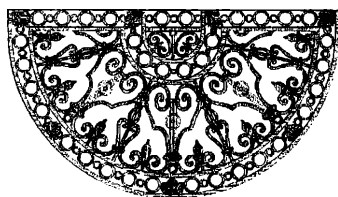
предки. Отчего же он считал, что нам угрожает такой же катаклизм?

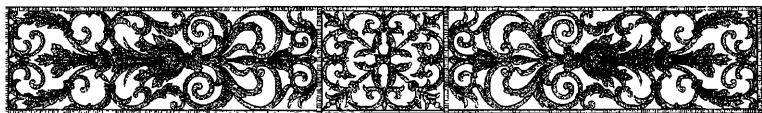
— По-моему, нам пора отправляться в Гизу — мы же знаем, что Гиза была центром Древнего мира. Уверена: туда же полетит и Безумов. И, оказавшись там, попытается осуществить свою задумку. В наших силах опередить русского, разрушить его безумный план, а главное — выяснить наконец, почему профессор считал, что мы в опасности.

Рутерфорд улыбнулся и покачал головой:

— Хорошо, Кэтрин, это будет наш последний шанс. Не получится — в любом случае мы обречены. Почему же не попытаться — перед концом цивилизации?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Портье пятизвездочного отеля «Стар Найл Хилтон» смущенно смотрел на высокого, элегантно одетого белого мужчину, стоящего по ту сторону стойки регистрации с кейсом в руках. Гость был одет в нетронутый белизны костюм, коричневые оксфордские броуи*, белую рубашку и изящный узорчатый синий галстук. Багажа, похоже, не было. Он только что вошел в отель и потребовал себе лучший свободный номер.

— Прошу меня извинить, сэр, не могли бы вы произнести ваше имя по буквам?

— Ч-Е-К-О-В. Андрей Чеков.

Иван Безумов подтолкнул новенький российский загранпаспорт по мраморной стойке прямо к руке портье.

— Поторопитесь — мне некогда.

Солнце лилось через огромные окна, глядящие вниз на легендарную реку. В полном контрасте с шумом и зноjem улицы в тиши необъятного мраморного атриума неслышно сновали прилежные официанты, доставляя прохладительные напитки туристам, сидящим в удобных креслах.

Портье нервно кашлянул:

— Да, сэр, простите, а как долго вы хотели бы остаться у нас, мистер Чеков?

* Уличные полуботинки, часто украшены накладками из кожи с декоративными дырочками и насечками.

— Ну... Скажем, дня на три для начала. Полагаю, этого будет достаточно.

— Могу я предложить вам номер с видом на Нил?

— Да, только, пожалуйста, побыстрее, ладно?

— Конечно, сэр. Пожалуйста, ваш ключ.

— Вот еще что. Мне нужна машина с водителем. Внедорожник. А водитель должен хорошо владеть русским и быть в моем распоряжении двадцать четыре часа в сутки. И прежде, чем вы поинтересуетесь: вопрос оплаты значения не имеет. Вот моя кредитка. Сейчас я поднимусь к себе на несколько часов. И пожалуйста, уж постарайтесь: когда я спущусь, чтобы водитель ожидал меня здесь.

Безумов развернулся и зашагал по мрамору к лифтам.

Высоко в небе над Средиземным морем Кэтрин и Рутерфорд вновь ощущали себя стремительно несущимися в неизвестность. И опять почувствовав легкий приступ клаустрофобии в переполненном салоне самолета — так скоро после недавнего полета, — Кэтрин закрыла глаза. Пытаясь компенсировать последствия обезвоживания в длительном перелете, она то и дело прикладывалась к бутылке с родниковой водой. После полудюжины добрых глотков она взглянула на Рутерфорда. Лицо его было сосредоточенным — Джеймс быстро, но внимательно читал книгу о иероглифах. Кэтрин откинула голову на спинку и, глубоко вздохнув, потеряла уставшие глаза.

— Ох, я просто разбита... Но назад дороги нет. И знаешь, чувствую в себе столько решимости закончить дело, как никогда с начала нашего пути.

Рутерфорд — глаза его были красными от усталости — ответил твердо:

— Я тоже. Устал чертовски. Но чувствую, что, скорее всего, Египет — конечная точка нашего маршрута.

Кэтрин согласно кивнула.

«Как жаль, что я так мало знаю о Древнем Египте. Как жаль, что я вообще мало знаю... Уже который день я словно на интеллектуальных американских горках».

Она вновь открыла глаза и осторожно поводила головой из стороны в сторону.

— Джеймс?

Рутерфорд, не отрываясь от книги, откликнулся:

— Мм?

— Надеюсь, ты знаешь о местах, в которые мы летим, намного больше, чем я.

Рутерфорд неспешно закрыл книгу и сунул ее в карман спинки сиденья перед собой. Внимательно посмотрев на Кэтрин, он вымученно улыбнулся:

— Ну... Я, конечно, не великий эксперт. Но несколько раз бывать там приходилось. И чувствовать я себя буду увереннее, чем в Южной Америке: по крайней мере, общепризнанные суждения о Древнем Египте мне известны. Все дело в том, что после узнанного нами я начинаю сомневаться, стоило ли мараť столько бумаги, чтобы зафиксировать те самые общепризнанные суждения.

— Да уж, — вздохнула Кэтрин. — Мне бы очень хотелось и там обнаружить природу странных аномалий. И убедиться, что за ними стоят прецессионные числа. Вот только сама-то я всего лишь новичок. И знаю только то, что рассказал мне ты об Осирисе, да еще кое-что вспоминается из школьной программы. Слишком много лет я читала только о звездах.

— Все узнать жизни не хватит... Кстати, без твоих «звездных» познаний мы бы здесь не сидели. Ведь можно годы убить на изучение материала, чтобы потом в один прекрасный день тебя осенило: все напрасно, все неправда...

— Ну ладно, с чего начнем? Может, если остались силы, введешь меня немножко в курс дела?

Рутерфорд сел прямо и резко повел плечами, будто сбрасывая остатки сна.

— Прежде чем перейти к истории, — начал он, — тебе надо знать два интересных факта из области географии. Во-первых, Гиза, где построены пирамиды и великая река Нил перед впадением в Средиземное море образует дельту, находится точно на тридцатом градусе северной широты. Это означает, что пирамиды находятся точно на трети пути между экватором и Северным полюсом. Никогда раньше не придавал значения этим цифрам, но из-за теории Безумова и, что более важно, благодаря открытой тобой «прецессионной» связи в расположении всех этих мировых памятников теперь я понимаю их значимость.

Его слова заинтриговали Кэтрин.

— Но это очень интересно. В смысле, это едва ли совпадение. А во-вторых?

— Во-вторых... Знаешь, прежде я как-то об этом не задумывался, но выходит, пирамиды расположены в самом центре суши на Земле.

Кэтрин нахмурилась.

— Это как? Разве середина суши планеты не где-то в сердце России или Северной Америки?

Рутерфорд покачала головой:

— Нет, я немного о другом. Если от Северного полюса провести меридиан, проходящий прямо через основание пирамиды Хеопса, он пройдет через большую зону суши, чем любой другой меридиан. Более того, если провести параллель, проходящую через пирамиды, она тоже пройдет через более засушливые земли, чем любая другая. Вот смотри.

Он отыскал карту мира, затем достал ручку и провел линию сверху вниз по карте через точку расположе-

ния Гизы. Следом — горизонтальную линию, с востока на запад пересекающую первую. Кэтрин смотрела на рисунок, затем вдруг оживилась:

— Ты думал о потопе?

Рутерфорд удивленно вскинул голову.

— Раз уж ты сказала — да. А конкретно подумал я вот о чем: чтобы добраться до пирамид, морям потребовалось преодолеть большие площади суши, чем в любом другом месте на планете.

— Значит, это место одним из первых освободилось от воды, когда океан начал отступать!

Рутерфорд рассмеялся.

— Конечно! А мне это в голову не пришло. — Он подумал немного и затем продолжил: — Предполагалось, что известный нам Древний Египет начался с фараона Менеса в трехтысячном году до нашей эры. Пирамиды, как и множество других важных памятников, были воздвигнуты предположительно в течение первых пятисот лет — до две тысячи пятисотого года до нашей эры. Также предполагается, что именно за этот период были высечены или нарисованы на различных строениях дошедшие до нас религиозные тексты.

Кэтрин задумалась над словами Рутерфорда.

— А что было в Египте до того — до Менеса?

— Предположительно — кучка мелких царств и княжеств. Эти крохотные государства никогда не добивались чего-то существенного и представляли собой по большей части примитивные сообщества: неолитические фермеры, населявшие берега Нила. Все, что мы знаем и ценим сегодня в великих достижениях египтян, пришло во времена фараонов, которые, в свою очередь, начались от Менеса.

— Звучит как будто знакомо. И очень напоминает мне то, как из истории были начисто стерты Виракочас.

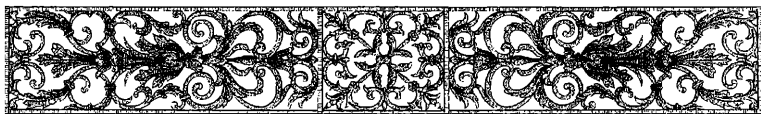
Рутерфорд достал еще одну книгу из рюкзака.

— Согласен. Вот, почитай, пожалуйста. А я пока попытаюсь вздремнуть.

Он опустил повязку на глаза и устало откинул голову на подголовник.

Кэтрин испытывала беспокойство и в то же время облегчение, чувствуя, что их путешествие близится к концу, и надеясь, что они найдут решение где-то в песках древней пустыни.

Ей припомнились физиономии тех двоих, что охотились за ними, исходящие от них угроза и нечеловеческая жестокость. Это воспоминание напугало Кэтрин: они вынудили ее бежать, искать спасения — если оно вообще существовало, это спасение. Но Кэтрин знала, что должна закончить начатое, отыскать истину. Она покосилась на Рутерфорда и подумала, как же здорово, что он с ней, что в своих поисках она не одинока.

Через два часа после приземления в Каире и таможенного досмотра они во взятой напрокат машине тащились в плотном транспортном потоке. В какой-то момент Рутерфорд наконец увидел то, что высматривал давно. Вдали, над пригородами египетской столицы, маячили три крупнейшие пирамиды: Великая пирамида, или, как ее называют современные египтологи, пирамида Хеопса, вторая — пирамида Хефрена и, наконец, третья, много ниже первых двух, — пирамида Менкаура. Расположенные в пустыне далеко за пределами столицы, пирамиды так огромны, что даже на окраинах Каира кажется, будто они растут из самого города, грандиозным миражом вздымаясь над ним.

Рутерфорд прижался к обочине. Поток машин полз мимо.

— Смотри!

Кэтрин подалась к ветровому стеклу и через пропитанное выхлопными газами дрожащее марево взгляделась вперед. Увиденное потрясло ее. Рутерфорд едва не дрожал от возбуждения, показывая на самую большую из трех пирамид.

— Вот она, Великая пирамида. Грандиознейшее строение, созданное человеком.

— Да ладно! А как же небоскребы двадцатого столетия?

Рутерфорд рассмеялся:

— Детские игрушки по сравнению с ней! Пирамида Хеопса выступает в своей лиге. Подъедем поближе — увидишь, а когда войдем внутрь, почувствуешь все ее величие.

— Никто не говорил мне, насколько они захватывающе выглядят.

— Да уж... Впечатление усиливается, когда узнаешь, что пирамида Хеопса была вообще одним из первых зданий на Земле. Она появилась просто ниоткуда на заре истории — археологи подсчитали, что было это в две тысячи шестисотом году до нашей эры, — и построили ее с высочайшей технической точностью. А учитывая, что у строителей пирамид не было ни кранов, ни экскаваторов, ни приборов, это можно назвать настоящим чудом.

Кэтрин пристально посмотрела на Джеймса. Его взгляд был прикован к гигантскому строению.

«Он сейчас словно под воздействием чар пирамид».

— Тебе не кажется это странным?

Рутерфорд не отрывал взгляда от пирамид и, не глядя на Кэтрин, обронил:

— Что?

— Говоря образно, это как задумать построить первый автомобиль, а в результате сотворить «феррари» и потом довольствоваться тем, что штамповать малолитражки в течение тысяч лет, даже не пытаясь постараться сделать «феррари».

Рутерфорд напряженно слушал.

— Я считаю, — продолжила она, — что это с натяжкой можно назвать нормальной моделью развития. Я не сильна в истории архитектуры, но до того, как построили Уорикский замок в Англии или замки крестоносцев, люди соорудили великое множество сооружений куда более примитивных. Творчество шло по кривой обучения,

монотонно: не вдруг в один прекрасный день в глубине веков люди проснулись и построили самый совершенный на все времена замок. Пирамида непостижима, она не вписывается в общую схему — она будто глядит с высоты на все, что появилось на земле после нее.

— Ты права. Мы с тобой, наверное, начинаем понимать, как несостоятельна официальная история. — Он нахмурился в тон своим черным мыслям, а затем вернулся к Кэтрин. — Сейчас я покажу тебе кое-что.

Рутерфорд включил передачу и вновь слился с плотным потоком движения. Они двигались по шоссе еще примерно милю, прежде чем свернуть и, миновав несколько боковых улочек, очутиться на краю пустыни. Далеко позади остались уродливые бетонные высотные дома центра Каира, исчезли даже убогие административные здания, тянувшиеся вдоль шоссе. Здесь были строения почти сельского вида — будто пригороды столицы, дойдя до порога пустыни, вдруг обессилели. Дороги были не асфальтированы, и поднятая колесами пыль висела в воздухе. Рутерфорд остановил машину. Пирамиды, казалось, нависли над учеными, хотя до них еще предстояло шагать через песчаные дюны.

— Приехали. Теперь пешком.

Был час пополудни, и солнце пекло немилосердно. Выбравшись на яркий солнечный свет, они зажмурились. Жар поднимался от раскаленного песка, было трудно дышать. Крепко пахло навозом, жужжали мухи. Плато Гизы было почти пустым. Один-два охранника уныло прохаживались вокруг основания пирамиды Хеопса: туристы в этот час сидели в отелях, прячась от полуденного солнца. С трудом протащившись через пески, ученые наконец добрались до цели.

Рутерфорд подошел к нижнему слою кладки. В лице его уже почти не осталось былой уверенности. Он похло-

пал ладонью по боку одного из массивных блоков — тот доходил ему до груди и весил по меньшей мере десятков тонн. Джеймс запрокинул голову, чтобы посмотреть на вершину. Кэтрин прикрыла ладонью, как козырьком, глаза и обвела взглядом обширное плато Гизы.

— Думаешь, мы здесь в безопасности? Идут они за нами или бросили?

Рутерфорд перевел беспокойный взгляд к горизонту. Вся панорама плато дрожала в знойном мареве.

— Не знаю. Но думаю, расслабляться не стоит. Скорее всего, они уже знают, каким рейсом мы вылетели. Надо торопиться.

Во рту у Кэтрин пересохло. Она закинула голову, но взгляду ее не удалось достичь вершины древней пирамиды.

— И Безумова надо найти. Он наверняка в Каире.

Рутерфорд покачал головой и посмотрел на Кэтрин:

— Одно известно точно: завтра, на рассвете дня весеннего равноденствия, мы должны быть здесь. Что делать с русским, я, честно говоря, не знаю. — Сощурившись, он вновь посмотрел на пирамиду. — А сейчас давай сосредоточимся на разгадке нашей тайны.

Он повернулся и опустил правую руку на край нижнего яруса кладки.

— Поразительное сооружение, правда? Изготовлено из двух с половиной миллионов каменных блоков, каждый весом от двух до пятнадцати тонн. Общий вес строения просто колоссален, ошибка в позиционировании хотя бы одного блока привела бы к неверному распределению массы, и строение просто развалилось бы. — Он погладил камни. — Изначально грани пирамиды покрывала облицовка из слоя камня, напоминающего белый мрамор, отчего эта пирамида и две соседние сверкали на солнце, как зеркала. Эффект, наверное, был потрясающим.

Кэтрин приблизилась к основанию и провела пальцами по поверхности камня.

— Откуда известно, что была облицовка? И куда она подевалась?

— Во-первых,— отвечал Рутерфорд,— имеются описания тех лет, оставленные древним греками, во-вторых, кое-где еще остались фрагменты отделки. Каждый из этих вот блоков весит примерно десять тонн, а стыки между ними такие, что лист бумаги не просунешь. Очень напоминает кладку в Перу,— добавил он.

Кэтрин отклонилась назад и попыталась разглядеть вершину. Это ей не удалось: насколько хватало глаз, ввысь уходила бесконечная лестница из каменных блоков. Рутерфорд отступил на несколько шагов, чтобы лучше рассмотреть.

— Только это еще не все. Обрати внимание: основание пирамиды представляет собой квадрат.

Кэтрин тоже отошла и стала рядом. Рутерфорд продолжил:

— Стороны этого квадрата предельно точно ориентированы по сторонам света, то есть северная сторона основания, на которую мы сейчас смотрим, ориентирована на север, восточная — на восток и так далее.

Кэтрин посмотрела направо, потом налево вдоль основания северной грани.

— Так уж и предельно точно?

Рутерфорд ответил:

— Ну, настолько точно, насколько это в силах человека при строительстве сооружения такого масштаба. Все пирамиды обмерялись экспертами, применявшими самые передовые приборы, и выяснилось, что погрешность составляет одну сотую процента.

— Ничего себе!

Рутерфорд с удовлетворением наблюдал за реакцией Кэтрин.

— Вот именно. Оттого и непонятно.

— Не то что непонятно — это просто абсурдно.

— Я бы так не сказал. Вернее, в такой точности необходимости не было. Человеческий глаз устроен так, что не в состоянии заметить погрешность в один процент. Современный строитель, например, особо не расстроится, зафиксировав погрешность даже в полтора процента. А еще более непостижимо: уменьшить этот показатель с процента до одной десятой — это просто чертовски трудно.

Кэтрин вновь изумилась:

— В таком случае чего ради они беспокоились?

Рутерфорд потер подбородок.

— К этому-то я и веду: никто не нашел объяснения. Как бы там ни было, мания точности здесь не заканчивается. Длины сторон квадрата также почти одинаковы. И все углы — насколько это было в человеческих силах — выстроены точно по девяносто градусов. Уму непостижимо.

«Сколько же стараний было вложено в эту древнюю конструкцию», — с восхищением подумала Кэтрин.

— Но как они добились такого технического великолепия?

Рутерфорд оторвал руку от подбородка и поднял указательный палец, будто желая подчеркнуть значение своих слов:

А-а, тут еще одна проблема. Уровень мастерства до самого двадцатого века не достигал такой высоты. Никто до сих пор не объяснил, как такой точности можно было добиться без современных измерительных приборов. И даже применяя такие приборы, едва ли ее можно достичь. Вот еще одна головоломка для нас.

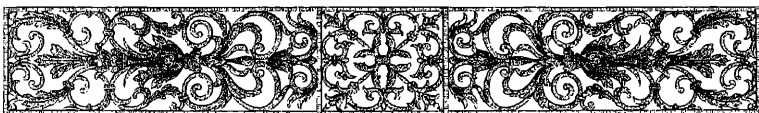

На выходе из отеля «Стар Найл Хилтон» швейцар-нубиец в красном тюрбане, красной униформе и белых перчатках распахнул створку стеклянных дверей, и Иван Безумов решительно шагнул за порог.

Когда он вышел на раскаленную полуденным солнцем улицу, водитель, нервно кутивший в ожидании клиента в тени одной из пальм неподалеку от входа, мгновенно подобрался, отшвырнул сигарету и прыгнул в машину — внедорожник «тойота-лендкрузер», как и требовал Безумов.

Когда он повернул ключ зажигания, двигатель взревел. Безумов с нетерпением ждал, пока «лендкрузер» подъедет к центральному входу отеля. Не успел шофер выйти из машины и обежать ее, чтобы раскрыть перед пассажиром дверь, как Безумов уже вскочил на подножку.

— К пирамидам — гони!

Кэтрин пошла за Рутерфордом к углу Великой пирамиды. Дойдя до него, она встала так, чтобы были как можно лучше видны склоны северной и западной граней. А взгляд неумолимо притягивала вершина пирамиды. Кэтрин показалось, что на самом верху недостает нескольких рядов кладки.

— А что случилось с верхушкой?

Рутерфорд отошел немного назад и любовался видом на запад — на убегавшие к горизонту песчаные дюны.

— Никто толком не знает. В какой-то момент последних нескольких тысячелетий ее сняли. По меньшей мере две с половиной тысячи лет назад путешественники уже сообщали об отсутствии вершины и нескольких рядов кладки под ней.

— А что венчало пирамиду?

— Полагают, камень Бенбен*.

— Какой камень?

— Бенбеном называли пирамидион, венчавший вершину пирамиды. По преданиям, в давние времена Атум, древнеегипетский бог первотворения, возник из изначального хаоса и стал прародителем других богов. Отсту-

Бенбен — таинственный камень предположительно конической формы и внеземного происхождения, играл в религиозных мировоззрениях древних египтян огромную роль.

пающий океан хаоса обнажил несколько пядей земли. На одной из них лежал камень Бенбен.

— Ого, еще один миф о потопе.

— Вот-вот.

— Но если это миф, не является ли камень Бенбен просто символом или метафорой?

— Не уверен. Может, это был обломок метеорита — известны случаи обожествления древними таких объектов. Или просто обломок скалы, который люди объявили священным. Однако оснований утверждать, что он не существовал, нет. По-видимому, камень Бенбен помещался на вершине пирамиды, излучая божественный свет, который был виден отовсюду за многие мили. Даже ночью — когда отражал свет звезд.

— Из чего, интересно, он был изготовлен?

— Алмаз, полированный гранит, золото — кто ж знает... Поговаривают даже, в нем был глаз Гора — знаешь, этакое всевидящее око, как на той пирамиде, что на долларовой купюре. По легенде, Бенбен сняли верховные жрецы, когда поняли, что дни старой религии близятся к концу. Занималась эра христианства, они понимали, что Бенбен придется снимать, иначе рано или поздно кто-нибудь украдет его. И вот они сняли его и спрятали. Очередная загадка пирамид.

Кэтрин повернулась и посмотрела в пустыню.

«Пески, пески... — до самой Атлантики. Наверное, не много в этих краях найдется месторождений камня», — подумала она.

— Подумать только, Джеймс, как они умудрились все это построить? Как они доставляли гигантские каменные блоки через пустыню, а затем поднимали их и устанавливали с такой точностью?

Рутерфорд ожидал от нее этого вопроса и невольно улыбнулся.

— Ответ тебе не понравится, но я повторюсь: кто его знает...

Кэтрин пристально посмотрела на Рутерфорда. На лице ее было недоумение.

— Здесь два с половиной миллиона блоков, каждый весом не легче автомобиля. Как ты себе представляешь транспортировку и погрузку без помощи железного кра-
на? — Кэтрин упорно не отводила глаз. — Я не египтолог и не инженер — я ничего в этом не понимаю. Какие есть на этот счет гипотезы?

— По-моему, самая распространенная — та, которую можно слышать на уроках истории в школе: блоки перетаскивали и поднимали, применяя грубую физическую силу. В строительстве участвовали сто тысяч человек и длилось оно два десятилетия.

Кэтрин подумала секунду.

— Уйма народу... Столько ртов надо было прокормить. Это были военнопленные?

— Нет, полагают, что крестьяне. На строительстве пирамид они трудились только три месяца в году, когда Нил выходил на максимальный уровень и в сельскохозяйственных работах наступали вынужденные каникулы.

Кэтрин принялась думать вслух.

— Ничего себе каникулы! Ну хорошо, если по три месяца двадцать лет — это шестьдесят месяцев. Допустим, работали они по двенадцать часов в день. В месяце тридцать дней — по двенадцать часов ежедневно это примерно в сумме двадцать тысяч часов. И если было два с половиной миллиона блоков каждый весом минимум пару тонн, им пришлось бы перемещать примерно сто двадцать блоков в час. Или, грубо говоря, два блока в минуту.

Рутерфорд изобразил на лице гримасу преувеличенного неверия.

— Честно говоря, два блока в минуту — это просто невероятно.

— Но что еще более невероятно: они не просто перемещали их с одного места на другое — они поднимали их в воздух на высоту сотен футов, опускали и укладывали с точностью нейрохирурга.

Рутерфорд рассмеялся и пожал плечами.

У Кэтрин на языке уже крутился другой вопрос:

— Ты мне так и не сказал, с какой целью вообще были построены пирамиды.

Рутерфорд неожиданно сник:

— Кэтрин, правда, я уже не знаю, что и думать. И подозреваю, что теория Безумова сейчас куда ближе к истине, чем общепринятая точка зрения.

Кэтрин наморщила лоб, попытавшись понять, что он имел в виду:

— Поясни.

— Египтологи утверждают, что пирамиды — это гробницы. Последнее место отдохновения фараонов. Я всегда соглашался с этим. Но теперь сомневаюсь.

Он поднял взгляд на громадину Великой пирамиды:

— Ибо это упрощенческий взгляд. Зачем было создавать себе столько проблем? Ну не укладывается у меня в голове, что пирамиды были всего лишь погребальными камерами для мертвых царей. Прости, я, наверное, не очень логичен, но это именно то, что я сейчас чувствую.

— А на основании каких доказательств археологи утверждают, что это гробницы?

Рутерфорд ответил не сразу, несколько мгновений собираясь с мыслями:

— Геродот, древнегреческий историк пятого века до нашей эры, первым предположил, что Великая пирамида была построена Хеопсом, что его брат Хафре постро-

ил вторую пирамиду, а сын Хафре — третью. Вот с тех пор египтологи согласны с его предположением и каждый раз, когда они натываются на косвенные подтверждения, принимают их за окончательные доказательства. Например, в районе Гизы были найдены различные надписи, ассоциирующие Великую пирамиду с Хеопсом. Но это не доказательство, ведь фараоны наследовали святости своих предков. Когда открыли пирамиды, выяснилось, что внутри пусто: сокровищ не было, и только в третьей, самой маленькой, нашли кое-какие кости. Но даже они, как выяснилось, датированы приблизительно периодом Иисуса Христа, а пирамиды были построены намного раньше. Говорят, пирамиду Хеопса обчистили расхитители гробниц. Но подтверждений этому нет.

Кэтрин обдумала услышанное.

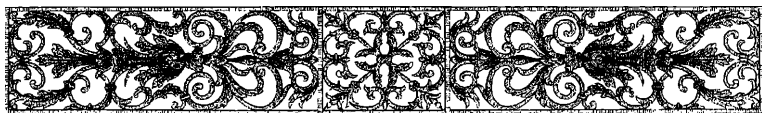
— Ага, по всему выходит, никто толком ничего не знает?

Рутерфорд смущенно улыбнулся.

— Выходит, так.

Рутерфорд вновь поднял взгляд на высоченную грань пирамиды.

— Это одна из загадок в стране загадок. Мы не знаем, для чего их построили, мы не понимаем, как их могли построить, и, положив руку на сердце, мы даже не знаем, когда это было. Так и стоят они тут с самого начала истории человечества, а вполне вероятно, что и того дольше. — Он сделал шаг назад и улыбнулся Кэтрин. — Ладно, пойдем посмотрим, что внутри.

На другом конце Каира доктор Ахмед Азиз возвращался в свой уютный кабинет после продолжительного обеда. Работая директором Службы древностей Египта, доктор Азиз также числился хранителем пирамиды Хеопса и заместителем директора Египетского музея. Он был моложав — на вид около сорока, с густыми черными усами, и сегодня был одет в элегантный темно-синий костюм. Ахмед уже начинал полнеть — вероятно, следствие официальных обедов и ужинов, в которых ему полагалось участвовать по чину всякий раз перед показом иностранным делегациям знаменитых красот Египта или после таких показов, но ранняя полнота не мешала ему буквально светиться здоровьем.

Как ему удалось столь стремительно взлететь на высокий пост в одной из известнейших сокровищниц в мире, оставалось загадкой для многих даже в правительстве Египта. Нельзя сказать, что он не был профессионалом: бесспорно Азиз являлся экспертом — например, по древнеегипетской керамике. Кроме того, после защиты кандидатской диссертации он работал в США. Однако получить продвижение в высшие круги директората в таком молодом возрасте было случаем беспрецедентным. Судьба благосклонно улыбалась ему.

Азиз взглянул на настенные часы. Полчетвертого дня. Обед продлился дольше, чем он рассчитывал, однако так

частенько бывает, когда приходится ублажать нужных иностранных сановников.

Как только Азиз уселся в кресло, зазвонил городской телефон. Подняв трубку пухлой рукой с двумя массивными золотыми перстнями, он проговорил в нее:

— Салам алейкум.

— Азиз, это я, — раздался знакомый голос сенатора Куртца.

Лицо Азиза мгновенно изменилось. Умеренное раздражение и разочарование уступили выражению тревожной озабоченности.

Он покосился на оставшуюся открытой дверь кабинета: видна была приемная, где сидели секретарша и его помощник, мистер Поимандрес, низенький хрупкий шестидесятилетний копт*. Оба были как будто очень заняты: секретарша печатала, а мистер Поимандрес говорил по телефону.

Но рисковать он не собирался — особенно это касалось Поимандреса. В обществе своего помощника Азиз всякий раз чувствовал дискомфорт. Возможно, оттого, что тот являлся представителем одной из старейших христианских церквей в мире, а Азиз — правоверным мусульманином. На протяжении двух тысяч лет копты были могущественной частицей египетского сообщества — кое-кто сказал бы, непропорционально могущественной. Не будь Поимандрес таким добросовестным помощником, Азиз давным-давно избавился бы от него.

В трубке было слышно нетерпеливое сопение сенатора.

— Минутку, сэр.

Азиз положил трубку на кожаную обложку блокнота на столе, подошел к двери и, заглянув в приемную,

* Копты — египетские христиане, представители одной из самых древних ветвей христианства.

чтобы проверить, нет ли там посторонних, закрыл ее и защелкнул замок.

— Прошу вас, сэр, я вернулся.

— Слушайте меня, Азиз, очень внимательно. Если сегодня к вам на прием придут с вопросами или какими-то гипотезами о пирамидах — я хочу, чтоб вы ответили следующим образом... Вы слушаете?

— Да-да, сэр!

Последовала пауза.

— Так вот, скажете им, что их теории ошибочны. Что идеи их не новы, широко обсуждались публично и, как бы ни были интересны, ничего общего с действительностью не имеют. Разумеется, визитеры попытаются втянуть вас в дискуссию, однако вы не должны им этого позволить. Понятно? Не ввязываться. Не спорить. Просто сказать им, что их утверждения ошибочны.

— Я понял, сэр. Может, мне просто-напросто отказаться принять их?

— Не надо, это вызовет подозрения. Они вовсе не «ботаники», мы имеем дело с уважаемыми научными сотрудниками Оксфордского университета. Встретьтесь с ними, в дебаты не вступайте и опровергайте все, что бы они ни говорили. Вам все ясно?

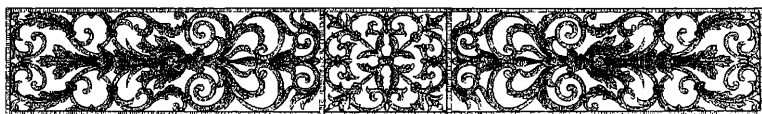
— Да, сэр, предельно ясно, сэр.

— И пожалуйста, Азиз, если вы цените свой высокий пост, — никаких ошибок. Я скоро буду в Египте и лично позабочусь об этих двоих.

Азиз нервно сглотнул и промокнул вспотевший лоб носовым платком.

— Сэр, а вы... Вы летите в Египет?

На том конце отключились. Сердце Азиза колотилось так, будто он пробежал стометровку.

Кэтрин и Рутерфорд направились вдоль основания западной грани пирамиды, где примерно посередине была установлена современная конструкция, поддерживавшая ведущую ко входу лестницу. Когда они подошли ближе, Кэтрин огляделась вокруг, не идет ли кто за ними следом. Ее внимание привлек мужчина в арабском наряде, стоящий отдельно от группы туристов, но на нее он, похоже, не обращал никакого внимания. Затем она проследила взглядом за семьей, медленно бредущей по песку. Как будто все тихо, подумала Кэтрин, но перемениться может в одно мгновение, и перспектива оказаться в ловушке под землей совсем не радовала. Рано или поздно должен появиться Безумов, и она была твердо уверена, что встреча с ним не принесет ей радости.

Рутерфорд посмотрел на Кэтрин:

— Что с тобой? Пойдем, мы почти у цели.

Джеймс тоже беспокоился, и оба, торопливо взобравшись по ступеням и пригнув на входе головы, прошли внутрь. Они очутились в похожем на пещеру проходе. Кэтрин глянула через плечо на автомобильную парковку за полоской: машины приезжали и уезжали. Не успела она опустить ногу на каменный пол туннеля, как клаустрофобия вцепилась ей в горло.

Рутерфорд сделал шаг и, протянув руку, провел ладонью по неровной стене.

— На туннеле заострять внимание не стоит — это абберация. Его прорубили арабские рабочие, но не те, что строили пирамиду, вот почему он выглядит так грубо. Он называется Мамунова дыра в честь египетского халифа, организовавшего проникновение в пирамиду и поиски в ней сокровищ.

В полной тишине они продвигались по слабо освещенному проходу до тех пор, пока не добрались до главного туннеля.

Коридор с заметным уклоном вел вниз, в темноту, и, несмотря на то что через равные промежутки в потолок были вмонтированы светильники, конец коридора разглядеть было невозможно. Сам коридор напоминал внутренность гигантского узла стального механизма. Каменные стены были зеркально гладкими. От этого зрелища у Кэтрин захватило дух.

«Просто чудо какое-то. Это не может быть просто гробница. Это какое-то устройство, механизм. От него за версту веет функциональным предназначением».

Рутерфорд с улыбкой посмотрел на нее.

— Так и знал, что это тебя впечатлит. Коридор уходит вниз на триста сорок девять футов под углом ровно двадцать шесть градусов, что составляет половину от пятидесяти двух градусов — угла наклона боковых сторон пирамиды. Но самое потрясающее, что он не отклоняется ни на долю дюйма на всем своем протяжении. Даже сегодня такой точности добиться просто нереально.

Рутерфорд повел Кэтрин вдоль прохода.

— Сейчас поднимемся в Галерею.

Когда они продолжили путь, Кэтрин огляделась, всматриваясь в сумрак. Их тени рисовали на стенах подвижные формы. Усиливаемый мрачноватой тишиной, был отчетливо слышен звук каждого шага. Тут ей почудилось, будто откуда-то сзади донеслось эхо шагов.

Однако ничего уже поделать нельзя, подумала Кэтрин, надо продолжать идти вперед. Она обратила внимание, что дыхание ее сделалось поверхностным, нервным, и попыталась успокоить себя. Перепрыгнув через пару современных ступеней, она очутилась в коридоре, также уходящем в темноту, но с уклоном вверх — почти зеркальное отражение нисходящего туннеля. Та же, напоминающая механизм, точность исполнения и почти непреодолимый угол наклона, только восходящий. Чувство клаустрофобии усилилось. Потолок нависал менее чем в четырех футах от пола, и было душно. Согнувшись пополам, ученые продолжили подъем.

Спустя несколько мучительных минут узкий проход внезапно перешел в довольно просторное помещение в 150 футов длиной и около 30 высотой с покатым сводчатым потолком. Рутерфорд выпрямился во весь рост и с облегчением потянулся.

— Уф, я уж было запаниковал.

Кэтрин вытерла лоб, ничего не говоря. Она не хотела признаваться в том, что ее страхи не отступили: возрастающее чувство, будто кто-то последовал за ними в пирамиду, чтобы совершить некую страшную месть, не отпускало. Пытаясь отбросить гнетущее предчувствие, она пригляделась к полу уходящего вверх туннеля.

— Господи, а это-то что? — она показала на борозду, бегущую по периметру всего помещения. — Очень напоминает направляющую для какого-то механизма или чего-то в этом роде. Только, пожалуйста, не повторяй своего «кто его знает».

Рутерфорд скорчил извиняющуюся мину. Кэтрин покачала головой, и они продолжили восхождение по большой галерее.

Миновав очередной проход, они очутились в большом, последнем на их пути помещении. Рутерфорд расправил плечи, потирая поясницу, и поправил рюкзак.

— Вот она, камера царя Большой пирамиды.

Стоя рядом с ним, Кэтрин подивилась угнетающей атмосфере помещения, сознавая, какая масса каменной кладки давит сверху. Ей чудилось, будто стены, сложенные из темных каменных блоков, неумолимо надвигаются на нее.

«Если кому-то придет в голову убить нас — это самое подходящее место: никто никогда не узнает...»

Лицо Рутерфорда блестело от пота.

— Что это? — Кэтрин показала на каменную форму размером с человека, лежащую на полу у дальней стены.

— Гранитный саркофаг. Он пустой — пойдем посмотрим.

Подойдя к саркофагу, они внимательно рассматривали его. Рутерфорд, заглядывая в справочник, пробормотал вслух его размеры. А затем вдруг воскликнул:

— Бог ты мой! Имперские меры*, употребляемые сегодня в Англии и Штатах, — дюймы и футы — соизмеримы с системой мер, применявшейся в строительстве пирамиды и изготовлении саркофага.

— Что?! Так, может, она послужила основой для нашей измерительной системы?

— Похоже, именно так. Никогда прежде я не задумывался о пирамиде в этом контексте, но сейчас чувствую, что она — буквально начало всему. Этот «ящик» здесь, наверное, с самого начала, поскольку чересчур велик, чтобы можно было протащить его по туннелю, по которому мы сюда попали. И что еще интересно: внутренние углы его почти идеально прямые. Просто непостижимо, как этого добились с использованием технологий, отличных от современных. Чтобы так выдолбить гранит, нужны колоссальное давление и алмазные буры.

* Стандартные единицы мер, принятые в Соединенном Королевстве.

Тут вдруг Кэтрин будто что-то подтолкнуло. Со страхом в голосе она спросила:

— Погоди-ка, а что именно за размеры ты там вычитал?

Удивившись ее вопросу, Рутерфорд несколько мгновений изучающе смотрел ей в лицо, затем опустил взгляд на справочник:

— Внутренняя длина — шесть футов шесть целых и шесть десятых дюйма...

— Вот, — перебила Кэтрин, — значит, я тогда не ослышалась. Это не случайность, учитывая все, что мы знаем об их мании к точности. Внутренняя длина древнего сундука, лежащего в самом сердце старейшего и самого загадочного строения, обозначена цифрами шестьсот шестьдесят шесть — числом дьявола.

Именно в этот момент освещение мигнуло, и на секунду камера погрузилась в полную темноту. У Кэтрин душа ушла в пятки. Рутерфорд почувствовал, как волна паники устремилась из области желудка к груди.

Затем свет включился. Джеймс будто постарел лет на десять.

— Думаю, задерживаться нам здесь без нужды не стоит ни минуты.

Кэтрин вновь обрела дыхание.

— Не стоит...

Свет больше не гас. Рутерфорд вытер рукавом лоб и заговорил — по голосу чувствовалось, как он нервничает:

— Вообще-то шестьсот шестьдесят шесть — это не число дьявола.

Кэтрин, беспокойно обводя взглядом жутковатое помещение, не поняла его.

— В смысле?

Рутерфорд, обильно потев, объяснил:

— В смысле, что оно гораздо древнее христианства. Это языческое обозначение Солнца или земной силы. Алхимики ассоциировали его с серой. В гематрии библейская фраза «theos eini eri gaia» — «я есть бог на земле» имеет цифровое значение шестьсот шестьдесят шесть. Поздние христиане, потерявшие связь с древними знаниями, стали испытывать страх перед этим числом и его символической силой.

Джеймс нервно вытер лоб тыльной стороной ладони и беспокойно огляделся.

— И это еще не все. Иди скорее сюда.

Рутерфорд подошел к южной стене. Кэтрин — за ним, каждую секунду со страхом ожидая, что свет опять выключат, и очень жалея, что у них нет с собой фонарика. Рутерфорд показал на небольшое отверстие.

— Вот эта шахта идет через кладку пирамиды наружу. Как и все здесь, шахта идеально прямая. Она проходит через середину кладки под углом точно сорок пять градусов. Тысячи тысяч блоков нужно было выдолбить специально так, чтобы сквозь них прошел ее ствол. Но это далеко не все. Если мысленно продлить ствол шахты в открытый космос, время от времени он будет пересекаться с меридиональной траекторией Пояса Ориона, священной областью неба в религии Древнего Египта. Аналогично в камере царицы ствол южной шахты направлен точно на Сириус. Иероглиф Сириуса составлен из звезды, пирамиды и камня Бенбен.

При упоминании о Сириусе у Кэтрин замерло сердце: она мысленно перенеслась в залитый солнцем лекторий колледжа Олл-Соулз, на свою лекцию о загадке племени догонов.

«Как же далеко мы зашли, если эти вопросы, перестав быть развлечением для преподавателей, превратились в вопросы жизни и смерти».

Рутерфорд продолжил:

— И в каждой камере имеется шахта, «глядящая» на определенную звезду. Обычно, когда шахта «смотрит» на звезду, остальные нацелены просто в космические пустоты. Но скорее всего, все четыре будут точно нацелены на свои объекты, если звездные часы открыть назад на две тысячи четыреста пятидесятый год до нашей эры.

Кэтрин наморщила лоб.

— Интересно, какой в этом смысл? Может, так они хотели увековечить день, когда им наконец удалось встать на ноги после хаоса потопа? Но в этой связи с Сириусом есть что-то такое... — Кэтрин не могла не вспомнить догонов и проговорила: — Может, просветители и к ним приходили...

— Что? — переспросил Рутерфорд, не понимая, о чем она.

Кэтрин оборвала себя:

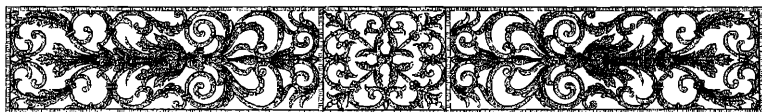
— Нет, ничего. Просто странно. Но вовсе не случайно, что все шахты нацелены на звезды.

Рутерфорд обеспокоенно посмотрел на лампы, будто ожидая, что они вновь погаснут.

— Поговорим об этом, когда выйдем отсюда, хорошо? Тут со всех сторон так давит, просто не по себе...

Кэтрин уговаривать не пришлось:

— Да, пойдем скорее отсюда.

Дверь самолета распахнулась, и секретарь вышел на североафриканский зной — словно наткнулся на стену. Каирский аэропорт изнывал от жары. Двигатели самолета продолжали работать — белый шум делал невыносимой телефонную связь. Сильно пахло авиационным топливом.

С гримасой отвращения секретарь спустился по широкому трапу и ступил на взлетно-посадочную полосу, сопровождаемый двумя своими самыми надежными телохранителями. В то же мгновение четырехтонный грузовик с брезентовым верхом подкатил и встал в нескольких ярдах от самолета. Крепкого сложения европеец в «пустынном» камуфляже распахнул водительскую дверь и, соскочив вниз, спешно направился к лайнеру. Двигатели, постепенно замедляя вращение, продолжали шуметь, и ему пришлось кричать:

— Сэр, со мной шесть человек. Все вооружены и наготове, также в полной готовности наши агенты по всему Каиру. Что касается объектов наблюдения — три часа назад они прошли таможенный досмотр и сейчас находятся в Гизе.

Секретарь нахмурился:

— А человек в белом? Нашли его?

— Нет, сэр, на его след напасть опять не удалось. Глобальные операторы сообщают, что это бывший офицер

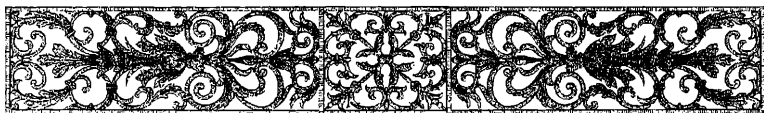
российской армии, ученый-ренегат и шпион, — вероятно, поэтому мы упустили его. Пару лет назад он работал с профессором, сам же давно интересуется шапками полярных льдов.

Секретарь взглянул на своего подчиненного и, четко проговаривая слова, решительно изложил план:

— Необходимо предоставить объектов самим себе, брать будем чуть позже. Повторение случившегося в Ла-Пасе недопустимо. Соблюдать осторожность, действовать скрытно, но в Гизе наши люди должны находиться в полной боевой готовности. Что же до русского, пришло время прихлопнуть и его. На этом этапе рисковать мы не имеем права. Распространите его фото среди всех агентов и отдайте приказ стрелять без предупреждения.

Он замолчал и посмотрел в сторону здания аэропорта за взлетной полосой, где расплывались в мареве движущиеся человеческие фигурки. До наступления дня весеннего равноденствия оставались считанные часы. Он выглядел усталым и постаревшим, впервые взгляд его выдавал неуверенность и уязвимость — он едва не дрожал.

Секретарь перевел взгляд на двух своих телохранителей: в самолете он их проинструктировал. Опыта этим парням не занимать, а на их преданность можно вполне рассчитывать, когда придется иметь дело с сенатором, который будет полностью сосредоточен на планах грядущего дня. В случае неудачи ему меньше всего хотелось бы попасть под допрос кого-нибудь из своих.

Выбравшись из чрева Великой пирамиды, Кэтрин и Рутерфорд едва не ослепли от яркого солнца. Безоблачное синее небо раскинулось от края до края, и даже однообразие пустыни несло облегчение после испытанной в туннелях клаустрофобии.

Кэтрин прикрыла глаза левой рукой, одновременно правой отряхивая одежду от пыли.

— Ой, воздух! Чистый такой и — солнышко! Слава богу, выбрались. Я бы, наверное, с удовольствием и заночевала прямо тут.

Рутерфорд достал из рюкзака темные очки и вздохнул полной грудью:

— Согласен!

Кэтрин обернулась и бросила взгляд на громаду Великой пирамиды.

— В общем, ясно одно: это строили не примитивные люди. И была она не просто погребальной камерой. Если бы можно было сейчас поговорить здесь с профессором Кентом. Он бы точно знал, что делать...

Рутерфорд склонил голову и упрямо проговорил:

— Главное — не сдаваться и идти вперед. В конце концов мы это выясним.

Кэтрин подошла к Рутерфорду, обняла за плечи и молча прижалась к нему. Полминуты они стояли обнявшись, затем отступили друг от друга и забросили за плечи рюкзаки.

Они обогнули северный угол пирамиды, и перед глазами возник Некрополь Гизы.

— Вот он.

Рутерфорд показывал в юго-восточном направлении на плавно понижающееся каменистое плато, ведущее вниз, к сфинксу, лежащему там в вырубленном в скале углублении. Тело льва, голова человека — сфинкс лежал, вытянув перед собой передние лапы, мощным телом сливаясь воедино со скалой. Не счесть, сколько тысячелетий он терпеливо ждет здесь — много раз бывал целиком погребен неумолимо наступающими песками, но либо император, либо царь, либо другой правитель в конце концов находили его и откапывали.

— Он ведь на восток смотрит? — спросила Кэтрин.

— Да, точно на восток, прямо на восход солнца. На этот раз строители увековечили эру Льва*, которая начиналась в десять тысяч девятьсот семидесятом и закончилась в восемь тысяч восемьсот десятом.

— Здорово: ведь это в точности соответствует датам, которыми обозначил фон Дехенд окончание последнего ледникового периода. Думаешь, они таким вот образом ставили «вехи», когда была уничтожена их цивилизация?

Рутерфорд даже не ответил. Они приближались к гигантскому сфинксу. Он был почти 60 футов в высоту и 240 в длину — величайшая скульптура в мире. Рутерфорд задрал голову.

— Смотри, какой он обветрившийся.

Кэтрин внимательно разглядывала огромные выбоины, сколы и трещины, покрывающие древний камень, из которого был высечен зверь. Местами он выглядел, словно исполинская оплывающая восковая кукла. Огромные трещины тянулись по камню сверху донизу.

* Эра Льва охватывала период с 10 970-го по 8810 г. до н. э.

— Не одна тысяча лет должна миновать, чтобы вызвать эрозию такой силы.

— А чем он вообще вызвана?

— Дожди, дожди и еще раз дожди. Сахара ведь относительно молодая пустыня. В этих краях не всегда царили пески: когда-то тут был зеленый, плодородный край. И уж точно лили дожди, долго и обильно.

— А что говорят — когда его сотворили?

— А это зависит от того, кого спрашивать.

Они подошли и встали перед грудью сфинкса и, подняв головы, смотрели на его древнее лицо.

— Эксперты по износу известняка пришли к заключению, что сфинкс мог быть высечен по меньшей мере девять тысяч лет назад, и заключение это традиционное. Он невероятно, просто непостижимо старый. И конечно же, общепринятая история утверждает, что приблизительно в то время мы все бегали в набедренных повязках из шкур и пользовались каменными орудиями труда.

Глядя на невозмутимое лицо сфинкса, Кэтрин подумала о великих людях, создавших это творение тысячелетия назад.

— Хорошо, — сказала она. — Что мы имеем: пирамиду построили в соответствии с техническими требованиями, до которых даже у НАСА еще нос не дорос. Конструкция пирамиды подразумевает знание астрономии и высшей математики, стоит на нее только взглянуть. Также в ней имеются вентиляционные шахты, каким-то образом ориентированные на звезды согласно их расположению в две тысячи четыреста пятидесятом году до нашей эры. Имеем сфинкса, возраст которого по меньшей мере девять тысяч лет — а может, и больше, — что явно указывает нам на эру Льва. А самое главное, мы имеем полное и дружное отрицание серии этих неопровержимых фактов всем историческим сообществом.

Кэтрин неторопливо обошла вокруг передних лап ди-
ковинного зверя.

— Вдобавок еще составители самих карт, подтолкнувшие нас к исследованию, считали это место центром мира. Дальше. Нам известно о существовании во всех уголках планеты мифов, описывающих отряд «просветителей», пришедших после Великого потопа возрождать погибшую цивилизацию. По гипотезе профессора Кента, в мифах также содержится обилие технической информации, имеющей отношение к катаклизму, вызвавшему подвижку земной коры. И наконец, благодаря доктору фон Дехенду мы смогли датировать этот катаклизм концом ледникового периода, то есть приблизительно одиннадцатитысячным годом до нашей эры. Значит, примерно с этого этапа можно вести отсчет времени, за которое беженцы из Антарктиды добирались до Египта, чтобы возродить свое сообщество и воздвигнуть сфинкса.

Рутерфорд посмотрел на Кэтрин и смущенно улыбнулся:

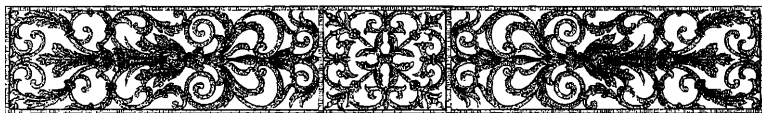
— Это еще не все.

Кэтрин нахмурилась, почуяв неладное:

— Что?

Рутерфорд глядел себе под ноги.

— Я забыл рассказать тебе о лодках.

Кэтрин почувствовала, что еще чуть-чуть — и голова пойдет кругом.

— Какие еще лодки? — осторожно спросила она.

Рутерфорд поднял глаза — ему было почти неловко оттого, что придется раскрыть еще одну тайну.

— Из песка рядом с пирамидами археологи выкопали несколько лодок. Большие, способные преодолеть океан посудины. Морские археологи пришли к выводу, что такие плавсредства могли быть построены только в результате длительной серии экспериментов в проектировании судов.

Запрокинув голову, Кэтрин рассмеялась и задала последний вопрос:

— А мы знаем, что древние египтяне говорили о своем происхождении?

— Знаем. И кстати, их собственная версия своего прошлого лучше стыкуется с фактами, чем версия общепризнанной истории. Это как раз то, что надо, — если мы хотим относиться к мифам с доверием.

— Поясни, пожалуйста.

— Взять, к примеру, Осириса — это один из древнеегипетских богов. Нетеру, как их называли, прибыли из своей таинственной родины, прямо как Кецалькоатль и его спутники или как Виракоча. Но если нетеру были из более «продвинутой» цивилизации, с мощным

запасом технических и религиозных знаний, то неудивительно, что аборигены Египта обожествляли их.

Кэтрин была предельно сконцентрирована.

— Выходит, нетеру, которых египтологи отвергают как мифологических божеств, наверняка и были просветителями.

— Все указывает на это. Внутри пирамиды Унаса в Саккаре были найдены иероглифические надписи, датируемые примерно две тысячи четырехсотым годом до нашей эры*. Они чрезвычайно интересны, потому что, как и пирамиды Гизы, возникли буквально из ниоткуда.

— В каком смысле?

— Понимаешь, до внезапного появления этих текстов не существовало даже примитивной письменности. Не существовало даже простых иероглифов для подсчета продовольствия или обозначения течения дней, как, например, в документах ранней клинописи из Вавилона; вместо этого вдруг и буквально ниоткуда в Египте появляются искусные иероглифы. И более того, предметы обсуждения в них — высокоинтеллектуальные абстрактные теологические и метафизические идеи, воплощаемые большой «труппой» верховных богов и богинь. Уоллис Бадж, величайший британский ученый-египтолог, как-то сказал, что ему кажется просто невероятным неожиданное возникновение такой развитой цивилизации. Это как если бы бушмены из Калахари дали рождение целой культуре и религии иудеев за временной отрезок всего в сто лет, одновременно соорудив величайшее строение в африканской пустыне.

* Тексты пирамид — древнейшее произведение египетской религиозной и заупокойной литературы, дошедшее до нашего времени.

Кэтрин сосредоточенно размышляла, какой шаг им следует предпринять дальше.

— А кто здесь самый главный по всем этим древним памятникам? У кого можно получить разрешение на изучение этих строений в плане проверки новых гипотез? Кто обладает властью опровергнуть полное ошибок ортодоксальное мнение?

Рутерфорд внимательно взглянул на Кэтрин:

— Доктор Ахмед Азиз, директор департамента древностей. Одним росчерком пера он способен испортить карьеру любого египтолога, отказав ему в доступе на территорию древних памятников или даже на территорию Египта. Обладает всей полнотой власти.

Кэтрин решительно кивнула.

— Хорошо, по крайней мере, теперь знаем, кто тут самый главный. Если он предпринимал попытки перенести датировать все, значит, это уже сделано. Если же он решил, что версия истории Египта не выдерживает никакой критики, то нам стоит попытаться помочь ему изменить ее.

Рутерфорд оглянулся на величественные пирамиды.

— Знаешь, для начала хорошо бы задаться вопросом, почему он еще не сделал этого. Кое о каких фактах ему точно известно. Возможно, он не дал хода пересмотру по причине давления религиозных кругов на правительство.

Кэтрин не удалось увидеть в его доводах логики.

— Ты считаешь это главным фактором?

Рутерфорд снял очки и запустил пятерню в волосы.

— Дело в том, что мусульмане-фундаменталисты — они в самом деле имеют сильное влияние на правительство Египта — не слишком отличаются в этом от христиан-фундаменталистов в Америке или же от ортодок-

сальных иудаистов. Они тоже имеют свой собственный взгляд на историю человечества, напоминающий мусульманскую версию христианского креационизма*. Сомневаюсь, что им захочется быть вынужденными внезапно объяснять всему новому миру, что на самом деле ему предшествовало. Хотя... Кто их знает, я могу лишь гадать.

Кэтрин понимала, что в его словах есть доля истины.

— Я думаю, нам надо попробовать попасть к этому парню на прием. Ты что-нибудь о нем знаешь?

— Совсем мало. Виделись мы с ним, по-моему, только раз, много лет назад, точно не скажу — он читал нам лекцию в Оксфорде. Это было еще задолго до того, как его назначили директором. А его предшественник, кажется, погиб в автомобильной катастрофе. Помнится, назначение Азиза вызвало много шума, он ведь очень молод и учился в Штатах. — Рутерфорд помолчал. — Попытка не пытка. Безумова пока не видать, но до наступления дня весеннего равноденствия — двенадцать часов. Хотя совершенно непонятны его задумки: что такого можно сотворить из миллионов тонн камней? — Рутерфорд пожал плечами. — Ладно, пойдем к Азизу, послушаем, что он нам скажет о всех этих нестыковках.

Он задержал взгляд на неподвижном лице сфинкса и забросил рюкзак за плечо:

— Пошли к машине.

Кэтрин подняла голову и, посмотрев на лицо вечной скульптуры, пробормотала будто бы для себя:

* Креационизм — религиозная и метафизическая концепция, в рамках которой основные формы органического мира, человечество, наша планета, а также мир в целом рассматриваются как намеренно созданные неким сверхсуществом, или божеством.

— Не сомневайся, великий сфинкс, мы раскроем твою тайну.

Повернувшись на каблуках, она зашагала за Рутерфордом вверх по пологому склону плато Гизы.

— Стоп! — рявкнул Безумов.

Шофер резко затормозил у самой границы автостоянки Гизы. Машину догнало облако пыли.

Безумов не верил своим глазам: он заметил двух европейцев, бредущих по песку от сфинкса к автостоянке.

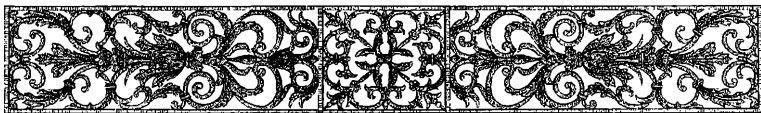
Лицо его исказилось от удивления и ярости. По мере того как две фигуры постепенно приближались, его подозрения обретали реальность. Он проследил за тем, как эти двое подошли к своей машине. Первой села в машину Донован, затем — этот бесящий его англичанин. Безумов в сердцах шлепнул ладонью по приборной панели.

Инстинктивно он запустил руку под пиджак к наплечной кобуре: пистолет был на месте.

«Нет, только не здесь...»

Машина выехала с парковки.

— Так, давай вон за той машиной. Из виду не терять ни на секунду!

По Каиру проехать не так легко. Многие улицы похожи друг на друга, дорожных знаков крайне мало. Движение сумасшедшее, и каирские водители трактуют дорожные правила в лучшем случае как общие рекомендации, в худшем же — как нечто абсолютно неуместное.

После множества неверных поворотов, наслушавшись до звона в ушах автомобильных гудков, Рутерфорд и Кэтрин наконец заехали на парковку за зданием департамента древностей Египта. Рутерфорд выглядел очень напряженным.

— Кошмар... Думал, мы никогда не найдем это место, казалось, что нас «ведут», пока до меня не дошло, что даже самый искушенный преступник в мире не управится с местным трафиком.

Джеймс выскочил из машины и, глядя на здание департамента, почувствовал, что ему как-то не по себе.

— Ты всерьез думаешь, что нам следует встречаться с Азизом? А если он даже не захочет принять нас?

Кэтрин громко хлопнула дверцей.

— Джеймс, наши методы пока срабатывали. Если вытянем пустышку, поедem поищем отель и попытаем придумать другой план. Я просто хочу видеть его реакцию.

Охранник в мешковатой коричневой униформе и фуражке вышел из караульной будки и махнул им в сторону служебного входа в здание. Кэтрин и Рутерфорд подошли к нему.

— Салам алейкум. Паспорта, пожалуйста.

Ученые предъявили паспорта, и, заглянув в них для формальности, охранник махнул им — проходите.

Прямой коридор с затертым линолеумом вел — если верить табличке со стрелкой — к стойке информации. По обеим сторонам мрачного, слабо освещенного коридора тянулись закрытые двери, иногда от него отходили боковые коридорчики, ведущие неизвестно куда.

— Что скажешь? — спросила Кэтрин.

Нерешительно помедлив, он ответил:

— Не знаю... Пойдем к стойке информации.

Через несколько шагов Рутерфорд заметил табличку на английском и арабском, указывающую на коридор, отходящий вправо.

— Погоди-ка. — Он показал на табличку, на которой было написано: «К кабинету директора и конференц-залу». — По здравом размышлении почему бы нам не исключить привратника, а с ним — один из бюрократических барьеров: ведь посадит ждать целую вечность. Если наш друг директор захочет видеть нас, то увидит без посредников, если же не захочет — скажет нам это в лицо. Если только он сейчас не на ланче...

— ...и не за границей, — договорила Кэтрин.

Дверь в кабинет директора располагалась посередине коридора. Рутерфорд собрался было постучать, но остановился и посмотрел на Кэтрин:

— Ну — с богом!

Он громко постучал.

Они ждали в тревожном нетерпении. Примерно через полминуты дверь приоткрылась, и молодая женщина в традиционном мусульманском головном платке с удивлением посмотрела на Рутерфорда и Кэтрин.

— Здравствуйте, чем могу помочь? — спросила она по-английски с заметным акцентом.

Глянув на Кэтрин, Рутерфорд ответил:

— Э-э... мы к доктору Азизу. Он на месте?

Секретарь с подозрением оглядела обоих.

— Вам назначено?

Рутерфорд замялся, не зная, что ответить, и в этот момент инициативу перехватила Кэтрин. Припустив благородного негодования в голос, она перешла в наступление:

— Извини-ка. — Она вышла из-за спины Рутерфорда. — Да, нам было назначено. Сообщите, пожалуйста, доктору Азизу, что Кэтрин Донован и Джеймс Рутерфорд из Оксфордского университета хотят его видеть. И будьте так любезны открыть дверь — я не люблю, когда меня заставляют ждать в коридоре, особенно после длительного перелета.

Это подействовало. Секретарша тут же распахнула дверь в просторную приемную кабинета Ахмеда Азиза и жестом пригласила их войти. В помещении были широкие окна с видом на ухоженный египетский сад и вторая дверь, которая, как подумала Кэтрин, вела в личный кабинет директора. Здесь же стояли два больших дивана зеленой кожи с трубками кальяна по бокам и, когда взгляд Кэтрин obeжал комнату, она заметила еще одного человека — невысокого роста хрупкого мужчину, занимающего второй стол. Он улыбнулся ей, в темных глазах сверкнули огоньки. Обеспокоенная секретарша повела ученых к одному из диванов:

— Прошу вас, присаживайтесь. Мистер Рутерфорд и мисс Донован — правильно?

— Вообще-то доктор Рутерфорд и доктор Донован. Благодарю, — язвительно поправила Кэтрин.

Еще раз обеспокоенно взглянув на гостей, секретарша обошла свой стол и уселась за него. Она подняла трубку телефона и набрала номер. Рутерфорд следил за каждым ее движением.

Быстро проговорив что-то на арабском, секретарша повесила трубку.

— Доктор Азиз скоро примет вас.

Кэтрин заговорщически улыбнулась Рутерфорду. Минуту спустя дверь в кабинет доктора Азиза распахнулась и на пороге появился хозяин.

— Здравствуйте. Добро пожаловать в Каир. Входите, пожалуйста, — прошу, прошу...

Кэтрин и Рутерфорд, слегка озадаченные сердечностью встречи, последовали за ним. Ведь добиться встречи с человеком, занимающим такой пост, в любой стране крайне сложно. «Очень странно», — подумал Рутерфорд. Он ожидал отпора, в лучшем случае велят прийти на следующий день или через день. А их сразу же, без лишних вопросов приняли.

В кабинете Азиза были роскошные турецкие ковры и обитые кожей кресла. Стены украшали постеры Министерства по туризму Египта с изображениями достопримечательностей страны, а на его столе красовалось пресс-папье: пятидюймовый камень, видимо, изображающий Бенбен в миниатюре.

Азиз жестом предложил вошедшим садиться, сам устроился за столом и заговорил; египетский акцент имел место, но в целом его английский был хорош, однако тон — снисходительный и, подумала Кэтрин, чуть-чуть небрежный.

— Ну что ж, примите мои извинения. Очевидно, моя секретарша куда-то подевала ваше приглашение.

Азиз лениво откинулся на спинку кресла, одну руку опустив на подлокотник, и улыбнулся им. Похоже, он никуда не спешил.

— Кофе, чай с мятой?

Рутерфорд все гадал, с какой стати директор так дружелюбен. Кэтрин чуть подалась вперед:

— Причина нашего визита в том, что мы хотели бы задать вам несколько вопросов... Вопросов о датировании пирамид и сфинкса.

Азиз качнулся вперед и положил руки на стол, сжав ладони вместе.

— Ну, что ж... Кое-что мне известно об этом.

Он захихикал над собственной шуткой. Рутерфорд решил, что пора переходить к делу.

— Геологи располагают фактами, на наш взгляд, убедительными, свидетельствующими о том, что сфинкс на тысячи лет старше, чем принято считать. Мы всего лишь хотели узнать ваше мнение об этом.

Выражение лица Азиза тотчас переменялось. Директор посерьезнел. Прежнего его обаяния как не бывало. Тон сделался чуть ли не агрессивным.

— Разумеется, я слышал об этой гипотезе. Наши геологи исследовали сфинкса и отвергли эти утверждения. Даже не верится, что двое ученых из такого престижного заведения, как Оксфордский университет, приняли всерьез эти смехотворные заявления. Сотни лет научной работы ушли на создание правильной хронологии прошлого нашей страны. Сотни! Множество выдающихся экспертов со всех стран мира посвятили себя этому величайшему труду, и многие из них были вашими соотечественниками. — Он посмотрел на них, глаза его горели. — Ваши инсинуации абсурдны и оскорбительны не только по отношению ко мне, но ко всей египетской цивилизации. Я потрясен.

В свою очередь и Кэтрин была потрясена неожиданной агрессивностью ответа. Азиз откинулся на спинку кресла и холодно смотрел на них.

— Рекомендую вам сходить в какую-нибудь библиотеку — может быть, даже в свою, оксфордскую, — и провести тщательное исследование, прежде чем вновь решиться побеспокоить кого-либо на моем уровне. И еще, — он понизил голос. — Я советовал бы вам ради сохранения вашей профессиональной репутации особо не распространяться о подобных глупостях. Репутация ученого складывается годами, а развеять ее в прах так легко...

Кэтрин посмотрела на Рутерфорда. Джеймс в недоумении выгнул брови и покачал головой: они зря сюда пришли. Он встал:

— Большое спасибо, доктор Азиз, за приятную беседу. На этом поприще мы всего лишь любители. Если мы чем-то обидели вас, простите великодушно.

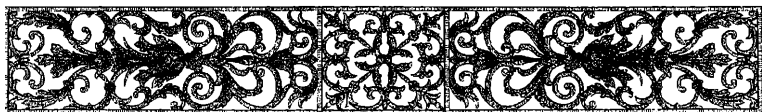
Азиз поднялся, подошел к двери и широко распахнул ее. С неприступным видом он молчал, давая понять, что дальнейшие вопросы или реплики неуместны. Кэтрин и Рутерфорд вышли в приемную. Из-за их спин доносился голос Азиза:

— Поимандрес, проводите, пожалуйста, наших гостей.

Обратившись на прощание к двум ученым, Азиз пожелал им всего хорошего небрежным тоном, с лицом, на чисто лишенным теплоты.

— Доброго вам дня, доктор Донован, доктор Рутерфорд, рад был встрече с вами.

Смуглый копт поднялся из-за стола и улыбнулся им.

Кэтрин с недоверием глядела на гладкую панель двери директорского кабинета: закрыв ее за собой, Азиз словно поставил точку в своей прощальной фразе.

— Здравствуйте, позвольте представиться: мистер Поимандрес, помощник доктора Азиза.

Миниатюрный копт протянул руку Кэтрин. Застигнутая врасплох, она пожала ее:

— Рада познакомиться, мистер Поимандрес, я Кэтрин Донован, а это Джеймс Рутерфорд.

Рутерфорд поздоровался за руку с Поимандресом.

— Привет, рад встрече. Это вам поручено удостовериться, что мы покинули помещение?

Поимандрес улыбнулся Рутерфорду. У него было худое, открытое лицо монаха-аскета.

— Можно сказать и так. Прошу вас, следуйте за мной.

Рутерфорд улыбнулся. Было в этом маленьком смуглом человеке что-то утонченное и в то же время загадочное. По сравнению с враждебным высокомерным Азизом Поимандрес, казалось, излучал доброту и спокойствие. Он миновал секретаршу, притихшую за своим столом, и вышел из приемной. Как только все трое ступили на линолеум мрачного безмолвного коридора, Поимандрес захлопнул дверь в приемную, а затем быстро посмотрел сначала в один конец коридора, потом — в другой, словно желая убедиться, что он пуст.

— Вы пришли спросить у доктора Азиза об истоках цивилизации Египта?

Кэтрин метнула взгляд на Рутерфорда — Джеймс тоже был явно огорошен вопросом.

— Видите ли, просто у нас имеется несколько гипотез и мы хотели побеседовать о них с доктором Азизом. К сожалению, у него не нашлось для этого времени.

Поимандрес продолжил разведку:

— Доктор Азиз оказался в трудном положении. Он не имеет права теоретизировать.

Слова Поимандреса заинтриговали Рутерфорда. Почувствовав, что маленький копт говорит им это неспроста, он спросил:

— Мистер Поимандрес, а вы считаете тематику наших вопросов резонной?

Медленно-медленно взгляд темных глаз копта поднялся и сфокусировался на лице Рутерфорда.

— Доктор Рутерфорд, это напрямую зависит от того, с какой целью вы спрашиваете.

— А что означает ваше «с какой целью вы спрашиваете»? — перебила Кэтрин.

— Каковы ваши мотивы? Вы ищите славы ученого или... — Копт помедлил секунду. Сверкнув, его глаза скользнули по лицу Кэтрин, будто сканируя ее мозг: какой будет следующая реакция. — Или чего-то другого?

По этому пронизательному взгляду Кэтрин почувствовала, что в их поиске настал критический момент. Она не понимала, что происходит, но инстинктивно чувствовала, что ее ответ на вопрос копта может все кардинально изменить. «Он понимает. Он на нашей стороне».

Кэтрин чувствовала: Поимандрес ждет. Мысленный взор ее вдруг выхватил изображение из частенько публикуемых иероглифических текстов пирамид. Это был зал

суда Осириса. Осирису, сидящему во всем своем великолепии на троне, приводят душу недавно усопшего. В руках перед собой он держит весы. На одну чашу он кладет сердце человека, на другую — перо, символизирующее гармонию и искренность. Чисто ли его сердце? Заглянув в глаза Поимандресу, Кэтрин приняла решение:

— Мы считаем, что человечество в опасности. Мы думаем, что имела место сознательная попытка исказить исторические записи и скрыть правду о прошлом. Знания, накопленные цивилизацией древних, намеренно скрываются от человечества, но эти знания — единственное, что может его спасти. Если мы не откроем, что знали древние, мы погибнем, как погибли они сами: в результате страшного природного катаклизма. Пирамиды за две с половиной тысячи лет до нашей эры построили не фараоны — это памятники, возведенные людьми, выжившими после Великого потопа.

Поимандрес опустил глаза. И прошептал:

— Прошу вас... Вы должны поехать со мной в Гизу. Но сначала...

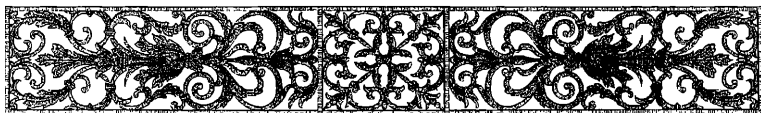
Он провел их через дверь из коридора в подсобку. Среди инструментов, банок с краской и прочего была одежда рабочих-египтян.

— Вот, надевайте эти джелабы. — Поимандрес вручил каждому по халату до пят с капюшоном.

Кэтрин и Рутерфорд переглянулись и облачились в похожую на плащи одежду. С капюшонами на головах узнать их было невозможно.

Поимандрес открыл дверь в коридор и вновь осмотрелся:

— За мной.

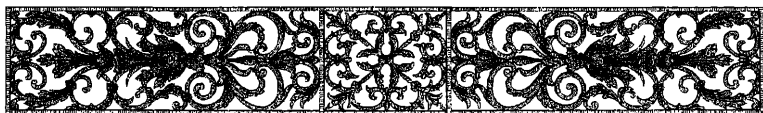
На другой стороне улицы напротив департамента древностей стоял белый «лендкрузер». Сумерки пали на Каир, но Безумов, как всегда, пребывал в полной готовности, терпеливо дожидаясь малейшего признака активности. И тут, когда ему уже стало казаться, что миновали часы, кое-что привлекло его внимание.

«Ну-ка, что там такое?»

Безумов был человеком действия: ожидание раздражало его, терпение таяло. Он увидел хрупкого мужчину в белой джелабе, осторожно вышедшего из здания: судя по вытянувшемуся охраннику, то был явно кто-то из руководства. Старческой походкой человек поспешил прочь, а следом за ним на пороге показались двое в старых длинных плащах с накинутыми капюшонами. Безумов покосился на водителя и, увидев, что тот дремлет, ударил его по руке.

В тот момент, когда Кэтрин сделала шаг, в слабом свете открытой двери Безумов разглядел ее модные, явно не восточные туфли, мелькнувшие из-под края длинного плаща.

«Они!»

Уже в полной темноте джип Поимандреса подъехал к основанию Великой пирамиды. Еще в пути копт по телефону договорился с ночными сторожами — и сейчас ему только махнули: проезжай. Миновав автостоянку, джип заехал прямо на территорию памятника.

Рутерфорд и Кэтрин молча переглянулись и выбрались из машины. В ясной североафриканской ночи изумительно сверкала звездная россыпь. Кэтрин захлопнула дверцу, задрав голову, взглянула на громадину пирамиды, а затем перевела взгляд на Поимандреса, терпеливо дожидавшегося их у края пандуса.

Едва слышно она проговорила:

— Ладно, посмотрим, что он нам скажет. Гляди в оба — не прозевай Безумова.

Охранник, что привез их сюда, остался ждать неподалеку, в пределах слышимости, у «лендровера». Поимандрес внимательно взгляделся в лица ученых, склонил голову и заговорил:

— Постройка Великой пирамиды была последней попыткой умирающей цивилизации сберечь древнюю мудрость. Если я не ошибаюсь, вам об этом уже известно. Именно поэтому вы здесь и именно поэтому приходили к Азизу.

Кэтрин и Рутерфорд осторожно кивнули.

— Так же вы правы, считая, что человечество в опасности. Не знаю, откуда вам стало об этом известно, да

мне это и не надо. Судьба привела вас ко мне, потому что вы чисты сердцем. Моя обязанность — помогать каждому, кто ищет истину. Я открою вам тайны Великой пирамиды, чтобы помочь вам в вашем поиске. Ведь мы давно, очень давно ждем вас.

Поимандрес повернулся лицом к пирамиде Хеопса. Она тускло отсвечивала желтым в свете прожектора, установленного где-то неподалеку от поста охраны. Большинство туристов давно уехали, и жутковатая тишина окутала плато. Песчаные дюны катились к Атлантическому океану, лежащему в тысячах миль отсюда. Ландшафт был сродни апокалипсическому: фантастически красивый и в то же время зловещий — ландшафт, в котором не было места жизни и любви. На худом, с ввалившимися щеками лице Поимандреса глаза казались неестественно глубоко посаженными. Голос его был мягким, но даже в ровном тоне чувствовалась тревога.

— Великая пирамида была построена с целью сохранить древнее знание на века так, чтобы даже в случае гибели построившей ее цивилизации будущие поколения имели возможность узнать правду. Соотношения ее размеров содержат все математические формулы, управляющие Вселенной. Пирамида — это своеобразный научный «глиф»*, при созерцании которого и при глубоком размышлении посвященному раскрываются тайны мироздания. Расположение небесного свода указано позиционированием блоков пирамиды. Пирамида — это послание, предназначенное быть прочитанным в будущем, и одновременно — это в полном объеме функционирующий накопитель, способный притягивать и использовать энергию чудовищной силы. Но прежде чем объяснить суть этих секретов, я хочу убедиться в том, что

* Визуальное представление, образ, графический элемент.

вы полностью сознаете факт существования миров и цивилизаций до нашей. Каков будет ваш ответ?

Кэтрин кивнула:

— Да, мы видели слишком много доказательств, чтобы думать иначе.

— Сомнений никаких, — добавил Рутерфорд.

Поимандрес задумался на секунду, а затем приступил к обстоятельному разъяснению.

— Предыдущая великая цивилизация составила карты Земли. Были аккуратно вычислены и задокументированы все размеры и координаты...

Кэтрин вновь кивнула:

— Мы видели эти карты, привязанные к постройкам древних во всех частях света.

Копт обвел их взглядом, проверяя, следят ли ученые за ходом его мысли:

— Глобальная сеть энергетических линий планеты, которую в Англии вы называете лей-линиями, является одним из примеров их деятельности. Катаклизм, уничтоживший предыдущую цивилизацию, был такой чудовищной силы, что вызвал смещение континентов, до неузнаваемости преобразившее облик планеты, навсегда изменившее структуру солнечной и земной энергии и, соответственно, систему лей-линий. Горстка мужчин и женщин, которым удалось пережить катаклизм, осталась без крова и источника энергии. А ведь на знаниях и понимании этих энергий держалась вся цивилизация. В отчаянной попытке спасти мир они отыскивали место для размещения нового энергетического центра — здесь, на плато Гизы, — и приступили к восстановлению цивилизации, начав со своей священной технологии: Великой пирамиды.

Поимандрес повернулся, чтобы взглянуть на пирамиду — ее вершина подсвечивалась электричеством.

— Представьте себе шар, покрытый мехом, или же волосы на голове человека. Где-то на поверхности шара или на голове один единственный волосок вдруг выпрямится — а за ним следом выпрямятся и остальные волоски. Так же точно происходит и с магнитным и энергетическим полями нашей планеты.

Рутерфорд подумал об Иване Безумове. «Русский был прав, как и подозревал профессор Кент».

Поимандрес отошел и, сказав что-то по-арабски охраннику, вернулся к ним:

— Дело в том, что здесь небезопасно. Мы должны спуститься в «бир» — в переводе с арабского это «колодец». Только там я смогу раскрыть вам секреты пирамиды и объяснить, почему мир в опасности. Пожалуйста, идите за мной.

В темноте Поимандрес подвел их к пандусу, протянувшемуся в восточном направлении от Второй пирамиды, или пирамиды Хафре, вниз, к сфинксу. Последние туристы покидали плато, охрана готовилась к вечернему обходу: не пытается ли кто забраться на пирамиду.

По пандусу они направились к боку сфинкса. На полпути Поимандрес остановился. Сказав несколько слов водителю и затем жестом пригласив Кэтрин и Рутерфорду следовать за ним, он спрыгнул с пандуса на песок. Водитель остался стоять на том месте, где ему велели. «Поставил “часового”», — решил Рутерфорд.

Вслед за Поимандресом они спрыгнули на песок и, к своему удивлению, очутились перед зевом туннеля, уходящего вниз под огромные известняковые блоки, составляющие основание пандуса. Футов в шести от начала туннеля путь преграждали массивные решетчатые ворота. Из кармана джелабы Поимандрес выудил связку больших ключей. Взмахом руки он предложил им войти в ар-

ку туннеля, чтобы скрыться от взглядов туристов или охранников.

Копт открыл замок ворот и провел их в помещение, напоминающее небольшую пещеру. Нагнувшись к полу, он включил слабенький электрический светильник — в углу пещеры оказался колодец с железной лестницей, уходящей в его жерло. Поимандрес запер ворота.

— Я буду спускаться первым, вы — за мной. И пожалуйста, осторожнее: там очень скользко.

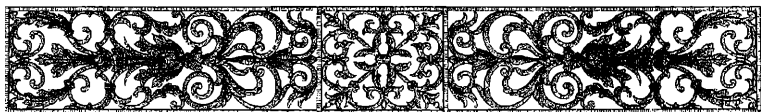
Кэтрин и Рутерфорд удивленно переглянулись. Поимандрес хотел, чтобы они последовали за ним под землю. Когда голова копта скрылась в темноте, Рутерфорд вздохнул:

— До рассвета всего пять часов, обратного пути нет. Хочешь первой?

Кэтрин собралась с духом и крепко ухватила за железные поручни лестницы.

— Ну — до встречи на дне...

«Если оно есть — это дно», — подумал Рутерфорд, когда Кэтрин скрылась из виду.

Секретарь Миллер и два его телохранителя выбрались из машины у вертолетного ангара. Три крепких европейца в черных очках, черных футболках и с автоматами в руках охраняли вход. Секретарь причесался; он почувствовал себя неуместным и уязвимым здесь в своем запылившемся деловом костюме. И вдруг остро ощутил прилив решимости. Сейчас — или никогда. Правая рука его потянулась, чтобы коснуться рукоятки пистолета в заплочной кобуре, а затем, резко кивнув своим телохранителям, он шагнул в узкую щель между двумя огромными дверями гофрированного железного ангара.

Но как только глаза его привыкли к полумраку помещения, он понял, что обречен. Не успев сделать и пары шагов, Миллер почувствовал холодный металл ствола пистолета, прижатого к его лбу. В следующее мгновение в ангаре вспыхнул свет, явив весь масштаб ошибки, которую он допустил. Перед ним выстроилась дюжина крепких парней — каждый с оружием наготове.

Секретарю Миллеру и двум его телохранителям не оставили времени на раздумья. Резко прозвучала команда:

— Так, вы двое сзади — на пол, лицом вниз, быстро!

Оба телохранителя переглянулись и, повинуясь, распластались на холодном бетоне.

Человек, приставивший пистолет ко лбу секретаря, просунул руку в его наплечную кобуру и вытащил ору-

жие. Затем, ткнув ствол своего пистолета ему под ребра, велел шагать вперед, к единственной двери в дальней стене ангара.

Охваченный ужасом и невыносимой тоской, секретарь шел к далекой двери. Напоминающие динозавров в зоологическом музее, остовы дюжины безмолвных вертолетов горбались там и тут под крышей похожего на пещеру ангара, отбрасывая причудливые тени.

Неуверенной походкой он приближался к двери — жутким эхом разлетались по огромному помещению звуки его шагов. Сердцебиение его учащалось с каждым шагом, чувства были на пределе. Что, что делать, что говорить?..

В полумраке у дальней стены ангара возник лучик света, увеличившись затем до размеров освещенного дверного проема. Секретарь ускорил шаг, но затем вновь замедлил, когда подошел к двери. Струящийся из нее свет был таким ярким, что ослепил Миллера — словно в лицо ему заглянул параллельный мир. Он знал, что должен переступить порог и, оглянувшись через плечо на простор ангара, почувствовал волну странного сожаления. А затем шагнул в свет.

Он увидел предангарную бетонированную площадку и бледно-желтые дюны, а прямо перед ним темнел какой-то странный летательный аппарат. Он был черным, размером примерно с бомбардировщик «стелс». Однако своими обтекаемыми формами аппарат напоминал округлую глубоководную рыбу, развившуюся в процессе эволюции так, чтобы выдерживать колоссальное давление у океанского дна. Густая черная окраска фюзеляжа, казалось, поглощает свет — аппарат был зловеще красив. А еще он будто лучился ужасающей мощью. Из-под брюха торчал опущенный трап, у нижней ступеньки стоял сенатор Куртц с двумя своими людьми. Кровь засты-

ла в жилах секретаря. Сенатор Куртц с абсолютно бесстрастным лицом поднял правую руку с пистолетом и прицелился секретарю в лоб.

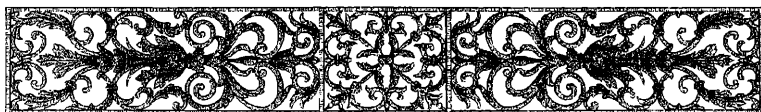
Охваченный паникой, секретарь Миллер проговорил, запинаясь:

— Нет! Прошу вас, не надо...

Даже не моргнув, сенатор Куртц спустил курок. Голову секретаря разнесло вдребезги, а тело упало на землю, как тряпичная кукла. Сенатор спокойно подошел, взглянул на неподвижное тело и покачал головой:

— Покойся с миром, грешник. Может, Господь смилуется над тобой в грядущий Судный день.

Он резко развернулся, убрал пистолет в наплечную кобуру и неспешно направился к диковинному самолету.

Через тридцать футов спуска лестница уперлась в площадку. Из карманов плаща Поимандрес достал три маленьких фонарика.

— Берите. Внизу освещения нет совсем.

Кэтрин и Рутерфорд опустили фонарики в карманы. С противоположной стороны площадки уходила отвесно вниз вторая лестница. Света пока было достаточно, чтобы разглядеть, что шахты первого и второго колодцев рукотворные, а не просто скальные разломы.

Рутерфорд провел пальцем по стене — влажная.

«Сколько же этому колодцу?» — подумал он.

Голова Поимандреса скрылась в темноте под краем площадки. Кэтрин ухватила руками за верх лестницы и отчаянно взмолилась про себя: «Прошу, не дай нам застрять здесь!»

В тридцати футах внизу лестница заканчивалась в углу сырой рукотворной пещеры. Поимандрес сразу же включил свой фонарик. Его слабого света хватало рассмотреть размеры помещения: футов 40 на 20 и высотой около 10 футов.

Когда глаза Кэтрин привыкли к полумраку, она вдруг заметила два гранитных саркофага по обе стороны темной пещеры.

— А они здесь зачем?

Рутерфорд закончил спуск и встал рядом с ней:

— Бог ты мой, саркофаги.

Поимандрес показал в угол пещеры: там чернел следующий «бир», ведущий куда-то вглубь.

— Мы еще не на месте. Давайте за мной.

Молча они подошли к черной дыре шахты. Поимандрес выключил фонарик, опустил его в карман плаща и, ухватившись за ступени лестницы, стал спускаться в чернильную темень. Покачив головой, Кэтрин последовала за ним. Рутерфорд, с трудом веря в то, что они это делают, обвел напоследок взглядом пещеру, прежде чем окунуться в неизведанное.

В сорока футах внизу Рутерфорд очутился в просторном помещении. Кэтрин уже завороченно озиралась, водя из стороны в сторону фонариком. Площадь комнаты, истинные размеры которой скрывал полумрак, была приблизительно шестьдесят квадратных футов. Низко нависал потолок, по стенам стекала вода. Рутерфорд направил луч фонарика к центру. Там виднелось нечто напоминающее островок, окруженный рвом футов десяти шириной. На островке он разглядел каменные обломки — вероятно, в прежние времена бывшие частью некоего сооружения, впоследствии разобранного или разрушенного.

Поимандрес дождался, пока Рутерфорд и Кэтрин осмотрелись, и заговорил:

— Ну вот мы и на дне. Впрочем, еще не на самом дне — плато Гизы испещрено туннелями и подземными камерами.

Кэтрин не верила своим ушам:

— Значит, существуют еще такие же пещеры?

— Кэтрин, эта пещера — ничто. Внизу, под нами, обширные подземелья. Гигантские «подвалы», содержа-

щие огромные библиотеки древних знаний. И среди них главная, самая важная, — зал Памяти Времен: хранилище всех знаний до Великого потопа.

Рутерфорд стоял, не в силах вымолвить ни слова. Всю жизнь он посвятил изучению древних мифов и религий в попытке воссоздать прошлое, и вот здесь, сейчас, они стоят глубоко под землей и им говорят, что все тайны истории были записаны, а до записей этих рукой подать.

— Погодите, Поимандрес, но почему от людей скрывают Память Времен? Вы видели этот зал? А Азиз видел?

Поимандрес торжественно покачал головой.

— Нет. Хватило бы пальцев двух рук, чтобы пересчитать людей, которым было дозволено видеть этот зал.

Кэтрин не поняла:

— Но почему вы или Азиз не расскажете об этом людям?

Лицо Поимандреса было исполнено мрачной суровости.

— Азиз знает лишь о существовании помещения. Но о Памяти Времен не ведает, хотя узнай он — думаю, попытается сначала попасть в него, а затем замуровать или уничтожить зал... Азиз не хочет больше никаких находок. А точнее, находок не хотят его хозяева. Они боятся пирамиды и тайн, которые она хранит. Причем боятся смертельно. И не хотят, чтобы люди прознали о находящемся здесь, внизу, чтобы кто-либо даже интересовался этим, и уж конечно, чтобы здесь проводили исследования.

— Но почему? — изумился Рутерфорд. — И кто они, эти «хозяева» Азиза?

— Существует некая организация, называемая Корпорацией. Те, кто считает, что управляют Корпорацией, на самом деле являются ее рабами. Они уверены, что,

управляя другими людьми и окружающим миром, они принесут благо человечеству. Однако результат будет иным: мир окажется под их господством. И они впрямую заинтересованы поддерживать веру человечества в традиционную версию его истории. — Поимандрес сделал паузу и серьезно взглянул на ученых. — Если правда выйдет наружу, всему человечеству придется кардинально переменить свое мировоззрение. Самое страшное в том, что верования и убеждения, составляющие основу современного мира, охваченного безумной гонкой развития, явят людям свое истинное предназначение — хищническое разграбление мировых ресурсов, неизбежно ведущее нас к новому катаклизму. Если правда выйдет наружу, общественность будет уже не в состоянии мириться с менталитетом «прогресса любой ценой» и скрывающимися за ним невероятной жадностью и корыстью, которые неумолимо ведут нас к гибели.

Кэтрин потрясенно молчала. Затем повернулась к Рутерфорду.

— Похоже, убийства профессора Кента и Мигеля Флореса — на совести этой Корпорации. — Она покачала головой, пытаясь справиться с услышанным. Рутерфорд положил ей на плечо руку и повернулся к Поимандресу.

— Мне по-прежнему кажется невероятным, что до сих пор никто не ведал о существовании подземных камер и зала Памяти Времен.

Уверенный взгляд копта резко контрастировал с потрясением на лицах двух ученых.

— Мне известно лишь то, что Азиз и страшные люди, на которых он работает, не хотят, чтобы кто-либо узнал правду о древних.

Рутерфорд продолжал недоумевать.

— Но — опять: почему? Почему вы не расскажете обо всем людям?

— Знание в руках невежественных и неблагоразумных смертельно — примеров этому по всему миру не счесть. Люди абсолютно не готовы к восприятию такого рода знаний: они недостаточно мудры и только навредят себе. Мы вынуждены ждать — ждать той поры, когда людям можно будет доверять в том, что они не злоупотребят теми силами, какие дает древнее знание. Те, кто стоят за спиной Корпорации, безумны, но они характерны для нашего темного времени. Вообразите, что бы они попытались сделать, овладев силой древних. Так что, сами понимаете, и в наших интересах, и интересах Азиза держать язык за зубами.

Рутерфорд едва верил своим ушам. Кладезь драгоценных знаний, подлинные документы древних просветителей — вот они, достаточно лишь протянуть руку, но люди, ведающие о его существовании, делают все, чтобы это знание не досталось человечеству.

— Но что, если угроза катаклизма реально существует? Что, если человечество погибнет, не успев приготовиться к нему?

— Мы вынуждены рисковать. В конце концов народится и вырастет новый мир, как это уже было с нашим после потопа. Мы можем только надеяться, что новый мир будет развиваться более гармонично и будущие народы станут более достойными преемниками древней мудрости.

Поимандрес направился к кромке воды.

— Идемте. Сюда, на остров.

В темноте было невозможно определить глубину маслянисто-черной воды, однако Поимандрес ни мгновения не колебался. Он шагнул прямо в воду, спокойно пошел

далее по мелководью — и через пять шагов достиг островка.

— Ступайте там, где шел я, — там брод, глубина всего полдьюма.

Кэтрин глянула на Рутерфорда и подошла к кромке в том месте, где в воду ступил Поимандрес. Задержав дыхание, она вытянула вперед правую ногу.

Как только подошва туфли разорвала поверхность воды, Кэтрин почувствовала надежную твердыню камня — как и обещал Поимандрес. С опаской она перешла к острову. Сжав зубы, Рутерфорд проследовал за ней. Среди больших каменных блоков, в беспорядке разбросанных по островку, виднелся каменный пьедестал. Поимандрес поставил на него шесть свечей, затем пошел меж блоков, устанавливая на них зажженные свечи, пока островные мегалиты не осветились яркими точечками горящих свечей. В сумерках его напряженное лицо с впалыми щеками и выпуклым лбом казалось страшно истощенным, как у мумии.

— Я принадлежу к старейшей христианской египетской церкви — коптской. Автор Евангелия святой Марк прибыл в Александрию на египетском побережье в срок пятом году нашей эры и стал проповедовать слово Иисуса. Именно от него мы ведем отсчет нашего христианства. Но, будучи коптским христианином, я также являюсь гностиком, гностиком-искателем. «Гносис» в переводе с древнегреческого — «знание». Мы, гностики, считаем себя наследниками самых последних остатков духовной традиции, пришедшей к нам из древнейших, еще до потопа, времен. Праотцы создателей пирамид, пришедшие когда-то в Гизу, знали, что души бессмертны и что все мы — частички общего сознания. Мы — значит все люди, все растения, все вещества, то есть все,

что наличествует в пространственно-временнóм континууме. Это знание мы унаследовали от древних людей, живших до потопа, и скрывали его, зашифровывая в текстах Евангелий. Истинное христианство — это всего-навсего продолжение, преемственность знания древних. Разумеется, как и все ранние христиане, святой Марк был гностиком.

Однако в наши дни люди не сознают этого. Вместо этого они воспринимают сюжет Евангелий буквально, они читают и другие книги, претендующие называться христианскими, как, например, писания святого Павла. Но святой Павел и другие писатели, пришедшие после появления Евангелий, не были гностиками, а значит, их книги не содержат древнего знания, сокрытого в текстах. Церковь похитила и присвоила христианство. Было придумано и создано духовенство, правду сделали завуалированной, смутной, и суть послания древних была утеряна. Вместо того чтобы являться проводником истины, церковь стала аппаратом власти и подавления. И дошло в конце концов до того, что нынче, в наше время, западное общество отвергло церковь. Единственное, что осталось, — жажда власти да мечта поработить природу и каждого из нас.

Поимандрес покачал головой и продолжил:

— В последние несколько лет новая опасность стала угрожать миру. Подняла голову радикальная церковь, исповедующая «буквальную» правду Библии. Эта церковь пытается уничтожить все свидетельства, противоречащие библейскому объяснению сотворения мира, включая свидетельства существования мира, предшествовавшего нашему. Но, что еще хуже, она твердо намерена привнести в реальную жизнь ужасающие картины Апокалипсиса. Даже сейчас, когда мы с вами стоим тут,

они неустанно работают, пытаясь приблизить последний Армагеддон. Мы опасаемся, что, если им удастся внедриться в Корпорацию, мы будем обречены, поскольку в этом случае они получают доступ к беспредельному богатству Корпорации и земным ресурсам. Эта новая церковь — финальное воплощение отрицания древнего знания: вместо того чтобы переключиться на космос и воспринимать всю природу как единое целое, новая церковь пытается уничтожить материальную вселенную с целью якобы воссоединения ее последователей с Богом. Они не понимают, что Бог — это все мы.

Старик горестно вздохнул.

— Мы, гностики, люди мирные. Мы не можем податься с оружием против наших врагов, поскольку это противоречит древнему знанию и учению Христа. Жестокость ведет к еще большей жестокости, и власть растлевает любого, кто стремится к ней. Так что никогда мы не раскроем тайны древнего знания этим людям и не поведаем им, что покоится под пирамидами.

Рутерфорд слушал, боясь пошевелиться. Он знал о существовании гностиков и их древней традиции, однако считал, что их уже давно не существует.

Поимандрес вернулся к сути:

— Выжившие после самого последнего потопа люди были разбросаны изолированными группами по всему свету. Человечество катастрофически уменьшилось, но уничтожено не было. Древние пришли в Гизу и в некоторые другие места планеты в попытке возродить свой мир, построить новое общество из остатков человечества. Когда они прибыли в эти края, здесь повсюду была зелень, природное изобилие, а аборигены были восприимчивы к знаниям и быстро учились сельскому хозяйству и азам техники. И что самое важное, древние принес-

ли понимание вселенской сути Бога. Эта истина существовала за тысячелетия до того, как Пифагор, прародитель западной науки, пришел в Египет. Возвратившись в Грецию, он принес с собой эти знания, и они легли в основу греческих философии и науки. Вскоре после этого наши предки, первые христиане-гностики, предприняли попытки дать эти знания иудеям — так были написаны Евангелия. Сын плотника из Назарета, продукт непорочного зачатия, был представлен иудеям как собирательный образ, символ Осириса и Диониса.

Рутерфорд уже был не в силах сдержаться:

— Что? Иисус был всего лишь символом Осириса и Диониса? Вы хотите сказать, он на самом деле не существовал?

— И да и нет. Он реально существовал, в то же время являясь образом. Все они — образы одной и той же идеи. Осирис умер и был воскрешен, то же самое произошло и с Дионисом, и с Иисусом. Все трое были рождены от девственников. У всех троих было по двенадцать учеников. Каждый из них родился под звездой. Все они — богочеловеки, сознательно позволившие подвергнуться себя преследованиям... Все погибли за грехи наши и воскресли, так что мы тоже можем возродиться — как они... Все проповедовали одну веру: если тебя ударили по щеке — подставь другую, Бог един... Гностики хотели передать древнюю истину иудеям, которые были в ту пору заблудшими язычниками. История Христа и была попыткой сделать это. Мы хотели передать древнее знание, прежде чем будем уничтожены.

Внезапно Поимандрес умолк.

— Но — довольно. У нас совсем мало времени. Я должен показать вам секреты пирамиды... Лишь через понимание гармонии чисел можно постичь гармонию Все-

ленной. Современная западная наука рассматривает числа всего лишь как инструменты выражения количества, предыдущая цивилизация — как взаимосвязанные компоненты космологической мозаики. — Он соединил ладони, будто в молитве.

— Верное понимание чисел и соотношений — путь к познанию естественных законов Вселенной как таковой. Божественные числа — это те, которые то и дело проявляются во всех возможных сферах нашей жизни: в музыкальной гамме, в электромагнитном спектре, в движениях звезд... Каждое усилие прежней цивилизации строилось на этих управляющих числах и формулах, и, разумеется, именно эти цифры и формулы были скрыты в священных текстах с применением гематрических кодов.

Слушая удивительные объяснения Поимандреса, Кэтрин почувствовала знакомое щекочущее чувство возбуждения.

— Аналогичным образом буквально каждое священное здание античности возводилось так, чтобы его размеры имели определенное значение с точки зрения гематрии. Даже своим дизайном оно могло сообщать небесные пропорции. Искусство гематрии придумали не греки, оно было известно египтянам — те сохранили его после краха древней цивилизации.

Поимандрес посмотрел вверх — он, казалось, излучал терпение и мудрость.

— В прошлое ведет много дверей. Они не на виду, они просто вне пределов досягаемости, если только не знать, чего ты ищешь. Великая пирамида представляет собой такую дверь — это один из материальных памятников, дающих прямую связь с цивилизацией, существовавшей перед потоком. Чтобы понять секреты пирами-

ды, давайте для начала рассмотрим ее как физический объект. Известны ли вам размеры пирамиды Хеопса?

— Да, думаю, известны, — быстро ответила Кэтрин и повернулась к Рутерфорду. — Джеймс?

— Длина каждой стороны основания — семьсот пятьдесят пять футов, следовательно, периметр основания составляет три тысячи двадцать футов. Высота пирамиды — четыреста восемьдесят с половиной футов, или двести семьдесят пять египетских кьюбитов*.

— Верно. А что вы знаете о гематрии?

Вновь Кэтрин посмотрела на Джеймса.

— Совсем немного.

Поимандрес выждал минуту, будто подбирая слова.

— Что ж, семьсот пятьдесят пять — длина стороны основания пирамиды — соответствует значению слова «*o petros*», что в переводе означает «скала».

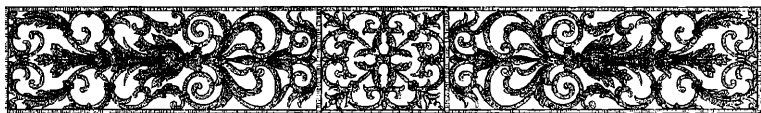
Обойдя платформу, он подошел к ученым поближе и продолжил осторожно, словно боясь, что собьет их с толку, если поторопится с объяснениями:

— Итак. Иисус говорил, что его ученик Петр — это скала, на которой он воздвигнет церковь: «*Petros*», так же как и слово «*rock*», в переводе с греческого тоже «скала». Помните, я сказал, что мы, гностики, в отличие от большинства христиан не воспринимаем Новый Завет буквально, поскольку не забываем, что он написан с применением гематрического кода: это способ передачи древнего знания при помощи повествования, рассказа о жизни, смерти и воскресении Христа. Петр, скала, есть древнее знание предков, материализованное в Великой пирамиде Гизы. Иисус строил свою новую церковь на базе древнего знания, и вот оно, прямо здесь, а видеть его может тот, кто ведает, как надо видеть.

* Кьюбит — локоть. Мера длины, равная примерно 18–22 дюймам, или 45,7–55,9 см.

Рутерфорд слушал, затаив дыхание. Специалист с мировым именем по мифам и религиям, он сознавал, что Поимандрес уводит его в абсолютно неизвестные науке области и сейчас они стоят на пороге раскрытия тайн, бдительно охраняемых тысячелетиями.

Собравшись с мыслями, Поимандрес продолжил:

— Вам предстоит убедиться, что у Великой пирамиды отсутствует вершина. Верхние пять египетских кьюбитов строения были сняты в давние времена — еще до того, как пришла в упадок сила древнего знания. С тех пор высота пирамиды без вершины составляет двести семьдесят пять египетских кьюбитов. Или пять греческих кьюбитов, потому что один большой кьюбит равен пятидесяти пяти египетским кьюбитам. Конечно же, это не случайное совпадение: пять — число созидания и возрождения. Пентагональная симметрия — ключ к жизни. Это квинтэссенция: пять частей, составляющих единое целое: земля, воздух, огонь, вода плюс пятый элемент — божественная искра, возрождающая жизнь из перечисленных четырех. Пятьдесят пять — это также число самой пирамиды: вход в пирамиду находится на пятьдесят пятом уровне кладки.

Кэтрин и Рутерфорд стояли не шевелясь, будто прикованные к месту словами Поимандреса.

— Снятая вершина тоже представляла собой пирамиду. Ее высота — я не удивлю вас — равнялась пяти египетским кьюбитам. Главным принципом древних, или просветителей, как называете их вы, было «сколько сверху, столько и снизу». Те же принципы, что управляют

ростом одной человеческой клетки, управляют и движениями галактик.

Он пошел назад, к гранитному пьедесталу.

— Так вот, эта вторая, маленькая пирамида, которую сняли с Великой пирамиды, также имела вершину. Ею являлся камень Бенбен, объем которого составлял ровно пять кубических дюймов, — он свободно может разместиться на ладони... Тысячи тысяч лет люди гадали, что же стало с камнем Бенбен: кто снял его, где спрятали, что он на самом деле такое...

Повернувшись к ним спиной, Поимандрес склонился над пьедесталом.

— А Бенбен-камень — вот он.

Копт повернулся. На ладони его вытянутой правой руке покоилась красивая, блестящая золотом пирамидка в несколько дюймов высотой. Вершину ее украшал кристалл, сверкавший в зареве свечей и отбрасывавший на потолок и стены пещеры мириады искр света.

Кэтрин и Рутерфорд оба ахнули.

— А что это — на вершине? — спросила она.

— Алмаз. «Горчичное зерно», «*Kikkos sinapeos*» по-гречески. Его значение в гематрии — тысяча семьсот сорок шесть. Круг с длиной окружности тысяча семьсот сорок шесть имеет диаметр пятьсот пятьдесят пять. Мы вновь вернулись к «пятеркам».

У Рутерфорда отвисла челюсть. Он не мог вымолвить ни слова. Вся структура вдруг начала обретать четкий изумительный смысл: наполняя каскады космического совершенства, стремительно плыли вверх и вниз числа.

Поимандрес продолжал:

— Таким же образом число Солнца — шестьсот шестьдесят шесть, а Луны — тысяча восемьдесят. Как вы, вероятно, знаете, алхимики считали, что жизнь произошла

от слияния серы и ртути: сера — это Солнце, ртуть — Луна. Все на Земле питает Солнце: все живое, даже враждебное движение Земли, в прямой зависимости от гравитационного поля Солнца. Ртуть, божественная искра, соединяется с серой, чтобы сотворить жизнь.

Поимандрес посмотрел на ученых с мрачной торжественностью.

— Энергию пирамид можно использовать в мирных целях вечно, но попади эта энергия не в те руки — и она может стать источником неисчислимых бед. К управлению ее силой нельзя подпускать недостаточно обученных и тех, чьи души не полностью чисты. Вот почему наши праотцы демонтировали вершину пирамиды: зная, что грядущие темные времена несут упадок древнего знания, они решили снять камень Бенбен и пять верхних слоев кладки, дабы никто не смог запустить механизм.

Рутерфорд мгновенно припомнил Безумова.

— Так это механизм!

Копт поднял глаза на него — серьезное лицо Поимандреса напоминало маску.

— Верно: пирамида представляет собой величайший механизм, когда-либо построенный в этом мире. Ее масса и объем продуманы так, чтобы она могла накапливать энергию космоса. И при выборе места ее расположения учитывалось, что энергию, предназначенную для использования на Земле, пирамида будет, как в воронку, собирать, концентрировать, а затем передавать в другие места по всему земному шару. Как только камень Бенбен увенчает вершину пирамиды, механизм проснется к жизни. Энергия, что движет им, в наши дни называется магнитным полем и по-прежнему является малопонятной и малоизученной силой.

Поимандрес повернулся и осторожно опустил Бенбен на пьедестал. Камень, казалось, лучился внутренним светом, хотя это, конечно, была иллюзия. Его изумительная простота и сила притягивала Кэтрин.

— В недрах нашей планеты, в самом ее центре, располагается твердое железное ядро такого же размера, как Луна. Оно подвешено в кипящей жидкости из расплавленного железа, которое, в свою очередь, окружено слоем кипящей лавы в несколько тысяч миль толщины — все это заключено в литосферу. Массивный железный шар ядра вращается чуть быстрее, чем окружающая его оболочка планеты. Возможно, благодаря этому и возникает магнитная энергия, точно никто не знает, поскольку знание это утеряно. А древние знали, как можно накапливать магнитную энергию и управлять ею. Как вы уже убедились, они могли создавать огромные строения, они могли добывать и обрабатывать материалы много тверже камня, а еще они могли контролировать и подстраивать движение нашей планеты по орбите.

Кэтрин вспомнила о зашифрованной записке.

— Поимандрес... Я должна спросить у вас кое-что.

— Спрашивайте.

— Цель нашего исследования — выяснить, что явилось причиной последнего катаклизма и как мы можем предотвратить повторение подобного. Теперь мы знаем, что катаклизм был вызван одновременной подвижкой всей литосферы, также знаем, что это было связано с прецессией и движением планеты по орбите. Но нам абсолютно непонятно, почему все должно повториться.

Поимандрес медленно кивнул. С понимающей улыбкой он обратился к Кэтрин:

— Вы проделали большой путь. Я могу помочь вам сделать последние шаги. Вы правы: человечество предостерегают. Мы прямиком движемся к очередному апо-

калипсису. С каждым годом все слабее древнее знание; тех, кто постиг его, все меньше, а силы врагов все растут. Хозяева Корпорации нынче сильны как никогда. Их стремление править материальным миром, подчинить себе природу и поработить народы ведет нас прямым ходом к пропасти. Их машины убивают природу, и костер, в который они подбрасывают все больше ее составляющих, ширится с каждым днем... Они почти в прямом смысле слова поджигают планету.

На лицо Поимандреса легла глубокая печаль, словно он только что потерял последнюю надежду.

— Чем больше неразумные подливают масла в огонь, тем интенсивнее тают полярные шапки. Чем больше они раскопегаривают топку своей жадности, тем быстрее растет температура окружающей среды, тем быстрее плавятся ледники.

Соглашаясь с ним, Кэтрин кивнула. Она чувствовала, что из уст хрупкого копта она узнает о судьбе человечества.

— Положение литосферы нашей красавицы планеты определяется распределением веса по ее поверхности. Несмотря на то что форма Земли представляет собой тело, близкое по форме к сфере, вес по поверхности земной коры распределен неравномерно. Например, в регионах с гористой сушей слой литосферы толстый и тяжелый. Южный полюс укрывает ледник в милю толщиной и весом в миллиарды тонн; его масса, создавая колоссальное давление на океаническую кору, как и миллионы тонн ледников на Северном полюсе, уравнивает центробежные силы.

Этот ледяной покров нарастал в течение тысячелетия, и, если бы природе было дозволено развиваться своим путем, он оставался бы на месте до момента, когда пре-

цессия земного шара не переместила бы Антарктиду ближе к Солнцу. И только тогда, по истечении следующего тысячелетия, он начал бы таять. Вот как должно было произойти «по плану», заложенному в природе. В этом суть секретного послания. Вот что древние гении пытаются донести до нас, и это одна из причин, по которой они построили «всемирную сеть»: затем, чтобы самим корректировать процесс прецессии и спасти нас от неминуемой судьбы. Но слишком мало было их — выживших после «своего» катаклизма. Спустя несколько поколений ушли и они, оставив нам лишь руины своей технологии и зашифрованное в преданиях послание.

— И все-таки не возьму в толк, — в смятении проговорила Кэтрин, — что нам угрожает сегодня? Это точно, что прецессия вызовет новый потоп через тысячу лет? Может, процесс этот и регулярный, но крайне медленный.

Старый копт печально посмотрел на нее.

— Земля наших дней сбалансирована, земная кора находится в наиболее оптимальном с точки зрения распределения массы положении, и подвижки ее совсем незначительны. Однако если льды начнут таять, а ледники — уменьшаться, как это происходило в конце последнего ледникового периода, — их колоссальную массу примут океаны. Чтобы не нарушилось вращательное движение Земли, последует вынужденное перераспределение литосферных плит — все, как в последний ледниковый период. А мы знаем, что в результате глобальной подвижки последует глобальная катастрофа и жизнь на Земле погибнет... То, чему мы сегодня являемся свидетелями, — рукотворное начало этого неизбежного процесса. И нет нужды дожидаться замедления процесса прецессии: мы сами плавим ледники. Вот этого древние

никак не предвидели. Им и в голову не приходило, что мы сознательно бросимся навстречу своей гибели.

Глаза Кэтрин расширились от ужаса — услышанное совсем не напоминало фантастику.

— Скажите, Поимандрес, неужели все пропало? Можем мы остановить приближение катастрофы?

Но прежде чем копт успел ответить, со стороны ствола колодца вдруг донесся легкий шум: по железному трапу кто-то осторожно спускался.

Из темноты колодца показался Иван Безумов и с нескрываемым сарказмом спросил:

— Виноват, не потревожил?

В сумраке подземной пещеры в своем белом костюме он напоминал призрак.

Безумов запустил руку под полу пиджака и вытащил что-то — в темноте Кэтрин не удалось разглядеть. Ее сердце упало.

— Безумов — что это у вас?

— Это пистолет, Кэтрин. Если быть точным — «хеклер и кох».

С ловкостью опытного стрелка русский взвел курок. Кэтрин, Рутерфорд и копт замерли.

— Безумов, вы в своем уме? Уберите пистолет!

— В своем, Кэтрин, в своем я уме. Только боюсь, пистолет я убирать не стану. А вот вы все быстренько отойдите от камня — вон туда. И прошу, как говорят в боевиках, без опрометчивых поступков. Влюдей мне стрелять приходилось — вы будете не первыми и, скорее всего, не последними.

Рутерфорд отважился спросить:

— Зачем вы это делаете, Безумов?

Обманчиво небрежно держа револьвер, Безумов откинул назад голову и презрительно рассмеялся.

— Ну наконец-то умный вопрос, доктор Рутерфорд. А то меня уж начинала доставать ваша тупость в астрономии. Сейчас я расскажу, с какой целью держу вас на мушке. Пришло время преподать урок великим теоретикам Оксфорда.

Махнув стволом пистолета, он велел им перейти от центра острова к дальнему его краю.

— А делаю я это оттого, что легендарный научно-исследовательский агрегат ждет не дождется, чтобы его вновь запустили.

Продолжая держать их под прицелом, Безумов присел на корточки, сгреб в пригоршню несколько камней и, поднявшись, приблизился к кромке воды. Затем бросил веером камни в воду. Упавшие в то место, где находился брод, остались видны. Безумов двинулся к острову.

— Агрегат сей — настоящий шедевр технологии, когда-либо созданный руками человека. Конструкция его необычайно точна и сложна: корректируя движение Земли вокруг Солнца, он тем самым оберегает планету. Современные теории добычи энергии в сравнении с этим механизмом — жалкий примитив. Вы правы, Кэтрин, этот механизм — памятник прецессии, но вдобавок к этому он предназначен для того, чтобы ее контролировать и корректировать. А энергией вращения Земли можно управлять.

Криво ухмыляющегося Безумова теперь отделяло от камня лишь несколько футов. Кэтрин отчетливо видела его глаза — они казались пустыми, словно этим человеком, полностью поглощенным своими мыслями, управлял автопилот.

— Теперь, когда у меня наконец есть камень Бенбен, я верну его на место, на вершину Великой пирамиды, и

невидимые потоки энергии космоса вновь будут служить человечеству.

Кэтрин была не в силах сдерживаться, и остановить ее не мог бы даже пистолет:

— Нет! Безумов, ты совершаешь страшную ошибку. Древние ведь не просто так сняли Бенбен, ты не ведаешь, что творишь!

Не обращая на нее внимания, Безумов пошел прямо на худенького копта.

— Мистер Поимандрес, благодарю за лекцию: я послушал с большим интересом, но она лишь подтвердила, что мои поиски были не напрасны. А сейчас будьте добры, отдайте камень Бенбен. — Нехорошо улыбнувшись, русский сделал еще один шаг вперед. — Я так переживал: успею ли найти его к сроку, не успею...

Поимандрес прижал камень к груди:

— Никогда! Только через мой труп...

Подняв правую руку и тщательно прицелившись в грудь копта, русский сухо проговорил:

— Я не ожидал услышать другого. Если вы так настаиваете...

Грохот выстрела в замкнутом пространстве пещеры был таким, что Кэтрин показалось, будто лопнули барабанные перепонки. Инстинктивно она резко присела на корточки и обхватила голову руками. Когда способность воспринимать окружающее вернулась, она заметила, что Рутерфорд тоже пригнулся, чуть согнув ноги в коленях, готовый к прыжку. Неловко упав, в стороне лежал Поимандрес, и не видно было, дышит он или нет. Выстрел был в упор, и Кэтрин решила, что копт умер. Затем Кэтрин вдруг почувствовала, что ее охватывает ярость. Прав был профессор: как слаба мудрость перед одним-единственным актом безумной жестокости. В воздухе стояла пороховая вонь, по щекам Кэтрин текли слезы, и она сжа-

ла зубы, изо всех сдерживая себя, чтобы не завить и не броситься на злодея-русского.

Безумов заговорил снова, голос его был спокоен:

— Вы двое — ни с места. У меня нет особого желания причинить кому-то вред без причины.

Слезы продолжали бежать из глаз Кэтрин: она не могла оторвать взгляда от неподвижного тела Поимандреса, из-под которого на каменный пол вытекала кровь. Ради Поимандреса, ради профессора и всех тех хранителей древнего знания, что были последним оплотом мудрости перед сумасшествием Безумова и еще более страшной Корпорации, она обязана была что-то предпринять.

— Безумов, то, что вы творите, сумасшествие. — От волнения голос ее был слаб.

— Чушь! Я единственный, кто способен взять штурвал в руки и рулить этим миром по пути в светлое будущее. Только я в состоянии понять эту уникальную машину. Если я не добьюсь своей цели, Земля будет уничтожена.

Безумов взвесил на ладони камень Бенбен. Глаза его сверкали, лицо пылало — весь он будто излучал маниакальную энергию. Голос его был предельно серьезным — и понизился почти до шепота.

— Пять тысяч лет мы существовали в довольно мирных отношениях с экологией планеты. Однако это заблуждение. Совсем скоро мир превратится в настоящий ад — это его нормальное состояние — и все мы будем уничтожены. Можете вы себе представить, что нас ждет, когда проснутся супервулканы — а именно так оно в один прекрасный день и будет? Это всегда было нормальным явлением в жизни нашей планеты, и мы знаем точно — это будет. А когда случится — тушите свет! Как в древние времена, слои пепла и пыли заволокут небеса и закроют солнце. Урожай погибнет, про-

мышленность и все блага цивилизации исчезнут в мгновение ока, воцарится хаос. Может, вы сомневаетесь? Может, вы считаете, что сценарий будет другим? Вы и вправду думаете, что я брежу? История прошлого — это и история будущего. Даже мистер Поимандрес согласился бы в этом со мной. События прошлого и события будущего — звенья одной цепи. И изменить нельзя ничего, если только я не запущу эту машину и не поведу нас к спасению.

Кэтрин с ужасом смотрела на Безумова — его страшные пророчества казались вполне реальными, вот только сам он выглядел окончательно выжившим из ума. Его надо было остановить.

— Безумов, вы ошибаетесь. Вы все уничтожите.

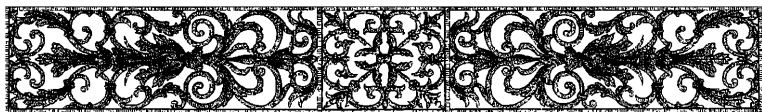
Зубы Безумова сверкнули, когда он улыбнулся ей. Казалось, в полумраке пещеры его самоуверенность приняла материальные формы.

— Я не собираюсь, подобно жалкому ученому, разводить здесь дискуссию. Слишком много дел предстоит.

С этими словами он развернулся и пошел через брод к шахте колодца — словно призрак по водной глади. Перед тем как исчезнуть в шахте, он обратился к ученым:

— Не пытайтесь преследовать меня. Если ползете за мной по трапу, подстрелю не раздумывая. Наверху люк в колодец я запру. Не дергайтесь, смерть от удушья вам не грозит, а может, вам повезет и вас освободят до того, как вы умрете от голода и жажды. Бывайте!

Щелкнул выключатель фонарика, и русский растворился во мраке.

Кэтрин бросилась к Поимандресу. Он лежал на спине рядом с пьедесталом. Правой рукой копит сжимал пропитанную кровью ткань белой джелабы в том месте, куда попала пуля. Левая рука была вытянута вдоль тела. Кэтрин опустилась рядом на корточки, коснулась его щеки, а затем попыталась нащупать пульс.

— Джеймс, он еще жив!

Рутерфорд стоял над ними.

— Его срочно надо к врачу. Я попробую выбраться.

Кэтрин повернулась и подняла к нему лицо:

— Нельзя. Ты же слышал слова Безумова.

На лице Рутерфорда было отчаяние.

— Ну а что делать-то? Мы же не можем просто отсидеться здесь, дожидаясь, пока Поимандрес умрет, а Безумов запустит механизм.

Кэтрин взглянула на часы:

— До восхода всего час.

Она поднялась на ноги и, качая головой, торопливо заговорила:

— Ну хорошо, попробайся, проверь, но, Джеймс, прошу тебя, будь осторожен. У меня в голове не укладывается, что мы проделали такой путь только для того, чтобы вот так вот взять и отдать Безумову камень Бенбен.

Рутерфорд развернулся, с плеском пробежал по воде и поспешил к трапу. Кэтрин вновь обратила свое внима-

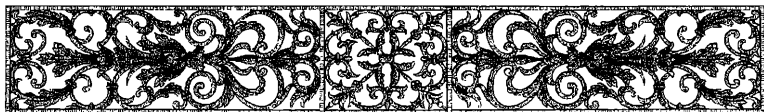

ние к Поимандресу. Опустившись рядом, она осторожно переложила его голову себе на колени и тихонько заговорила с лежащим без сознания коптом:

— Пожалуйста, не сдавайтесь, Поимандрес, держитесь...

Иван Безумов выбрался из колодца в грот под пандусом. После плотной темноты подземных помещений проникающий сюда свет звезд нес облегчение. Теперь даже без фонаря Безумов мог разглядеть очертания тела водителя, лежащего ничком на земле. Безумов отряхнул костюм от пыли, а затем, опустив стальную крышку люка над шахтой колодца, навесил тяжелый замок и защелкнул его. Перешагнув через охранника, он выскользнул из ворот и запер их за собой. Приближалась буря: разгулявшийся ветер гонял облака песка по плато Гизы, а на горизонте черное небо клубилось тучами. Отдаленный гром катился над древней песчаной равниной.

Через несколько секунд Безумов уже вышагивал по пандусу к Великой пирамиде. Жутко завывавший ветер холодной пустыни был его единственным спутником.

Рутерфорд соскочил с трапа на землю и перебежал на остров, со лба его струился пот. Задыхаясь, он выпалил:

— Он запер люк! Я просто не знаю, что делать.

Кэтрин проводила по лбу копта носовым платком, смоченным холодной подземной водой. Она подняла взгляд на Рутерфорда, с несчастным видом маячившего над ней. Глаза Поимандреса как будто чуть приоткрылись, и Кэтрин тут же сказала:

— Поимандрес! Держитесь, мы обязательно вытащим вас отсюда.

Кэтрин беспомощно посмотрела на Джеймса, со страхом глядящего вниз на умирающего копта. Продолжая гладить его лоб, она обратилась к своему пациенту очень спокойным голосом, изо всех сил стараясь скрыть эмоции, готовые вот-вот захлестнуть ее:

— Поимандрес, есть отсюда другой выход? Ну, ход какой-нибудь потайной?

Он открыл рот, закрыл его, а потом с невероятным усилием прошептал:

— Под водой...

Рутерфорд резко опустился на одно колено:

— Где?

Поимандрес тихо застонал, а затем снова заговорил — голос его был не громче шелеста. Кэтрин нагнулась к нему, чтобы не пропустить ни слова:

— Под водой потайной туннель, за пьедесталом. Если нырнуть и проплыть по нему, можно попасть в священные комнаты. Что бы ни случилось — ни в коем случае не входите в зал Памяти Времен. Если вам посчастливится выжить — никому не рассказывайте, что вы видели. Обещайте мне, молю вас...

С этими словами он закрыл глаза. Рутерфорд поднялся на ноги и взглянул на фонарик — батарея почти совсем села. Он обошел платформу и ступил на край черного рва. Ров был в три метра шириной, и на той стороне глухая каменная стена упиралась в свод пещеры. Вода была маслянисто-черной и непрозрачной — невозможно было разглядеть, что таилось в ее глубине.

Кэтрин осторожно переложила голову копта со своих колен на скатанную джелабу и прошептала:

— Поимандрес, я обещаю вам... Держитесь...

Рутерфорд вышагивал по краю рва, светя в воду фонариком и тщетно пытаясь разглядеть, что под поверхностью воды. Кэтрин подошла к нему.

— Ну, высмотрел что-нибудь?

— Ничего. Без толку.

Кэтрин оглянулась на Поимандреса и перевела взгляд на воду.

— Выбора нет, поэтому будем искать, иначе мы застрянем здесь, Безумов получит свое, а Поимандрес умрет.

Держась за руку Джеймса, она скинула туфли и шагнула к кромке. Дно круто обрывалось. Кэтрин села на край рва и осторожно сползла в воду. Вода была ледяная — Кэтрин показалось, будто через каждую частичку ее тела пропустили электрический ток. Хватая ртом воздух, она принялась грести руками и ногами, чтобы удержаться на поверхности. Затем, ухватившись за край

рва, Кэтрин подняла голову, посмотрела на Джеймса и, справившись с дыханием, спросила:

— Идешь?

Ни слова не говоря, тот снял обувь и скользнул в ледяную воду — глаза его расширились от ужаса:

— Ничего себе... Ладно, посмотрим, что там, внизу...

Он набрал полную грудь воздуха и скрылся под водой: темень, безмолвие и холод. Рутерфорд устремился вниз — и через мгновение коснулся скалы другого берега. Он стал ощупывать камень руками — поверхность была грубой и бугристой. Воздуха уже не хватало, и он с трудом удерживался на глубине. Рутерфорд стал двигаться вдоль стены на ощупь, как слепой, и вдруг — вот оно! Внизу справа стена исчезала — туннель. Он ощущал границы отверстия: вход широкий, почти ярд в поперечнике. Вполне достаточно. Джеймс выдохнул и с шумом вырвался на поверхность.

— Нашел!

Он подплыл к краю — к дрожащей от холода Кэтрин.

— Сначала я, потом ты. Если воздуха не хватит — выныривай обратно.

Оба глубоко вдохнули и окунулись в ледяную черноту.

Рутерфорду удалось сразу попасть в зев туннеля. Перед тем как ринуться в неизведанное, он секунду помедлил. Затем сделал три энергичных гребка — туннель не кончался. Легким стало не хватать воздуха. Кэтрин — прекрасная пловчиха — шла сразу же за ним, чувствуя завихрения воды от ног Джеймса. Она уговаривала себя не трусить. Еще один гребок... Еще один. В тот момент, когда появились первые признаки паники, Рутерфорд вдруг разглядел перед собой свои руки: впереди был свет.

С облегчением он рванулся вперед и вверх; Кэтрин не отставала. Едва не столкнувшись, они вырвались на поверхность — и барахтались бок о бок, жадно хватая воздух, не в состоянии понять, куда попали.

— Где это мы? — отплеываясь, выдавил Рутерфорд.

Они очутились в тесном бассейне площадью в два квадратных ярда. Борта бассейна были выложены из гранита аккуратной отделки. Бассейн находился в небольшом помещении — по площади примерно в два раза больше самого бассейна и ярда в полтора высотой. Две безупречно высеченные каменные ступени вели из бассейна ко входу в темный туннель. Стены самой комнаты были идеально гладкими, как в камере царя, и украшены иероглифами, нанесенными какой-то золотистой краской и потому тускло отсвечивающими в полумраке. Потолок маленькой комнаты тоже отсвечивал. Он был покрыт тысячами крошечных точек света. От этой красоты у Кэтрин перехватило дыхание:

— Чудо какое! Это же звезды! Ой, смотри, вон там созвездие Ориона.

Рутерфорд вскарабкался на ступени и помог выбраться Кэтрин. Минуту оба стояли, завороченные удивительной игрой света. Медленно озираясь вокруг, Рутерфорд с благоговением проговорил:

— Эти иероглифы... В жизни таких не видел, ни единого... Совершенно незнакомые символы. Кто бы знал, что здесь начертано...

Кэтрин вглядывалась в темноту за дверным проемом:

— Как думаешь, что там? — Приблизившись к порогу, оба всматривались в черный зев туннеля.

— Понятия не имею... — Он по-прежнему крутил головой, не в силах оторвать глаз от таинственно поблескивающих на стенах иероглифов.

Кэтрин шагнула в туннель — он был не таким темным, как это поначалу казалось: здесь, как и в комнате, разгоняла мрак звездная россыпь на потолке. С колотящимся сердцем она осторожно двинулась в глубь туннеля. Рутерфорд, бросив последний взгляд на удивительные письма, повернулся и последовал за ней.

Когда Безумов достиг нижней кладки южной грани Великой пирамиды, над плато Гизы прогремел первый выстрел. Ветер принес голоса — кричали не на арабском, а на английском. Значит, его все-таки засекли. Прижав камень Бенбен к груди, он свободной рукой помог себе взобраться на первый ярус и почувствовал себя лилипутом в стране великанов: массивные десятитонные блоки доходили ему почти до шеи. Он развернулся лицом к пустыне, прижавшись спиной к камням кладки второго яруса. Вокруг не было ни души — в кого тогда стреляли? И кто?

Внезапно высоко в ночном небе близ вершины пирамиды ослепительным шаром расцвела осветительная ракета.

«Ага, значит пока не засекли...»

Осторожно развернувшись на узком уступе, он вновь поднял руки и подтянулся на следующий уровень. Ракету, на мгновение залившую светом южную грань пирамиды, отнесло ветром на сумасшедшей скорости в пустыню. Спасительная темнота вновь окутала его.

С яростным упорством Безумов продолжал подъем — каждый уровень требовал колоссальных усилий. Текли минуты; вспыхнула еще одна ракета. Он съежился, вжался в камень, изо всех сил пытаясь быть незаметным. Полпути к вершине уже позади. От взгляда вниз кружилась голова. Он видел фигурки людей, бегущих к основанию пирамиды. Вторую ракету тут же смыло в пу-

стыню свирепым порывом: ветер поднимал песок с дюн и нес его в крутящихся облаках. Выходит, они знают, что он полез на пирамиду? Безумов повернулся к холодному камню и продолжил подъем: спрятаться здесь негде, а путь лишь один — вверх. К его огромному облегчению, чем выше он поднимался, тем меньше становились каменные блоки. Он ускорил подъем и тут же с ужасом увидел, что по вытянутой правой руке прополз луч света. Танцующий светлый круг лизнул широкий бок пирамиды и желтым призраком метнулся вправо, затем влево. Безумов вновь замер. Он находился недалеко от вершины. Посмотрев вниз, возле южной грани прямо под собой он разглядел только четверых людей, один из них держал фонарь. Вотчаянии Безумов посмотрел вправо, затем влево от линии направления своего подъема. Вершина совсем рядом, и до угла южной и западной граней оставалось около десяти ярдов. Стараясь еще плотнее прижиматься к камню, он двинулся вдоль кромки. Луч фонаря описал круг по кладке, не задев его. Оставалось каких-то два-три ярда. И в этот момент луч нашел, что искал: он уткнулся в Безумова, вырвал из темноты абрис его головы и груди — будто ангела в ночи.

Почти сразу же прилетели звуки выстрелов и следом — отвратительные шлепки пуль, слева и справа расплюсчивающихся о камень. В панике он дернулся к углу, едва не потеряв равновесие, и отчаянным усилием перетянул себя на западную грань пирамиды. На все про все — лишь несколько секунд. Безумов посмотрел вверх: лезть осталось немного. Он осторожно положил камень Бенбен на уступ следующей кладки, достал револьвер и, применяя весь многолетний опыт службы в Советской армии, начал стрелять.

Рука об руку Кэтрин и Рутерфорд осторожно, на цыпочках направились в загадочный сумрак. Непостижимо, думали оба, каким образом это место осталось не открытым. Также было совершенно непонятно, когда оно было построено, за исключением разве того факта, что высочайшее мастерство строителей было под стать исполнению отделки внутренних камер самой пирамиды Хеопса. Не в силах скрыть изумление, Рутерфорд восторженно прошептал:

— Кэтрин — это оно самое! Тайна нашего происхождения — человечество когда-то на самом деле было великим. Тот, прежний, мир на самом деле существовал. И это — последний памятник ему.

Кэтрин, изумленная не меньше его, с открытым ртом вглядывалась в темноту:

— Смотри: он соединяется с другим туннелем.

Было отчетливо видно, как в пятнадцати ярдах впереди коридор упирается в Т-образный перекресток. Второй коридор был сложен из таких же тщательно пригнанных гранитных плит, швы между ними были не толще человеческого волоса, а поверхности — как и усеянные звездами потолочные плиты — отполированы до ледяной гладкости.

Уходящий вправо коридор шел под уклон, сужаясь и теряясь в темноте, а уходящий влево шел с незначи-

тельным уклоном вверх, и через 30–40 ярдов его заливало золотом странного, зовущего и успокаивающего света — Рутерфорд отпустил руку Кэтрин и невольно залюбовался им.

— Боже мой, ничего подобного в жизни не видел...

Кэтрин остановилась подле Джеймса: и ее лицо озарял таинственный свет.

— Что это? Что там может быть?

Они переглянулись, а затем Кэтрин ухватила Рутерфорда за руку и крепко сжала ее.

— Помнишь, Поимандрес велел нам повернуть направо?

Рутерфорд, не мигая, смотрел на Кэтрин, едва слыша.

— Мы просто обязаны заглянуть туда — грех упускать такой шанс!

Кэтрин разрывали сомнения: золотистый свет так манил, но рассудок сопротивлялся, напоминая о просьбе Поимандреса и об их обещании. Как замороженные, оба двинулись по коридору, не в силах ни оторвать глаз от зарева, ни повернуть обратно.

Когда они приблизились к источнику света, коридор совершенно неожиданным и удивительным образом оборвался на пороге высокого и просторного — сотни ярдов длиной — зала, напоминающего внутреннее помещение собора. Таинственная красота, да еще так глубоко под землей, не могла привидеться им в самых фантастических снах. Коридор вывел ученых на гранитный бордюр, что тянулся примерно по середине стены на высоте восьмидесяти ярдов от пола: они стояли на краю пропасти, не дыша, потрясенные увиденным. А внизу поднимались с земли более трех десятков пирамид, их верхушки достигали футов сорока: грани каждой были отделаны красивым белым камнем, а верхушки изготовлены из какого-то белого металла. Завораживающий голубова-

тый электрический свет ритмично перескакивал от одной вершины к другой, словно язык таинственного не-земного пламени. Вся конструкция издавала низкий гул, и, когда язык голубого света длиной в двадцать ярдов опоясывал комнату, перелетая с одной вершины на другую, раздавался звук, напоминающий потрескивание сухих поленьев в камине. Кэтрин смотрела на все это с ужасом и восхищением.

— Господи, что ж это здесь такое?

Рутерфорд, не менее потрясенный увиденным, проговорил:

— Понятия не имею... Думается мне, что перед нами некая форма технологии использования природных ресурсов, лежащая далеко за пределами нашего понимания.

Он был прав: все то время, пока Кэтрин восхищенно любовалась невероятным зрелищем, она не могла отделаться от мысли, что перед ней сердце какого-то механизма. Уступ, на котором они стояли, тянулся по периметру всего помещения. С интервалами примерно в пятнадцать ярдов от уступа вниз сбегали каменные лестницы от выходов пробитых в скале коридоров, подобных тому, что привел их сюда. Взгляд Рутерфорда из восторженного стал настороженным, он обернулся к Кэтрин:

— Идем скорее — вон туда, смотри!

Он вытянул руку в направлении противоположной стены огромного зала, прямо напротив того места, где они стояли: залитый светом широкий портал, а над ним — надпись из незнакомых, красиво светящихся гигантских иероглифов.

— Зал Память Времен! — Рутерфорду не удавалось сдержать восхищение. — Точно. На все сто — это он.

Только руку протянуть... Можно дойти прямо по этому карнизу. Пойдем!

Кэтрин в ужасе смотрела на него.

— Нет Джеймс, мы возвращаемся. Я ведь дала слово Поимандресу. Может, это была его предсмертная просьба! К тому же нам надо остановить Безумова — он ведь именно об этом твердил, именно этот механизм он хотел запустить. А мы даже не в курсе, что он сейчас делает. Надо остановить его — немедленно!

Рутерфорд посмотрел на Кэтрин — в его глазах застыло отчаяние. Поведя рукой, он показал на таинственную комнату:

— Да как же можно вот так просто уйти...

Кэтрин взяла его руки в свои, заглянула ему в глаза, словно пытаясь вырвать из чар страшной машины, и тихо проговорила:

— Мы же всегда сможем вернуться. Она никуда не денется. Сейчас необходимо покончить с делами в реальном, сегодняшнем, мире, а миром наших предков займемся потом. Пойдем. Поспешим — пока не поздно...

Рутерфорд оглянулся на огромный зал — взгляд его тут же нашел светящийся портал. Он помотал головой и опустил глаза.

— Но ведь мы видели его, Кэтрин? Он не пригрезился нам?

Кэтрин посмотрела на Джеймса, затем обвела взглядом удивительный зал с пирамидами, раскинувшийся у них под ногами, глубоко под плато Гизы.

— Нет, не пригрезился. Теперь мы точно знаем: могучая цивилизация с высочайшей технологией предшествовала нашей и погибла так же, как суждено погибнуть нам. — Она вновь посмотрела на него. — Джеймс, у нас совсем не осталось времени. Нам не нужна Память Времени. То, что надо знать на данном этапе, мы знаем, не-

ужели ты не понимаешь? Больше не осталось тайн. Надо остановить Безумова и Корпорацию. А человечеству пора менять образ жизни — именно это всегда говорил профессор Кент. Только я не хочу, чтобы Поимандрес умер, брошенный всеми, как профессор Кент. Я хочу спасти его, чего бы это ни стоило. Слишком мало таких, как он, осталось на свете, они очень нужны людям.

Рутерфорд слушал, не перебивая, а затем, повернувшись к ней, медленно кивнул:

— Ты права, Кэтрин.

Она потянулась к нему и поцеловала в щеку, а затем, повернувшись, потянула Джеймса за собой в коридор, по которому они пришли сюда. Бегом они пустились в обратный путь, мимо поворота в комнату с бассейном, прямо по коридору, по которому велел им идти Поимандрес. С каждым шагом становилось темнее. Коридор стал заворачивать вправо, и вскоре, оглядываясь назад, они уже больше не могли видеть выхода в зал с пирамидами. Наконец, ярдов через пятьдесят, кладка коридора стала иной: идеально ровные полированные гранитные плиты уступили грубому необработанному камню, а потолок сделался на несколько футов ниже, вынудив ученых пригнуться. Через следующую сотню ярдов коридор резко оборвался, уткнувшись в кучу камней и песка, вывалившихся из большой, полуметровой ширины горизонтальной трещины в скале. Рутерфорд в смятении проговорил:

— Завал. Как же выбираться-то?..

Кэтрин забралась по камням к расщелине:

— Ползком.

Она чуть приподнялась и протиснулась в расщелину, чувствуя себя так, словно кладет голову в пасть льву: скала в любую минуту могла раздавить ее. Запретив се-

бе думать об этом, она поползла на животе, подтягиваясь на руках. Судя по звукам, Рутерфорд последовал за ней.

Через десять минут каторжных усилий, когда пот уже заливал ей лицо, лаз оказался перекрытым осыпавшимся песком. В ярости от неожиданной преграды к спасению она принялась неистово грести песок.

«Нет, это еще не конец, только не сейчас, пожалуйста...»

Из последних сил Кэтрин гребла и гребла, и тут, совершенно неожиданно, в лицо дохнул прохладный воздух пустынного плато, сыпанув в лицо мелким песком и будто придав ей новых сил. Лихорадочно работая руками, Кэтрин наконец преодолела завал — лицо ее оказалось на свежем воздухе, и рев штормового ветра, разгулявшегося над пустыней, показался благословенной песней.

— Джеймс, мы спасены!

Извиваясь всем телом, она буквально выдралась из плена камней и песка и без сил рухнула на бок. Мгновением позже показалась голова Рутерфорда, затем весь он, так же продравшись из завала, рухнул обессиленный и остался лежать, распростертый под штормовыми облаками и звездами... Небо на востоке стало сереть. Несколько секунд они лежали рядом, пытаясь отдышаться, затем Рутерфорд перекатился на спину, сел и огляделся. Ярдах в двухстах высилась западная грань Великой пирамиды — и там, подле ее основания, он заметил несколько движущихся людских фигур. Разглядеть их он не успел: раздались выстрелы. Инстинктивно оба ученых припали к песку.

— Кто это? Они стреляют в нас?

В ответ на выстрелы прогремела автоматная очередь.

— Нет, стреляют с пирамиды.

Затем темноту разорвала яркая вспышка, и ракета осветила песок. Рутерфорд подполз к гребню дюны, на которой они лежали. И не поверил своим глазам:

— Боже мой, смотри! Это же Безумов, он почти на самой вершине.

Кэтрин подползла к Рутерфорду и смахнула волосы с лица. На вершине пирамиды, не добравшись до макушки всего несколько уровней кладки, виднелся Безумов. Сначала вспышка ракеты, а затем луч фонаря очертили контур его фигуры, кажущийся чуждым на фоне величественного каменного сооружения. Безумов напоминал самоубийцу, задумавшего прыгнуть с высотного здания: с упорством маньяка он, как краб, полз к вершине. Пули выбивали каменную крошку вокруг русского, однако он терпеливо и ловко, как бывалый скалолаз, карабкался по каменным блокам, перебираясь за раз через один блок, — все выше и выше.

Забыв об осторожности, Кэтрин и Рутерфорд поднялись на ноги. На их глазах Безумов ускользал и становился недостижимым. Заря готова была вот-вот разродиться. Остановить его казалось уже делом невыполнимым. Неужели они напрасно проделали такой путь?

Последним нечеловеческим усилием Безумов втянул себя на вершину Великой пирамиды — площадку примерно семь на семь ярдов. Ветер рвал одежду и норовил сбросить прищельца вниз. Он заполз за угол, уйдя таким образом с линии стреляющих снизу, под защиту миллионов тонн камня, и расхохотался.

— Ага, все, не достанете! Я на месте! Теперь я всему миру докажу, насколько был прав!

Безумов выпрямился во весь рост, держа в руках перед собой камень Бенбен как бесценный бриллиант. Напряженным взглядом он впился в горизонт в поисках краешка солнечной сферы — занимающейся зари, но штормовое небо было так плотно укутано тучами, что это ему не удалось. И тут вдруг раздался страшный шум, перекрывший даже рев бури, — будто одновременно стартовала тысяча реактивных двигателей. В растерянности Безумов начал озиаться, прижав камень к груди. Лицо его исказила паника, удары ветра и непроницаемая ночная тьма не давали сориентироваться. Но затем он увидел: в каких-то десяти футах от него из темноты выплыл большой черный самолет и завис прямо напротив, словно чудовищных размеров ископаемое насекомое. Его огромный округлый приплюснутый фюзеляж был в диаметре около двадцати ярдов, а две антенны в носовой части будто копыя нацелились на русского. Меж-

ду антеннами виднелось черное стекло колпака кабины. Безумов только раз взглянул на самолет — и тут же обратил лицо к востоку. Там, разжижая ночную темень, явно затеплилась заря. Крутанувшись на пятках, Безумов крикнул в угасающую ночь:

— Черта с два! Теперь ничто не остановит меня! Опоздали!

Он твердо поставил ноги в центре площадки и воздел к темному небу руки с зажатым в них камнем. Словно она только и ждала этого мгновения, грянула гроза. Буквально отовсюду, пронзая облака, во всех направлениях полетели голубые молнии — как божественный огонь.

Хотя Кэтрин и Рутерфорд находились в сотнях метров от пирамиды, они невольно попятнулись в тот момент, когда все полыхавшие в небе молнии будто по команде устремились к Великой пирамиде, чтобы обрушиться на нее в едином ослепительном сполохе. Раздался оглушительный удар грома, а затем — вспышка мощного взрыва, в сотни раз ярче, чем недавно выпущенные осветительные ракеты. Кэтрин и Рутерфорд попытались отвернуться, однако мощная взрывная волна сбила их с ног. За первым взрывом последовал второй, еще громче первого. Это взорвался тот странный самолет: по-видимому, его ударил поток молний и он вспыхнул в одно мгновение. На сотни метров во всех направлениях полетели металлические обломки. Кэтрин свернулась в клубок, а Рутерфорд обнял ее, заслонив собой и молясь, чтобы ни один из раскаленных кусков не задел их.

Последние осколки ударились о землю. Стало тихо. Даже буря как будто улеглась, унесенная могучим взрывом. Кэтрин отважилась на осторожный взгляд сквозь пальцы прижатых к лицу ладоней. Пирамида была на месте. За ее могучим силуэтом таяла ночь — вставало

солнце. Занималось утро дня весеннего равноденствия, и, казалось, все вокруг оставалось таким же, как и в любой день прошедших десяти тысяч лет: величие пирамид пребывало безмолвным свидетелем неосмотрительности человечества. Кэтрин поползла на гребень дюны. Беспорядочно разбросанные, горели на песке обломки фюзеляжа. Ближе к пирамиде в свете нарождающейся зари она смогла разглядеть на земле несколько неподвижных тел. Подполз на гребень и Рутерфорд; в состоянии полного шока оба смотрели на до странности тихую картину и не находили слов. Затем стали прибывать автомобили египетской полиции: испуганные полицейские осторожно выбирались из машин и с опаской пинали еще дымящиеся у подножия пирамиды обломки. И тут Рутерфорд заметил что-то блестящее в песке ярдах в двадцати впереди.

— О, смотри, что это?

— Господи, не может быть... — ахнула Кэтрин.

Скатившись по склону дюны, она обернулась и крикнула Джеймсу:

— Он! Камень Бенбен!

Рутерфорд догнал ее, и оба на четвереньках осторожно приблизились к камню: абсолютно невредимые, его идеально гладкие золотые грани тепло светились в ночи, а алмаз сверкал, как звезда. Кэтрин потянулась, чтобы подобрать его.

— Поразительно. Да как же ему удалось сохранить-ся? Ой! — Едва взяв в руки, она выронила камень. — Горячий какой!

Рутерфорд оторвал рукав от своей все еще мокрой рубашки и натянул его на вершину сверкающей находки. Затем осторожно поднял ее и обернул рукав вокруг металла, полностью укрыв.

— Порядок. — Он бросил взгляд через плато в сторону пандуса — туда, где находился вход в колодец. Там суетились и кричали полицейские.

— Кэтрин, смотри: они, наверное, нашли труп охранника. И это хорошо: теперь они точно спустятся в колодец и найдут Поимандреса. — Он внимательно оглядел плато, ища путь к скрытному отступлению.

Противным визгом наполнили воздух полицейские сирены, заматались лучи прожекторов, обычно используемых для «son et lumière»*, помогая просыпающемуся солнцу освещать все четыре грани пирамиды и выплескивая на песок отраженный свет. Рутерфорд схватил руку Кэтрин:

— Вот самый подходящий для нас момент. Бежим.

Они повернулись и побежали обратно к дюнам, в спасительный покой пустыни.

* «Звук и свет» (фр.) — светозвукоспектакль; подсветка исторического памятника с одновременной передачей музыки и стихов, посвященных данной эпохе.

В тот же день некоторое время спустя Рутерфорд проснулся на хрустящей простыне в чистой, обставленной без излишеств комнате. В окна с голубого, без единого облачка неба лился солнечный свет, теплый ветер шелестел прозрачными занавесками.

В то же мгновение на него потоком обрушились воспоминания минувшей ночи. Он повернул гудящую от усталости голову и увидел рядом крепко спящую Кэтрин. Выходит, это был не сон.

Взгляд его бежал гостиничный номер и наткнулся на оторванный лоскут рубашки на сиденье стула напротив. Быстро глянув на Кэтрин и двигаясь как можно осторожнее, чтобы не разбудить ее, он схватил рубашку и сверток, аккуратно положил на кровать и бережно развернул. Во всей красе перед ним предстал камень Бенбен. В этот момент Кэтрин перекатилась на бок и открыла глаза.

— Джеймс! А где это мы?

Он нежно улыбнулся ей, наклонился и поцеловал в губы:

— Мы в гостинице, на которую набрали ночью где-то в пригороде Каира. И я не имею ни малейшего представления, который час.

Кэтрин перевела взгляд на камень:

— Неужели мы унесли его? Значит, это был не ночной кошмар? А Безумова...

Рутерфорд договорил за нее:

— ...А Безумова больше нет. Как нет, похоже, и боссов Корпорации. По всей видимости, они находились в том странном самолете, который разнесло взрывом. Все кончено — и нам больше ничто не угрожает. Смотри! — Он с радостной улыбкой повернулся к окну. — День-то какой чудный.

Кэтрин приподнялась на локте и посмотрела на безоблачное мирное небо.

— Да, а Поимандрес? Надо проверить, как он.

Рутерфорд встал.

— Схожу к портье, попрошу позвонить в больницу в Гизе, узнать, поступал ли он к ним. Надо нам с тобой его навестить.

Кэтрин рассматривала изящные очертания камня Бенбен. Затем осторожно погладила его.

— Обязательно. А еще надо выяснить, как вернуть на место этот уникальный предмет.

Рутерфорд натянул рубашку, надел туфли и завязал шнурки.

— Ты можешь пока принять душ и привести себя в порядок, минут через десять я вернусь — и пойдем, хорошо?

В ответ Кэтрин подарила ему улыбку; лицо ее озаряло солнце, когда ветерок, врываясь в открытое окно, отводил чуть в сторону штору.

— Джеймс!

Он повернулся, рука его уже лежала на ручке двери.

— Что?

Ее лицо вновь осветилось счастливой улыбкой:

— Спасибо тебе за все.

Поимандрес недвижимо лежал на больничной койке, укрытый накрахмаленной простыней под самый подбородок. Теплый солнечный свет сочился сквозь жалюзи.

Суровое изможденное лицо копта как никогда напоминало маску древнего фараона. Сестра обошла кровать и тихонько коснулась его плеча. Затем пригнулась и что-то прошептала на ухо. Тут же Поимандрес открыл глаза. Мгновение он выглядел растерянным, взгляд его заметался по комнате, но, увидев двух своих гостей, копт улыбнулся.

Улыбка привнесла оживление в его лицо и придала ему теплых красок. Кэтрин обошла кровать и села на стул рядом. Рутерфорд остался стоять у изножья. Сестра кивнула Кэтрин и вышла. Кэтрин наклонилась к Поимандресу. С чего начать, она не знала, до сих пор с трудом сознавая все произошедшее с ней.

— Мистер Поимандрес, все хорошо. Камень Бенбен у нас, удалось спасти его после ночного взрыва. — Кэтрин подняла с пола свою сумочку и положила себе на колени. — Как нам вернуть его?

Она обвела взглядом палату. Кровать Поимандреса была отделена от других пациентов ширмой. Для такого артефакта место явно неподходящее. Поимандрес открыл и закрыл рот. Губы дрогнули в слабой, но заметной улыбке. Затем, собрав все силы, он заговорил:

— Не стоит ломать голову. Камень Бенбен сам по себе не так значителен.

Он заметил выражение удивления и шока на лицах ученых. Слабо покашляв, копт заговорил вновь, отчаянно пытаясь донести свою мысль:

— Ценности он не представляет. Это всего лишь символ.

Кэтрин не верила своим ушам:

— Вы хотите сказать, он «не работает»? Но мы же сами видели... этой ночью его...

Поимандрес снова закашлялся.

— Нет, он «работает». Но он, так сказать, не уникален. Бенбен — это компонент механизма. Тот, кто зна-

ет, может запросто изготовить другой такой же. А знают это, к счастью, очень немногие.

Рутерфорд усмехнулся про себя: «Нормально. Стоило ради этого рисковать жизнью».

Поимандрес поднял глаза на него.

— Лучше, наверное, будет просто выбросить его. Так безопаснее.

Рутерфорд согласно кивнул. Облизав сухие губы, Поимандрес продолжил:

— Мы с вами уже смотрели смерти в лицо, и спасло нас чудо. Человека в белом остановили. Не дали Корпорации узнать об энергии пирамид. Кто-то из их руководства погиб вместе с самолетом, и на какой-то срок их зловещие планы отложены.

Кэтрин нахмурилась.

— Только они по-прежнему продолжают уничтожать планету. Мы остановили их всего на день. Но теперь, когда мы знаем, что таяние льдов приведет к подвижке литосферы, — что мы можем сделать?

Рутерфорд посмотрел — нет ли рядом медсестры.

— Может, мы сами придумаем, как своими силами запустить механизм? Мы можем использовать энергию пирамиды и отвести человечество от пропасти. Может, идея-то у Безумова была неплоха в отличие от методики...

Его прервал резкий сухой кашель Поимандреса.

— Увы, Джеймс. Нет пока на Земле человека, способного управлять этой силой. Необходимо противостоять искушению использовать эту машину или открыть зал Памяти Времен. Вы и так уже поняли достаточно. Если попытаетесь силой бороться с Корпорацией, либо вас она раздавит, либо вас развратит сила — так же точно, как тех, кто считает себя владыками Корпорации. А победить ее можно только одним способом.

— Каким? — спросила Кэтрин.

— Элементарным. Людям надо разъяснять правду. И взгляды людей должны меняться по их воле, нельзя принуждать их к этому, иначе в итоге вы сами превратитесь в Корпорацию. Помните: правда есть самая могущественная сила во Вселенной. — Поимандрес улыбнулся. — Мы на пороге новой эры. Корпорация кажется сильной как никогда, однако это и в самом деле только кажется: мы тоже как никогда близки к победе над ней. Людей достаточно научить видеть правду — и они поймут, что современные пути, средства «развития», экономический рост — это, по сути, тяжелые заболевания, ведущие только к порабощению. Нам достаточно лишь одного поколения — чтобы оно обрело веру и привило ее своим детям. Тогда мы станем свободными от хватки Корпорации и предотвратим катаклизм. Я верю, это нам по силам. Мы просто обязаны сделать это. В противном случае нет смысла спасать наш биологический вид... Вот видите, как все просто.

Поимандрес остановился перевести дыхание.

— Теперь понимаете, почему нынче не так важны Память Времен и какое-либо другое тайное знание. Мы должны добровольно отказаться от стремления к власти и богатству, потому что только через такие желания Корпорация способна управлять нами. Если мы найдем в себе силы повернуться спиной к этим формам материализма, тогда Корпорация и ее коррумпированные филиалы явят людям свое истинное лицо — кратчайший путь к гибели. Но для этого необходимо колоссальное общее усилие. А теперь ступайте. Возвращайтесь каждый к себе на родину и несите истину. Настоящее пока еще принадлежит им, но будущее — будущее в наших руках...

С последними словами Поимандрес разразился сухим кашлем. Вернулась сестра и строго взглянула на Кэт-

рин и Рутерфорда. Копт предпринял последнюю попытку заговорить:

— Теперь вам ничто не угрожает.

— Но как же взрыв? — с тревогой спросил Рутерфорд. — Разве он не привлек внимание египетской полиции и прессы? И что с обломками этого странного летающего блюда?

Собрав последние силы, Поимандрес ответил:

— Правительство Египта замнет все. В Гизе случается много странностей. Вам нечего опасаться. Сосредоточьтесь на заботах о будущем.

Сестра подошла к постели копта и хмуро посмотрела на двух ученых.

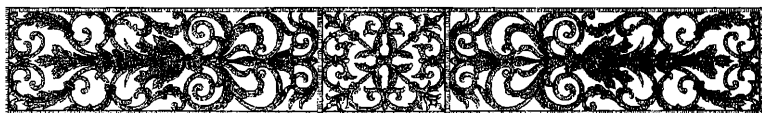
— Вам пора уходить — мистер Поимандрес еще очень слаб, долгие разговоры утомляют его.

Кэтрин поднялась:

— Да, конечно, простите...

Она склонилась так, чтобы копт слышал ее, не напрягаясь.

— Мы сделаем, как вы просите. Мы предупредим людей и убедим их изменить свой образ жизни. Мы принесем им правду. Обещаем.

Когда они вышли из больницы на солнце, Кэтрин неожиданно осознала, что впервые за долгое время она не озирается инстинктивно, находясь в людном месте. В ней не было напряженности впервые с тех пор, как она узнала о смерти профессора. Она глубоко вздохнула.

— Ну что ж, в ближайшее время нам будет чем заняться. Но прежде всего надо отдохнуть — мы ведь заслужили, правда? Может, махнем в аэропорт, посмотрим — вдруг успеем на лондонский рейс?

Рутерфорд улыбнулся в ответ:

— Да уж, для одной турпоездки мы насмотрелись и узнали достаточно. Домой явно пора.

Кэтрин зажмурилась, с наслаждением подставив лицо солнцу. Когда она открыла глаза, Джеймса рядом не было. Она беспокойно огляделась и увидела его возле двери в простенький сувенирный магазин.

— Я только на минутку, хочу купить кое-что на память о Египте.

Рутерфорд широко улыбался. Заинтригованная, Кэтрин пристально глянула на него:

— Джеймс! Ты что задумал?

— Постой минутку, я мигом.

Лавируя между пешеходами на тротуаре, Рутерфорд исчез в лавке. Внутри она смахивала на пещеру Аладдина, изобилующую безделушками: кожаные сумки, су-

венирные верблюды из прессованной кожи, персидские ковры, кальяны и широкие подносы с ювелирными изделиями — кольцами, ожерельями и серьгами из различных материалов, на некоторых была гравировка с египетской символикой. Рутерфорд пригляделся к украшениям. На одном маленьком столике он заметил кусочек поролона с приколотыми к нему несколькими дюжинами колец. Все кольца были серебряными с яркими, но не драгоценными камнями в простенькой оправе. Внимательно рассмотрев все, Рутерфорд вытянул одно. Откуда-то из темноты подсобки появился старик, хозяин лавки, и шаркающей походкой подошел к Джеймсу с удивленным лицом: сегодня он явно не ожидал покупателей. Рутерфорд повернулся к нему и улыбнулся.

— Я хотел бы купить это кольцо.

— Сто египетских фунтов, — пробурчал хозяин.

Рутерфорд не собирался торговаться:

— По рукам. Только я хотел бы попросить вас вытащить камень.

Старик поднял на него непонимающий взгляд. Рутерфорд жестами показал, что ему надо. Старик смутился.

— Вытащить камень? Все равно сто фунтов. Без камня цена та же.

Рутерфорд кивнул:

— Понял. Не волнуйтесь, я заплачу сколько просите. Вот деньги.

Старик покачал головой и улыбнулся: «Сумасшедшие туристы!» Он побрел назад, в подсобку, и принялся рыться в коробках. Рутерфорд оглянулся, чтобы посмотреть через стеклянную дверь магазинчика: Кэтрин стояла на тротуаре, разглядывая прохожих. Увидев ее, он почувствовал, как радостно забилось сердце. Старик тронул его за локоть:

— Давайте сюда.

Рутерфорд протянул ему кольцо.

Умело действуя щипчиками, старик разогнул державший камень металлический зажим. Затем, перевернув кольцо, постучал им по ладони — камень выпал, и старик протянул его Рутерфорду. Джеймс улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Оставьте себе. А теперь я попрошу вас сделать вот что...

Из кармана Рутерфорд достал камень Бенбен. Глаза старика расширились при виде алмаза, приделанного к вершине маленькой пирамидки. Рутерфорд рукой показал, что надо переставить алмаз с пирамиды в держатель кольца.

— А-а...

Старик понял, чего от него хотят. Он радостно улыбнулся Рутерфорду и, взяв из его руки Бенбен, суетливо направился в подсобку и вновь стал рыться в коробках. Затем, бормоча что-то под нос, поколдовал с различными инструментами и немного погодя издал радостный возглас.

Вернувшись к прилавку, старик предъявил алмаз Рутерфорду, а затем принялся осторожно вставлять его в зажим кольца. Минуту спустя, завершив последние штрихи, он протянул кольцо Рутерфорду.

— Подарок! — гордо объявил египтянин.

— Точно! — усмехнулся Рутерфорд, расплатился и, толкнув стеклянную дверь, вышел на улицу.

Подойдя к двери, польщенный старик смотрел вслед странному покупателю.

Джеймс глубоко вздохнул и направился прямо к изумленной Кэтрин.

— Что ты сделал с камнем?

С лукавинкой во взгляде Рутерфорд ответил:

— Украсил им обручальное кольцо.

Миловидное лицо Кэтрин зарделось, обратив щеки в две чудные розы. Она улыбнулась так, как никогда прежде: не колеблясь, она взяла кольцо, надела его на палец и упала в нежные объятия сильных рук возлюбленного.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	45
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	181
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	251

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Том Мартин
КРЫЛО ЛЮЦИФЕРА

Ответственный редактор *А. Етоев*
Редактор *Л. Филиппов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *К. Иванов*
Корректоры *М. Одиноква, Л. Самойлова*
Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

ООО «Издательство «Эксмо»

Профессор экологии Оксфордского университета найден мертвым в горах Перу. Кэтрин Донован, его ученица, дает клятву разобраться в причинах смерти учителя. В ее руки попадает зашифрованное послание, из которого становится ясно, что наша Земля стоит на грани мировой катастрофы... Роман тайн, действия которого перемещаются из одной точки планеты в другую, где загадки древних цивилизаций сплетаются в единую цепь, а из звеньев этой цепи складывается судьба человечества.

ISBN 978-5-699-36479-4

9 785699 364794 >